

ДОРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Историческая проблема
в свете археологии

Ю. В. Андреев

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков), Б. В. Ерохин
(Санкт-Петербург), О. Ю. Климов (Санкт-Петербург), А. И. Колесников
(Санкт-Петербург), С. Ю. Монахов (Саратов), В. П. Никоноров (Санкт-
Петербург), И. В. Пьянков (Великий Новгород), Э. В. Рунг (Казань),
Р. В. Светлов (Санкт-Петербург), А. А. Сеницын (Саратов / Санкт-
Петербург), М. М. Холод (Санкт-Петербург)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

PROCEEDINGS OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VOLUME XLIII

THE DORIAN INVASION

A Historical Problem in Light of Archaeology

by
Yurij V. Andreev

Nestor-Historia
St. Petersburg
2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
Том XLIII

Ю. В. Андреев

ДОРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

**Историческая проблема
в свете археологии**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

Андреев, Ю. В.

А65 Дорийское завоевание: Историческая проблема в свете археологии / Под редакцией В. С. Бочкарёва; подготовка издания Л. В. Шадричевой. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 222 с., ил. — (Историческая библиотека; Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XLIII).

ISBN 978-5-4469-0652-9

В предлагаемой книге всесторонне исследуется проблема дорийского завоевания, которая является одной из ключевых для понимания ранней истории Греции, ибо с этим событием связывают падение микенской цивилизации и переход на качественно новые устои общества. Автор рассматривает множество мнений и определяет свою позицию по отношению к ним на основе сопоставления археологических материалов XII—X вв. до н. э., предполагаемому времени прихода дорийцев на Пелопоннес и ближайшие острова Эгейды, с данными, восходящими к античной исторической традиции, о массированном вторжении в Южную Грецию большой орды северных варваров из Эпира, Македонии и Фессалии. На двух главных опорных пунктах дорийского влияния на Пелопоннесе — Аргосе и Спарте — автор останавливается особо.

Книга предназначена для всех интересующихся древней историей и археологией Греции, а также Балкан и Центральной Европы.

ББК 63.3(0)32-28

Andreev, Yu. V.

The Dorian Invasion: A Historical Problem in Light of Archaeology / Edited by Vadim S. Bochkaryov; prepared by Lyudmila V. Shadricheva. — St. Petersburg: Nestor-Historia, 2015. — 222 p., ill. — (Historical Library; Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Vol. XLIII).

The book thoroughly analyzes the problem of the Dorian invasion, which is one of the key matters for understanding the early history of Greece, because this event has been connected to the fall of the Mycenaean civilization and transition to qualitatively new foundations of society. The author considers a lot of opinions and defines his own position towards them by comparing archaeological materials of the 12th–10th centuries BC, when the Dorians came to the Peloponnesus and the nearest Aegean islands, and data of the Classical historical tradition concerning a massed incursion into Southern Greece of huge hordes of the northern barbarians from Epirus, Macedonia and Thessaly. He especially dwells on the two main strongholds of Dorian influence on the Peloponnesus — Argos and Sparta.

The book is intended for all those who are interested in the earliest history and archaeology of Greece as well as the Balkans and Central Europe.

© Ю. В. Андреев (Л. В. Шадричева), 2015

© В. С. Бочкарёв, предисловие, 2015

© Институт истории материальной культуры РАН, 2015

© С. В. Лебединский, оформление, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юрий Викторович Андреев, выдающийся отечественный историк, оставил нам большое научное наследство. При жизни он опубликовал ряд книг и множество статей, посвященных различным аспектам истории Древней Греции. Кроме того, в его архиве сохранилось еще несколько рукописей, которые при небольшой технической доработке также оказались вполне пригодными для печати. Одна из них представлена в данном издании. Она датирована 1989 г. и озаглавлена «Дорийское завоевание (историческая проблема в свете археологии)». Ее текст выверен автором и снабжен научным аппаратом. Правда, отсутствовали иллюстрации, которыми, конечно же, Ю. В. Андреев намеревался снабдить свою работу. Но этот пробел удачно восполнила Л. В. Шадричева. Ориентируясь на отсылки в тексте, она подобрала весь необходимый материал. Следует упомянуть еще один вопрос, который возник в процессе редактирования текста. При его внимательном прочтении сложилось впечатление, что последняя глава работы осталась недописанной. Она как бы внезапно обрывается. Возможно, это обманчивое мнение, и оно вызвано тем, что в этой главе отсутствуют итоговые выводы. Впрочем, это не слишком большая потеря. Они компенсируются общим заключением, которым завершается работа.

Эта книга Ю. В. Андреева посвящена проблеме дорийского завоевания Южной Греции, которое, как предполагается, произошло в конце XIII—XII вв. до н. э. (ЛН ПВ—ЛН ПС по хронологии Фурумарка). Сама эта проблема в европейской литературе дискутируется уже более ста лет и до сих пор не решена. Поэтому она и сейчас остается актуальной. Такое повышенное внимание к указанному событию объясняется тем, что оно сыграло исключительно большую роль в истории Древней Греции. Это понимали и сами древние греки, начиная с Геродота и Гелланика Лесбосского. В современной науке дорийское завоевание рассматривается как важнейший рубеж, разделяющий микенскую и античную эпохи. Вместе с тем полагают, что оно во многом предопределило некоторые

особенности развития античной Греции, которые так ярко проявились в дорийской Спарте и ахейских Афинах.

Концепция дорийского завоевания сложилась в европейской исторической науке еще в конце XIX в. В ее основу было положено предание о так называемом возвращении Гераклидов, а также сообщения древнегреческих историков и поэтов. Эти сведения являются весьма отрывочными и не вполне ясными. В целом они носят легендарный характер. Поэтому мнения относительно их исторической достоверности разделились. Одни исследователи, хотя и с оговорками, признают правдивость этих сведений, а другие их категорически отвергают. Но, как кажется, большинство современных историков и археологов занимают промежуточную позицию. Они отдают себе отчет в исторической ущербности легенды о возвращении Гераклидов, но вместе с тем верят, что в ней содержится и зерно истины. Другими словами, сам факт завоевания дорийцами Пелопоннеса и Крита в конце бронзового века ими не отрицается. Близкой точки зрения придерживался и сам Ю. В. Андреев. Но в отличие от некоторых своих коллег-историков он понимал, что дорийскую проблему невозможно решить, опираясь только на античную традицию. В этом случае необходимо широко использовать археологические материалы. К концу XX в. они скопились в столь большом количестве, что возникла острая потребность в их систематизации в синтезе с историческими и лингвистическими данными. Эту задачу и попытался решить Ю. В. Андреев в своей книге.

Надо сказать, что до Ю. В. Андреева аналогичная попытка предпринималась неоднократно. Так, еще в 90-х гг. XIX в., в немецкой исторической науке высказывалась мысль о существовании прямой зависимости между дорийским завоеванием и гибелью микенской цивилизации, которая была незадолго до того открыта Г. Шлиманом. Эта идея нашла отклик в литературе. Возможно, именно она стимулировала австрийского ученого Ф. Шахермайра на разработку новой и более масштабной гипотезы. Согласно ей, гибель микенских царств и дорийское завоевание были только частью тех драматических событий, которые произошли в конце XIII–XII вв. до н. э. и охватили все Восточное Средиземноморье. Эти потрясения, как полагал Ф. Шахермайр, были вызваны как внутренними, так в основном, и внешними причинами. К числу последних он отнес многочисленные племенные миграции того времени. В ходе этих событий пали микенские государства и хеттская империя, Египет подвергся нашествию морских народов, а побережья Леванта и Палестины были опустошены. По тем временам это была вселенская катастрофа. Она нашла отражение в ряде письменных источников, а также,

возможно, и в Библии. По мнению многих исследователей, достоверно эти события можно подтвердить разнообразными археологическими данными.

Гипотеза Ф. Шахермайра подкупает широтой охвата материала, а также тем, что в ее рамках удается увязать в единое целое, казалось бы, разрозненные факты. Неудивительно, что она нашла много сторонников среди европейских историков и археологов. Некоторые из них начали усиленно разрабатывать тему об участии населения варварской Европы в указанных миграциях. По их мнению, выходцы из Центральной Европы, Среднего и Нижнего Подунавья, Италии, а также северобалканских регионов были основными фигурантами событий, которые развернулись в конце бронзового века в Восточном Средиземноморье. Эти выводы, как впрочем и вся гипотеза Ф. Шахермайра, почти целиком базируются на анализе археологических материалов. Эти находки сейчас представлены в достаточно большом количестве и отличаются разнообразием. Однако их историческая интерпретация сталкивается с рядом методических трудностей. Дело в том, что археологические материалы за редким исключением мало содержат подлинной исторической информации. Как правило, их сведения носят культурологический (антропологический) характер. Они лучше всего отражают не конкретные исторические события, а долговременные процессы и тенденции. Такова сама природа их происхождения. Кроме того, почти вся информация, как историческая, так и культурологическая, представлена в этих материалах в «опредмеченном» виде. Следовательно, ее еще нужно раскодировать и перевести на язык современной науки. Чтобы хотя бы частично преодолеть эти трудности, необходимо использовать особую исследовательскую процедуру, которая известна как методика историко-археологических реконструкций (Клейн, 2013, кн. 2, с. 348–490). Впрочем, и эта методика еще очень далека от совершенства. Поэтому достоверность таких реконструкций остается одной из самых острых проблем современной археологии (Массон, 1990). Почти все они в большей или меньшей степени носят условный характер. Не является исключением и гипотеза Ф. Шахермайра, которую подробно анализирует Ю. В. Андреев.

В отличие от многих своих коллег-историков он хорошо понимал специфику археологических материалов, а также их огромные возможности как исторических источников. Он не требовал от них больше того, что они могли дать. Его отличали осторожный подход к отбору археологических данных, а также их всесторонний анализ. Он всячески пытался избежать их однобоких и прямолинейных оценок. В этом отношении

весьма показательным является его анализ тех археологических источников, которые, по мнению многих исследователей, говорят о насильственной гибели микенских государств. Таких материалов сравнительно много. Но Ю. В. Андреев отбирает только те из них, которые поддаются непротиворечивой исторической интерпретации и коррелируют друг с другом. Среди них его внимание привлекают прежде всего данные о сильных разрушениях и пожарах, которые были зафиксированы при раскопках дворцов и цитаделей в Микенах, Тиринфе, Пилосе и в других местах. Практически одновременно с гибелью резиденций микенских ванактов страшному разорению также подверглись рядовые микенские поселения. Ю. В. Андреев, ссылаясь на авторитетные исследования, приводит соответствующие данные. Так, в Арголиде число поселений в это время уменьшилось более чем в 2 раза, в Лаконии — в 4, а в Мессении — в 5 раз! Косвенно это говорит о резкой депопуляции в различных областях Греции. С этим выводом согласуются наблюдения палеоботаников, согласно которым в конце бронзового века в Южной Греции заметно усилился процесс зарастания сорными растениями сельскохозяйственных угодий. Имеется также много указаний о свертывании в этот период торговых связей и контактов с Передней Азией, Египтом и Левантом.

По смыслу и времени эти данные согласуются между собой и очевидно говорят только об одном — о катастрофе, постигшей Микенскую Грецию в конце бронзового века. К такому выводу почти единодушно пришли многие современные исследователи. Анализ, который провел Ю. В. Андреев, делает этот вывод еще более убедительным. Но он тут же влечет за собой новый вопрос: в чем причина (или причины) микенской катастрофы? На этот счет единого мнения нет. В литературе было высказано несколько точек зрения, которые скорее дополняют, чем исключают друг друга. Самой распространенной является версия о военном разгроме микенских царств, в котором, как полагают некоторые исследователи, принимали участие также дорийцы. В пользу этой гипотезы кроме приведенных выше данных свидетельствуют многочисленные находки иноземного оружия: двулезвийных мечей, кинжалов, наконечников копий и дротиков. Эти изделия сильно отличаются от местной микенской продукции и не похожи на египетские и переднеазиатские импорты. Но зато многие из них находят близкие аналогии в континентальной Европе. В этом отношении особенно выделяются мечи с так называемой язычковой рукояткой (IIa тип по Э. Широкхофу). В XIII—XII вв. до н. э. они получили широкое распространение в Средней Европе. Их находки также хорошо известны на территории Сербии,

Румынии, Болгарии и Албании. Эти факты дают основания для еще одной гипотезы (В. Киммиг и др.). Согласно ей, в разгроме Микенской Греции активное участие приняли и выходцы из Средней Европы, носители *Urnfelderkultur*. В пользу этой гипотезы кроме иноземного оружия также приводят данные о находках на ряде микенских поселений так называемой варварской керамики. Она еще сильнее, чем упомянутое выше оружие, отлична от микенских образцов. Это грубая лепная керамика, в основном украшенная налепным орнаментом. Ее находят в ряде регионов Греции, включая и Пелопоннес. Судя по контексту, она датируется ПЭ ПС периодом, т. е. XII в. до н. э. Иными словами, ее появление на территории Южной Греции приходится на время гибели микенской цивилизации. Все исследователи сходятся в том, что эта керамика не имеет местных корней. Она явно иноземного происхождения. Однако остается без ответа ключевой вопрос: откуда эта керамика была привнесена в Южную Грецию. Одни исследователи приписывают ей итальяйское происхождение, другие — северобалканское, а третьи — среднеевропейское.

К исторической интерпретации изложенных выше археологических фактов Ю. В. Андреев подошел очень осмотрительно. Иногда кажется, что он излишне перестраховался. Однако в действительности его осторожность была обусловлена глубоким пониманием специфики археологического материала. Немногочисленные выводы Ю. В. Андреева кажутся простыми и лаконичными. В них нет ничего сенсационного, а есть только суровая проза истории. Так, признавая иноземное происхождение некоторых типов оружия, «варварской» керамики, ряда металлических украшений, он отказывается их связывать с дорийской культурой. Последняя, по его мнению, остается неизвестной. Во всяком случае, исторически и археологически она еще не выявлена. Поэтому широко распространенное представление, восходящее к античной традиции, о массивном дорийском вторжении в Южную Грецию является несостоятельным. Оно не подтверждается современными археологическими данными. По мнению Ю. В. Андреева, следовало бы говорить о постепенном просачивании на Пелопоннес и в некоторые другие области Эгеиды сравнительно небольших групп дорийских переселенцев. Они поэтапно занимали все новые и новые земли, наиболее пригодные для поселения. Все это было растянуто во времени и происходило на фоне драматических событий, которые в конце бронзового века охватили как Микенскую Грецию, так и все Восточное Средиземноморье. Очень важным является и другой вывод Ю. В. Андреева. Он полагал, что дальнейшее развитие греческой культуры в течение темных

веков в значительной мере было предопределено микенским наследием. Особенно ярко оно проявилось в вазописи. Судя по всему, геометрический стиль раньше всего сформировался в Аттике, которая во главе с Афинами была центром сопротивления ахейского населения дорийским завоевателям. Там же возникло первое примитивное государство полисного типа (так называемый Тесеев синойкизм).

В целом можно сказать, что эта книга Ю. В. Андреева принадлежит к числу лучших его работ. В ней изложена целостная и достаточно хорошо аргументированная концепция одного из ключевых событий древней истории Греции. Несомненно, она вызовет интерес как у наших, так и у зарубежных читателей. Сам факт ее публикации является примечательным событием, так как закрывает один из досадных пробелов в отечественной историографии.

В. С. Бочкарёв
Санкт-Петербург, 07.09.2014

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Настоящая работа представляет собой краткий обзор истории возникновения и современного состояния проблемы так называемого «дорийского завоевания». Проблема эта существует уже около ста лет, и по мере приближения XXI в. становится все более осязаемой потребность в систематизации множества разноречивых суждений о времени, предпосылках, характере и результатах дорийского вторжения в Южную Грецию, уже накопленных в научной литературе, с тем чтобы выявить среди них исторически наиболее правдоподобную и убедительно аргументированную версию оценки этого передвижения племен, являющегося важнейшим звеном в цепи событий, соединяющих и одновременно разделяющих две основные эпохи в истории Древней Греции: микенскую, или крито-микенскую, и античную. Очевидно, только таким образом может быть подготовлена почва для выработки более или менее устойчивого *consensus omnium* в этой чрезмерно затянувшейся дискуссии.

Приступая к рассмотрению возможных вариантов решения стоящей перед нами проблемы, следует напомнить о том, что в античной исторической традиции приход дорийцев на Пелопоннес, или, как его предпочитали называть в то время, «возвращение Гераклидов», занимает особое, можно сказать, ключевое положение. Начиная с Геродота и Гелланика Лесбосского, греческие историки оценивали его как важнейшее событие, завершающее историю так называемого «героического века» и одновременно открывающее новую историческую эпоху, которую Гесиод в своей известной легенде о пяти человеческих поколениях, или веках, назвал «железным веком» (*Hes. Opera* 174 sqq.).

Согласно широко распространенным в древности представлениям, вторжение дорийцев привело к резкому изменению политической обстановки во всей Греции. Повсюду происходили смены царских династий. Исчезли с исторической сцены древние героические династии: Персеидов и Пелопидов в Арголиде и Лаконии, Нелеидов в Мессении, Эакидов в Южной Фессалии и ряд других. Вместо них на Пелопоннесе, на многих островах Эгейского моря, в Фессалии и даже в отдаленной Македонии утвердились, если верить преданию, новые династии, основанные потомками величайшего из всех греческих героев Геракла.

По расчетам греческих историков, все эти события происходили спустя некоторое время после окончания знаменитой Троянской войны и возвращения на родину участников прославленного похода. Так, Фукидид (Thuc. I, 12, 3) называет точную дату прихода дорийцев, возглавляемых Гераклидами, — спустя 80 лет после взятия Трои, что соответствует примерно 1120 г. до н. э. (ср.: *Ibid.*, V, 112, 2).

Следует, правда, иметь в виду, что принятая Фукидидом датировка самой Троянской войны (около 1200 г. до н. э.) была далеко не единственной. Кроме нее известны также и другие сильно различающиеся между собой датировки. Самая ранняя из них — 1334 г. до н. э. (согласно сообщению Дуриса Самосского). Самая поздняя — 1184 г. до н. э. (согласно Эратосфену, за которым следуют Аполлодор, Диодор Сицилийский, Евсевий и другие поздние авторы).

Таким образом, приходится признать, что дата дорийского вторжения может передвигаться по хронологической шкале в довольно широком диапазоне — от 1254 до 1104 г. до н. э., если, конечно, допустить, что названный Фукидидом 80-летний промежуток, разделяющий оба эти события, соответствует действительному положению вещей.

Свою новую жизнь античное предание о «возвращении Гераклидов» обрело на рубеже XIX–XX вв. после того, как был открыт важнейший хронологический водораздел между двумя основными эпохами греческой истории — эпохой микенской дворцовой цивилизации (II тыс. до н. э.) и эпохой античной полисной цивилизации (I тыс. до н. э.)¹ — и постепенно начал все более ясно вырисовываться кризисный, катастрофический характер самого перехода греческого общества с одной ступени исторического развития на другую. Археологически зафиксированные симптомы упадка и вырождения микенской цивилизации — последней из эгейских цивилизаций эпохи бронзы, казалось бы, давали прямое подтверждение рассказам античных историков о передвижениях племен и тесно связанных с ними политических пертурбациях на Пелопоннесе и в других районах греческого мира в период, непосредственно следующий за Троянской войной.

Мысль о существовании прямой зависимости между вторжением дорийцев и гибелью микенской цивилизации впервые была высказана еще в 90-х гг. XIX в. двумя крупнейшими немецкими историками — Г. Бузольтом и Эд. Мейером (Busolt, 1893, I, S. 126, 202 ff.; Meyer, 1893, 2, S. 265; более позднюю литературу приводит Vitalis, 1930, S. 8, Anm. 14).

¹ Сейчас этот водораздел уже воспринимается как целый исторический период (так называемые темные века) продолжительностью никак не менее чем в три столетия (с XI по IX в. до н. э.).

В последующие десятилетия концепция дорийского завоевания, путившая особенно глубокие корни в немецкой националистической историографии, становится одним из важнейших элементов в пресловутой «нордической теории». В гипертрофированных формах мы встречаем ее в работах целого ряда немецких историков и археологов, утверждавших, что великая историческая заслуга дорийцев заключалась не только в том, что они разрушили окончательно одряхлевшую и не способную к дальнейшему развитию микенскую цивилизацию, но также и в том, что на ее развалинах они заложили основы новой, чисто эллинской культуры, ибо только им, единственным из всех греков, удалось сохранить первоначальный эллинский, т. е. индогерманский дух во всей его чистоте и неприкосновенности (ср. идеи К. О. Мюллера — Müller, 1824, I, S. XII; II, S. 5 ff.).

В то же самое время некоторые другие авторы, впадая в противоположную крайность, пытались оспаривать сам факт переселения дорийцев из Северной или Северо-Западной Греции в Южную, факт, казалось бы, надежно засвидетельствованный античной исторической традицией и подтверждаемый данными греческой диалектологии. Так, Ю. Белох в своей статье «Die dorische Wanderung», опубликованной в 1890 г. (Beloch, 1890), а позже и в своей завоевавшей широкую известность «Истории Греции» (Beloch, 1913, I, 2, S. 76 ff.) доказывал, что дорийцы были исконным греческим населением ряда районов Пелопоннеса, предание же о их приходе на этот полуостров откуда-то с севера, оформленное как легенда о «возвращении Гераклидов», возникло не ранее VIII–VII вв. до н. э. и в своей основе представляло собой попытку посредством сознательной исторической фальсификации обосновать претензии двух сильнейших дорийских государств Пелопоннеса — Аргоса и Спарты — на гегемонию в тех частях полуострова, которые в то время уже находились под их контролем, а заодно и обеспечить их царей достойной их могущества родословной, связав их по прямой линии с Гераклом. Что же касается исторических судеб микенской культуры, то она, по мнению Белоха, отнюдь не была уничтожена в результате внезапного нападения северных «варваров», а, напротив, путем постепенной эволюции трансформировалась в греческую культуру классической эпохи. В дальнейшем гипотеза Белоха была принята и усовершенствована некоторыми другими авторами, в том числе Б. Низе, У. Каршtedтом, Г. де Санктисом (Niese, 1906; Kahrstedt, 1922; De Sanctis, 1940).

Тем не менее в своем подавляющем большинстве европейские историки античности дали негативную оценку гиперкритической позиции Белоха (краткий обзор дискуссии по этому вопросу см. в книгах: Bengtson, 1965, S. 50, Anm. 5 и Oliva, 1971, p. 15). Даже те из них, кто, подобно

Эд. Мейеру, Р. Пёльману и У. Виламовицу (Meyer, 1893; Wilamowitz-Moellendorff, 1909; Pöhlmann, 1912) в целом склонны были разделять скептическое отношение Белоха к легенде о «возвращении Гераклидов» и полагали, что в значительной своей части она представляет собой всего лишь псевдоисторическую фикцию, все же не решались отрицать сам факт переселения дорийцев из Северной Греции в Южную, т. е. то, что составляет основное ядро предания.

За истекшие десятилетия XX в. накоплен и изучен большой фактический материал, как археологический, так и лингвистический (особенно если учитывать успешную дешифровку архивных документов микенской эпохи). Однако проблема дорийского завоевания все еще очень далека от своего окончательного решения. Можно даже сказать, что введенные в научный обиход новые факты не столько приблизили это решение, сколько, наоборот, еще более запутали и усложнили саму проблему.

До сих пор остается предметом дискуссии сам факт прихода дорийцев на Пелопоннес. В зависимости от позиции, занятой в этой дискуссии тем или иным автором, все они могут быть разделены на три основные группы, как это, в сущности, было еще и в начале века, хотя сам характер аргументации каждой из этих трех «партий» с тех пор существенно изменился. Одни авторы, в том числе Хэммонд, Бак, Рубинзон и другие, настаивают на абсолютной достоверности античного предания о дорийском переселении, стремясь подтвердить реальность каждого из составляющих его эпизодов с помощью имеющихся в настоящее время конкретных археологических данных. Другие авторы столь же решительно и безоговорочно отбрасывают всю античную традицию, считая ее не заслуживающей доверия и подчеркивая при этом, что сам вопрос о времени и обстоятельствах прихода дорийцев на Пелопоннес лишен смысла, поскольку они составляли интегральную часть населения этого региона на протяжении по крайней мере всего II тыс. до н. э. В состав этой «экстремистской» группировки современных последователей Белоха входят известный английской лингвист Дж. Чедвик, историк Хукер и автор ряда работ по истории греческой религии Дитрих. Наконец, существует и довольно представительная партия «умеренных», включающая таких авторитетных историков и археологов, как Старр, Десборо, Снодграс, Шахермайр, Боузек и некоторые другие. Все эти авторы пытаются занять некую промежуточную позицию между двумя крайними точками зрения на проблему дорийского завоевания, выступая в равной мере как против проявлений безграничного доверия к традиции, так и против столь же безграничного скептицизма. В настоящий момент такой компромиссный подход к решению проблемы представляется нам наиболее оправданным.

Глава I

ЛЕГЕНДА О «ВОЗВРАЩЕНИИ ГЕРАКЛИДОВ», ИЛИ О ДОРИЙСКОМ ЗАВОЕВАНИИ ПЕЛОПОННЕСА

1. АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О «ВОЗВРАЩЕНИИ ГЕРАКЛИДОВ»

Уже a priori, предваряя непосредственное знакомство с имеющимися в нашем распоряжении нарративными источниками, следует признать вполне допустимым предположение, что дорийцы не были автохтонным населением тех районов Пелопоннеса, так же как и тех островов Южной Эгеиды, которые они занимали в более или менее известные нам периоды истории Греции. Вполне вероятно, далее, что коллективная память народного предания сохранила какие-то, пусть случайные и отрывочные, сведения об их переселении в эти края откуда-то с севера. Это представление достаточно ясно выражено уже в древнейшем из всех наших источников — стихотворном фрагменте из «Евномии» Тиртея (Turt. fr. 2, 12–5): «Ведь сам Кронион, супруг прекрасновенчанной Геры Зевс, даровал этот город (т. е. Спарту. — Ю. А.) Гераклидам, вместе с которыми мы покинули овеваемый ветром Эриной и прибыли на широкий остров Пелопа». Как следует из этих строк, уже в VII в. до н. э. спартанцы, к которым обращается здесь поэт, считали себя выходцами из Дориды¹,

¹ Эриной (в историческое время) — одна из трех или четырех сельских общин Дориды (Meuser, 1893, 2, S. 263). Представление о Дориде как «метрополии» Спарты и других дорийских полисов Пелопоннеса было широко распространено еще в V в. до н. э. (Hdt. VIII, 31, 43; Thuc. I, 107, 2). Пиндар, хотя и знал эту версию предания, не побоялся назвать основателями Спарты фиванцев Эгеидов. Им же он в той же оде приписывает главную заслугу взятия Амикл (Pind. Isthm. VII, 13–15).

маленькой гористой области в Средней Греции, расположенной между хребтами Парнаса и Эты. Предводителями дорийцев во времена их «исхода» из Дориды и последующих скитаний в поисках «земли обетованной» на «широком острове Пелопа» вся позднейшая античная традиция единодушно признает потомков Геракла (они же считались и родоначальниками царских династий Спарты, Аргоса, Мессении и других дорийских государств Пелопоннеса). Упоминание о Гераклидах в тексте Тиртея, конечно же, не случайно. Тем самым поэт ясно дает понять, что предание о дорийском переселении дошло до него уже в мифифицирующем облике легенды о так называемом «возвращении Гераклидов».

О времени и обстоятельствах возникновения легенды пока что трудно сказать что-либо определенное². Несмотря на то что древнейшие упоминания о борьбе Гераклидов за утраченное ими отцовское наследство (у Тиртея и много позже у Пиндара) прямо связаны со Спартой, давно уже признано, что основным центром, в котором предание обрело свою первоначальную форму и из которого оно затем распространилось в другие дорийские полисы, был Аргос (Meuer, 1893, 2, S. 252; Vitalis, 1930, S. 50 f.; Tigerstedt, 1965, p. 35; Kiechle, 1966, S. 493 ff.). Уже в V столетии было известно по крайней мере несколько довольно сильно различающихся между собой локальных версий легенды. Так, Геродот в одном случае прямо противопоставляет друг другу две такие версии — аркадскую и афинскую (Hdt. IX, 26–27), в другом же говорит об отличиях спартанской версии от каких-то других известных по произведениям

² Цитированный выше фрагмент Тиртея может служить точкой отсчета в любых попытках реконструкции древнейших этапов формирования предания. Если легенда о «возвращении Гераклидов» была известна в Спарте и, видимо, также в других дорийских полисах уже в период II Мессенской войны, когда жил Тиртей, т. е. примерно во второй половине VII в. до н. э., ничто не мешает нам предположить, что она уже существовала в том или ином варианте и даже подверглась литературной обработке по крайней мере столетием раньше, т. е. во второй половине VIII в. до н. э. Создатели гомеровского эпоса, правда, лишь наиболее поздних его частей, таких как «Каталог кораблей», уже были осведомлены о связи Гераклидов с дорийцами (II, 653 sq.; 676 sq.), но, похоже, еще ничего не знали об их «возвращении» на Пелопоннес. Геродот намекает на существование внушительной поэтической традиции, в которой эта тема разрабатывалась на протяжении, по всей видимости, целого ряда поколений (Hdt. VI, 52: *Λαχεδαίμονιοι γὰρ ὀμολογοῦντες οὐδὲνί ποιητῆι*). Стремясь каким-то образом конкретизировать этот намек, современные исследователи называют в числе поэтов, которых мог иметь в виду Геродот, Эвмела Коринфского, Кинефона Спартанского, Писандра Родосского, Паниасида Галикарнасского, анонимных авторов эпических поэм «Эгимий» и «Взятие Эхалии» и ряд других (Meuer, 1893, 2, S. 252; Vitalis, 1930, S. 45 ff.). Все эти попытки выявления конкретных источников легенды не выходят, однако, за пределы более или менее правдоподобных догадок.

«всех поэтов» (VI, 52). Однако в основной своей части легенда о возвращении Гераклидов дошла до нас только в более или менее полных и связанных переложениях историков и хронографов IV в. до н. э. и еще более позднего эллинистическо-римского времени (см. Ephor. = Strab. C. 427; Apollod. II, 8, 1–5; Diodor. IV, 37, 3; 57–58, 6; Paus. I, 41, 2; II, 18, 6–9; IV, 3, 3–6; VIII, 5, 1). Не приходится сомневаться в том, что за это время основное содержание легенды успело подвергнуться неоднократным редакциям и правкам, главной целью которых было приведение всех ее многочисленных и весьма противоречивых версий к некоему единому «знаменателю».

Примером такой унифицированной версии легенды может служить рассказ Аполлодора во II книге его «Мифологической библиотеки». По его словам, после смерти Геракла его сыновья вынуждены были скитаться по всей Греции в поисках защиты и убежища от преследовавшего их повсюду Еврисфея. В это тяжелое для Гераклидов время одни только афиняне решились прийти к ним на помощь. Приняв их у себя, они затем вместе с ними дали отпор Еврисфею (очевидно, когда он вторгся в Аттику). В сражении погибли сыновья Еврисфея, а сам он был сражен Гиллом, старшим сыном Геракла. После этого Гераклиды вторглись на Пелопоннес и «захватили все города». Однако начавшаяся вскоре чума заставила их отказаться от своих завоеваний и вернуться в Аттику, где их поселили в Марафоне. Через некоторое время Гилл обратился за советом к Дельфийскому оракулу. Полученный им ответ гласил, что вторжение может быть повторено «после третьего плода». Неправильно истолковав ответ божества, Гилл через три года двинул свои войска на Пелопоннес. Навстречу ему выступил сын Ореста Тисамен. В произошедшем сражении Гераклиды были разбиты, и один из них, Аристомас (сын Гилла), погиб (согласно более ранней версии Геродота [Hdt. IX, 26] и сообщениям некоторых других авторов, исход сражения был решен поединком Гилла с аркадским героем Эжемом, в котором Гилл был убит). В дальнейшем выяснилось, что Гераклиды сами виновны в своих несчастьях, так как «третий плод» в ответе оракула означал не третий год, а третье поколение. В соответствии с этим Темен, самый старший из представителей третьего (после Гилла) поколения Гераклидов, собрал новое войско в Навпакте, построил корабли и хотел переправить своих людей на противоположный берег Коринфского залива. Однако в это время на войско обрушились новые невзгоды. Флот Гераклидов погиб. Начался голод. Новое обращение к оракулу заставило Гераклидов искать Трехглазого, которого божество рекомендовало им сделать своим предводителем в новом походе. Таковым оказался этолиец Оксил, сидевший на одноглазом коне (его второй глаз был выбит

стрелой). Оксил, действительно, привел войско Гераклидов на Пелопоннес, и здесь они наконец одержали решающую победу над Тисаменом. После этого Гераклиды с помощью жребия поделили между собой захваченные города. Во время жеребьевки один из братьев Кресфонт прибег к хитрости и таким способом заполучил Мессению, видимо, считавшуюся лучшим из трех уделов. Аргос достался Темену, Лакедемон братьям-близнецам Еврисфену и Проклу, сыновьям погибшего во время похода Аристодема.

Даже те современные историки, которые не решаются оспаривать реальность дорийского завоевания Пелопоннеса, все же в большинстве своем не питают особого доверия к легенде о «возвращении Гераклидов», оценивая ее как сравнительно позднюю псевдоисторическую конструкцию, практически почти не связанную с фольклорной традицией и вследствие этого не способную дать хотя бы отдаленное представление о подлинных событиях периода племенных миграций и упадка микенской цивилизации. Так, Г. Бенгтсон решительно заявляет (Bengtson, 1965, S. 50): «При обсуждении (этих событий. — Ю. А.) могут учитываться... только показания археологии и диалектологии, но отнюдь не поздних историков, таких как Геродот и Фукидид, или поэтов вроде Тиртея и Пиндара». По мнению Н. Тигерстедта (Tigerstedt, 1965, p. 35), основное ядро легенды представляет собой «генеалогическую фикцию, изобретенную в Аргосе, исходя из политических мотивов. Эта фикция была перенята и развита дальше в Спарте». И далее: «Учитывая чисто фиктивный характер мифа о Гераклидах, невозможно следовать за античными и современными учеными в использовании данных мифа для реконструкции дорийского переселения. Если какая-либо из его деталей кажется сама по себе вероятной и согласуется с археологическими и лингвистическими фактами, это не означает, что они отражают подлинные традиции, но скорее что создатель мифа выводил (из них) те же самые очевидные заключения, что и современные исследователи». Аналогичные высказывания можно встретить и у многих других авторов, отнюдь не принадлежащих к числу последователей Белоха (см., например, Wade-Gery, 1924, p. 532 f.; Meyer, 1928, II, 1, S. 291, 569, 571; Thomas, 1978b, p. 82 f.; Cartledge, 1979, p. 75; Hooker, 1980, p. 169 f.; Schachermeyr, 1983, S. 341 ff. Cp.: Vitalis, 1930, S. 52 ff.; Hammond, 1932, p. 172 ff.; Sarkady, 1969, S. 12; Tomlinson, 1972, p. 61 ff.; Sandars, 1978, p. 185).

Не так уж трудно убедиться в том, что основная фабула легенды о «возвращении Гераклидов» сконструирована из серии эпизодов, «разыгранных» по всем законам авантюрного жанра, и в конечном счете представляет собой некое художественное целое, в котором элементы, почерпнутые из реальной истории, могут оказаться не более чем слу-

чайными вкраплениями. Бегство сыновей погибшего героя от жаждущих их гибели врагов, радушный прием при дворе чужеземного властелина, долгая и упорная борьба за возвращение отцовского наследства, окончательная победа после целого ряда неудачных попыток и раздел захваченной добычи — все это хорошо известные расхожие мотивы героических преданий, одинаково характерные как для стихотворных, так и для прозаических их форм.

Внимательный анализ содержания легенды позволяет предполагать, что ее основная сюжетная канва представляет собой результат искусственной контаминации по крайней мере двух первоначально не связанных между собой преданий. В одном из них «ведущие партии» принадлежали царю и родоначальнику всех дорийцев Эгимию³ и его сыновьям — эпонимам трех дорийских фил: Гиллу, Диману и Памфилу, тогда как в другом главные роли были отданы трем братьям — правнукам Геракла и вместе с тем родоначальникам царских династий Аргоса, Спарты и Мессении: Темену, Аристодему и Кресфонту. Объединившая два этих сюжета синкретическая версия легенды (представление о ней дает, например, уже приведенный выше рассказ Аполлодора и сообщения других поздних авторов), очевидно, возникла в результате примирения двух противоречивых традиций, одна из которых воплотила в себе честолюбивые амбиции царей Аргоса и Спарты, пытавшихся обосновать легитимность своей власти с помощью ссылок на кровное родство с самим Гераклом, тогда как другая, возможно, более ранняя еще хранила память о чисто дорийском происхождении важнейших социальных и политических институтов этих двух государств⁴. В Спарте в качестве

³ Согласно одной из версий предания (Ephor. = Strab., С. 427) Эгимий был царем дорийского четырехградья и лишился власти, которая была возвращена ему Гераклом. В благодарность за это Эгимий после смерти Геракла усыновил его старшего сына Гилла. По другой версии (Diodor. IV, 37, 3; ср.: Apollod. II, 7, 7), Эгимий, правивший в Гестиотеиде (Северо-Западная Фессалия), призвал Геракла на помощь в борьбе с теснившими его лапифами. В виде вознаграждения герой получил третью часть принадлежавших Эгимию земель, которые он оставил ему же на сохранение, покидая эти края. Ближе к первоисточнику (возможно, это была приписываемая некоторыми авторами Гесиоду поэма «Эгимий» — см.: Vitalis, 1930, S. 46 ff.) стоит, по-видимому, вторая из этих двух версий, поскольку само имя Эгимий, скорее всего, связано с топонимом Эгиний, локализуемом на верхнем течении Немей, т. е. в северо-западной части Фессалии (Wade-Gery, 1924, p. 519). Согласно Пиндару (Pind. I Pyth. 60–65), Эгимий был древнейшим дорийским законодателем.

⁴ Следы этого компромисса хорошо различимы еще в I Пифийской оде Пиндара (60–65), где спартанские обычаи названы «Гилловыми правилами» (Υλλίδος στάθμας) и в то же время «законами Эгимия» (τεθμοίον ... Αίγισιού), а сами спартанцы — «потомками Памфила и Гераклидов, дорийцами».

активных пропагандистов этой второй традиции могли выступать особенно усилившиеся в IV в. до н. э. эфоры.

Проформой, позволившей соединить обе традиции в одну, стал, судя по всему, мотив усыновления Гилла, признанного старшим сыном Геракла, дорийским вождем Эгимием (Meyer, 1893, 2, S. 251 f.; ср: Vitalis, 1930, S. 49). В действительности первоначально никакого кровного родства между Гиллом и Гераклом, с одной стороны, и Гиллом и младшим поколением Гераклидов, завоевавшим Пелопоннес, — с другой, по всей вероятности, не существовало. Такое родство возникло в результате «хитроумной» генеалогической калькуляции, конечной целью которой была, как надо полагать, «прививка» к родословному дереву потомков Геракла персонифицированного воплощения одной из трех дорийских фил. До этого Гилл, как нетрудно догадаться, был таким же сыном Эгимия, как и эпонимы двух других фил: Диман и Памфил. Эти двое, отнюдь не безлика толпа старшего поколения Гераклидов, вероятно, и были соратниками Гилла во время предпринятого им похода на Пелопоннес⁵ (Vitalis, 1930, S. 50; Schachermeyr, 1983, S. 347). Вполне возможно, что в этом варианте предания мотив «возвращения» еще не играл никакой роли и предприятие сыновей Эгимия сразу же увенчалось успехом: они сумели захватить весь Пелопоннес (Meyer, 1893, 2, S. 252 f.; Vitalis, 1930, S. 50) или, по крайней мере, те его области, которые в исторические времена принадлежали дорийцам.

Похоже, что эта версия была известна еще Аполлодору. Во всяком случае, используя ее (Apollod. II, 8, 2), он тут же постарался от нее избавиться, прибегнув для этого к помощи чумы, будто бы вынудившей Гераклидов вновь покинуть уже отвоеванные отцовские владения, и таким образом опять вывел свое повествование на дорогу, уже проторенную его предшественниками. Точно так же он несколько далее (II, 8, 3) одним росчерком пера избавляется от двух сыновей Эгимия и первоначально, видимо, братьев Гилла: Димана и Памфила, предоставив им почетную возможность погибнуть в последнем решающем сражении, в котором Гераклиды одержали окончательную победу над ахейскими властителями Пелопоннеса. До этого имена обоих братьев вообще ни разу не упоминались. Сами же они, как видно, пользовались завидным долголетием, пережив и Гилла, и еще два поколения Гераклидов.

В дошедшей до нас унифицированной версии предания собственно дорийский элемент, если считать его главным представителем Гилла, активно проявляет себя только на начальной стадии «возвращения».

⁵ Согласно некоторым ранним «редакциям» легенды, в этом походе участвовал еще и сам Эгимий (см.: Pind. Isthm. IX, 1–4 — о заселении дорийцами Эгины).

На заключительных его этапах братья-эпонимы трех дорийских фил должны были уступить свое место другим трем братьям, представляющим младшее поколение Гераклидов во главе с Теменом. В связи с этим произошла, очевидно, радикальная перестройка основной сюжетной линии легенды. Вся она была сильно растянута во времени за счет введения нескольких неудачных попыток вторжения, предпринятых в результате неверного истолкования советов оракула⁶. Самая первая из этих попыток, связанная с именем Гилла, отодвинулась далеко назад в эпоху, предшествующую Троянской войне, поскольку и сам Гилл из сына Эгимия должен был теперь превратиться в сына Геракла и, следовательно, стать заклятым врагом Еврисфея. Был введен и мотив раздела захваченных земель Пелопоннеса с помощью жеребьевки. В первоначальной версии предания он, скорее всего, еще отсутствовал: поскольку три филы были равномерно представлены во всех дорийских полисах Пелопоннеса, братья-эпонимы, вероятно, должны были владеть ими сообща. Потребность в разделе возникла лишь тогда, когда определяющим фактором в развитии сюжета легенды стали политические интересы правителей Аргоса и Спарты⁷.

Историческая ущербность легенды о возвращении Гераклидов проявляется хотя бы в том, что (несмотря на то, что основной целью, которую ставили перед собой ее создатели, было историческое оправдание дорийского владычества на Пелопоннесе) сами дорийцы оказались в ней отодвинутыми куда-то на задний план. В наиболее поздних версиях предания — у Аполлодора, Диодора, Павсания — они вообще почти не упоминаются. Впрочем, уже Геродот приводит афинскую версию легенды⁸ (позже ее повторяют Аполлодор и Диодор), которая, по всей видимости, полностью исключает участие дорийцев в борьбе Гераклидов за обладание Пелопоннесом. Показательно также и то, что, рассказав весьма подробно о предыстории похода и о первых неудачных попытках «возвращения», авторы легенды довольно быстро сворачивают свое повествование, как только оно начинает приближаться к благополучному

⁶ Впервые оракул Аполлона в Дельфах упоминается в связи с возвращением Гераклидов в V Пифийской оде Пиндара (Pind. V Pyth. 68–73).

⁷ Создатели или редакторы легенды при этом явно ориентировались на Гомера, у которого, если оставить в стороне «Каталог кораблей», также рельефно очерчены только три Пелопоннесских царства, участвующих в борьбе за Троию: Аргос с Микенами — царство Агамемнона, Лакедемон — царство Менелая и Пилос — царство Нестора (на это обратил внимание Р. М. Кук в «Proc. Camb. Ph. Soc.» 188, 1962, p. 18 f. — ссылка в ст. Rubinsohn, 1975, p. 110, n. 14).

⁸ Эта же версия легенды послужила и сюжетной основой трагедии Еврипида «Гераклиды».

завершению. В сущности, нам так ничего и не удастся узнать о том, каким именно способом Гераклидам удалось завладеть большей частью Пелопоннеса, о том, как пали перед ними хотя бы главные ахейские твердыни. У Аполлодора вся завершающая стадия похода сведена к одной-единственной фразе (Apollod. II, 8, 3): «Сразившись с врагами на суше и на море, они одержали победу и убили Тисамена, сына Ореста». Вероятно, некий смысловой вакуум в этой части предания ощущался уже и на ранних этапах его формирования. Чтобы как-то заполнить его, приходилось прибегать к явным хронологическим натяжкам. Так, Пиндар в I Пифийской оде (65–67) упоминает о том, как возглавляемые Гераклидами предки спартанцев, «устремившись от Пинда, овладели Амиклами», став таким образом «соседями белокожных Гиндаридов». Здесь мы наблюдаем явную контаминацию двух разновременных событий: прихода дорийцев в Лаконию и присоединения к Спарте Амикл, наиболее важного ахейского поселения в долине Еврота, за обладание которым спартанцам, по сообщениям некоторых поздних авторов (см., напр., Paus. III, 2, 6), пришлось вести долгую и упорную борьбу, причем произошло это уже много лет спустя после основания самой Спарты, вероятно не ранее VIII в. до н. э.

Итак, хотим мы этого или не хотим, но все же приходится признать, что античная традиция о «возвращении Гераклидов», даже если предположить, что в ней сохранился определенный минимум исторической информации, растворенный в массе всякого рода домыслов и догадок, возникших отчасти стихийно в процессе естественного отбора наиболее популярных героических сказаний, отчасти в результате сознательной фальсификации, пущенной в ход с определенным политическим умыслом, в целом несомненно, грубо искажает реальную историческую картину периода миграций и уже в силу этого не может служить сколько-нибудь надежной опорой в наших изысканиях. Это вытекает уже из того, что она практически игнорирует основную драматическую коллизию конца микенской эпохи — столкновение племенного мира Северо-Западной Греции с постепенно деградирующей и меняющей свой облик дворцовой цивилизацией, подставляя на ее место в общем довольно заурядную распря между двумя или даже тремя кланами ахейских династий, вполне уместную в той картине смут и усобиц, которой греческие писатели привыкли заканчивать историю «героического века» (Sandars, 1978, p. 185; Hooker, 1980, p. 169 f.). В легенде о «возвращении Гераклидов» реальный ход событий, происходивших в Греции в XIII–XII вв. до н. э., а также и в последующие столетия, с одной стороны, нарочито усложнен за счет добавления всякого рода авантюрных подробностей, явно чуждых подлинной истории этого времени, с другой же, очевидно,

сильно упрощен либо в угоду привычным стереотипам мифологической псевдоистории, либо просто по неведению. Сложный механизм племенных миграций, в конечном счете приведших к смене значительной части населения на территории материковой и островной Греции, сведен здесь к серии военных предприятий, четко фиксированных во времени и пространстве, причем из числа этих предприятий явно выпадают те наиболее важные, с точки зрения современной исторической науки, события, которые положили предел ахейскому владычеству на Пелопоннесе, а также в Средней и Северной Греции (мы имеем в виду, конечно, в первую очередь гибель микенских дворцов и цитаделей). Крайне ненадежной кажется и хронология главных эпизодов в истории этого периода, которую нам удастся извлечь из сочинений отдельных античных авторов. Сильные подозрения здесь внушает все: и основная точка отсчета, используемая греческими историками в их хронологических калькуляциях (за нее всегда принимается пресловутая Троянская война), и применяемая ими система летоисчисления, в основу которой положен счет по поколениям в ряде случаев, вероятно, разной продолжительности. По этой причине едва ли может быть принята на веру краткая хронологическая справка в «Археологии» Фукидида (Thuc. I, 12, 3), согласно которой «беотийцы, вытесненные фессалийцами из Арне, заселили теперешнюю Беотию, прежде именовавшуюся Кадмией... на шестидесятый год после взятия Илиона. На восьмидесятый же год дорийцы вместе с Гераклидами овладели Пелопоннесом». Если предположить, как это обычно и делается, что точкой отсчета для Фукидида, т. е. принятой им датой окончания Троянской войны, был приблизительно 1200 г. до н. э. (ср.: V, 112, 2), то беотийцы должны были заселить область, названную по их имени, где-то около 1140 г. и примерно в это же время или немногим раньше фессалийцы вторглись в Фессалию, тогда как дорийцы пришли на Пелопоннес двадцатью годами позже (Hammond, 1932, p. 152 f.; 1975, p. 690; 1976, p. 113 ff.). Эти вычисления греческого историка никак не удастся подтвердить с помощью археологических данных. Наиболее значительные разрушения микенских поселений как на территории Пелопоннеса, так и на территории Беотии и Фессалии относятся к более раннему времени — концу XIII или первой половине XII в. до н. э. Никаких особенно резких изменений в археологической культуре этих областей Греции в указанное Фукидидом время также не наблюдается. Единственно допустимое в данном случае предположение сводится, на наш взгляд, к тому, что Фукидид лишь зафиксировал в этом месте общую последовательность оседания северо-западных греков в трех основных районах Микенской Греции, вероятно, сообразуясь не столько с показаниями традиции, сколько с их географическим положением,

и при этом в достаточной степени произвольно датировал каждое из этих событий, в действительности, вероятно, относящихся к еще более позднему времени⁹.

Собственно историческим ядром легенды о «возвращении Гераклидов», по всей видимости, может быть признан лишь факт постепенного продвижения или, скорее, просачивания на Пелопоннес нескольких, первоначально, возможно, вообще не связанных друг с другом родоплеменных групп, объединявших в своем составе в основном представителей северо-западной ветви греческой народности. Память о происхождении этих племен так же, как и о местах их первоначального обитания, по-видимому, за давностью лет была утрачена¹⁰. Лишь две географические вехи, отмечающие путь, пройденный ими до их прибытия на Пелопоннес, запечатлелись в предании более или менее отчетливо. Это — Пинд и Дорида. Пинд как отправная точка, от которой началось переселение дорийцев на юг, упомянут Пиндаром в его I Пифийской оде (Pind. I Pyth. 66). На Дориду прямо указывает Тиртей — древнейший из наших источников (Turt. fr. 2, 12–5). Вероятно, эти два сообщения не исключают, а скорее дополняют друг друга, если предположить, что под Пиндом подразумевался весь обширный горный край, лежащий на стыке Фессалии и Эпира, где древние, скорее всего, и помешали прародину дорийцев и других северо-западных греков, тогда как Дорида, в их понимании, видимо так же, как и в действительности, была местом последней зимовки или, может быть, ряда таких зимовок дорийцев перед их окончательным нисхождением на равнину и началом движения по направлению к Пелопоннесу (Kirsten, 1983, S. 366 f.; 398 f. Cp.: Toynbee, 1969, p. 47 ff.)¹¹.

⁹ Весьма возможно, что в первоначальном варианте легенды о возвращении Гераклидов, существовавшем в Спарте, исходной точкой хронологического отсчета была не Троянская война, а какое-то другое событие, не особенно далеко отстоящее от утверждения спартанского господства в Лаконии и начала борьбы за овладение Мессенией (Kirsten, 1983, S. 395). Эту догадку отчасти подтверждает свидетельство Пиндара в I Пифийской оде (65–66), согласно которому дорийцы, выступив откуда-то из окрестностей Пинда, двинулись прямо к Амиклам и захватили их.

¹⁰ Известный экскурс Геродота (Hdt. I, 56, 3), посвященный блужданиям дорийцев по Северной и Средней Греции до их прихода на Пелопоннес, производит впечатление поздней ученой конструкции и едва ли заслуживает серьезного доверия (ср. различные попытки его истолкования у: Hammond, 1932, p. 152 f.; Sarkady, 1969, S. 9 f.; Toynbee, 1969, p. 47 f.; Thomas, 1978b, p. 82; Schachermeyr, 1980, S. 404 f.; 414 f.).

¹¹ Геродот (Hdt. VIII, 43), говоря о происхождении пелопоннесских дорийцев, объединяет названия трех разных мест, откуда все они в свое время переселились на «остров Пелопа». Такими местами он считает Эриней, Пинд и Дриопиду. Историк явно не задумывается здесь о реальном смысле и соотношении этих трех топонимов (иначе он вряд ли поставил бы Эриней рядом с Дриопидой-Доридой как

В этой связи, наверное, стоит отметить, что по своему географическому положению Дорида представляла подлинный форпост горной периферии Микенской Греции, выдвинутый почти вплотную к морскому побережью (в районе Малийского залива). Обитатели этого небольшого горного кантона могли держать под своим контролем единственную сухопутную дорогу, соединяющую Среднюю Грецию с Фессалией и в то же время совершать набеги как в северном, так и в южном (точнее в юго-восточном) направлении. Сравнительно небольшие расстояния отделяли Дориду от Истма и от выхода из Коринфского залива в районе Навпакта. Обе эти дороги, ведущие на Пелопоннес, учтены античным преданием, хотя описанные в легенде попытки прорыва дорийцев на юг по этим двум направлениям едва ли могут считаться отражением действительно происходивших событий. Более правдоподобно, что Дорида служила своеобразным «постоялым двором» или «караван-сараям» для непрерывно спускавшихся с гор кочевых пастушеских племен, местом стоянки, где они ненадолго задерживались перед своими набегами на равнинные области Фокиды, Беотии, Аттики и Пелопоннеса. Небольшие размеры кантона не давали возможности скапливаться в нем слишком большим человеческим массам. Вновь прибывшие племена неизбежно вытесняли пришедших ранее или же, соединившись с ними в одну общую орду, устремлялись в новый грабительский набег. Однако для жителей ближайших равнин все эти племена независимо от их действительного происхождения и самоназвания были «дорийцами», так как вышли из Дориды, и этот этноним, продвигаясь все дальше на юг, постепенно превратился в общее обозначение всех или большей части северных пришельцев, завладевших наследием ахейских династов Пелопоннеса. Подобным же образом в гораздо более поздние времена римляне перенесли самоназвание одного из эфирских племен — греки на всех обитателей Балканского полуострова и прилегающих к нему островов, говоривших по-гречески, а франки, особенно близко сталкивавшиеся с германским племенем алеманов, стали называть этим именем всех вообще германцев.

К сожалению, в нашем распоряжении все еще слишком мало надежных объективных, т. е. независимых от самой античной традиции данных, которые могли бы подтвердить нашу догадку о реальности переселения дорийцев. Пожалуй, сейчас этих данных стало даже меньше, чем в конце XIX в., когда возникла концепция дорийского завоевания.

некое равноправное понятие), а лишь автоматически повторяет то, что ему довелось слышать от каких-нибудь древних поэтов, быть может, все тех же Тиртея и Пиндара. Любопытно, что, как и в основном экскурсе, посвященном древнейшему прошлому дорийцев (*Ibid.*, I, 56), они названы здесь «македнами», что говорит об устойчивости этой ассоциации.

Некоторые важные доводы, которые выдвигались прежде в поддержку этой концепции, теперь утратили свою силу.

Самый простой из этих доводов — апелляция к Гомеру, который называет в своих поэмах население Пелопоннеса и всей вообще балканской Греции либо «ахейцами», либо «аргивянами», либо «данайцами», избегая каких-либо упоминаний о дорийцах¹² и об ионийцах. Отсюда заключают обычно, что во времена Троянской войны, т. е. в XIII или XII в. до н. э., на которые, очевидно, ориентировался поэт в своем повествовании, дорийцы еще не успели заселить Пелопоннес и этническая ситуация в этом районе, как и вообще в Греции, еще была совсем иной, чем спустя сто или двести лет. Однако ученые, отрицающие сам факт дорийского переселения (Белох и некоторые другие вслед за ним), как бы выворачивают этот аргумент наизнанку. В их понимании создатели легенды о возвращении Гераклидов просто придумали это переселение, чтобы таким образом объяснить странную ситуацию, изображенную в гомеровском эпосе, которая, по их мнению, ни в коей мере не соответствует исторической действительности периода реальной Троянской войны (Beloch, 1913, I, 2, S. 76 ff.).

К этому контрдоводу можно добавить еще один. Если дорийцы действительно были пришельцами в Южной Греции, то их отсутствие среди участников похода на Трою более или менее объяснимо. Но как объяснить то обстоятельство, что наряду с дорийцами поэт исключил из этого перечня также и две другие главные ветви греческой народности: ионийцев и эолийцев, хотя и те и другие причислялись древними в противовес дорийцам к автохтонному населению страны и никогда ниоткуда не приходили?¹³

Совершенно неотразимыми казались еще недавно аргументы, выдвигаемые в поддержку тезиса о радикальном изменении этнической ситуации в Греции на рубеже II—I тыс. до н. э. греческой диалектологией. Согласно почти единодушному мнению европейских лингвистов, утвер-

¹² В виде исключения можно сослаться лишь на два места в «Каталоге кораблей» (II, II, 653 sq. и 676 sq. — в каждом из этих случаев дорийцы, хотя и не названы прямо по имени, но могут иметься в виду) и одно в «Одиссее» (Od. XIX, 177 — дорийцы включены здесь в перечень народов, населяющих Крит). Все эти три упоминания могут расцениваться либо как интерполяции, либо, что более вероятно, как обычные эпические анахронизмы.

¹³ Согласно оригинальной гипотезе, выдвинутой А. Тойнби (Toynbee, 1969, p. 40 ff.), разделение всех эллинов на три основные диалектические группы — ахейско-эолийскую, ионийскую и дорийскую — впервые определилось в колониальной зоне Малой Азии и уже оттуда было перенесено в европейскую Грецию вместе с полисной организацией и делением на филы. Впрочем, нечто подобное этой идее в свое время высказывал уже Виламовиц (Wilamowitz-Moellendorf, 1909, S. 15).

дившемуся в научной литературе по крайней мере с конца XIX в., дорийский диалект, так же как и другие родственные ему диалекты греческого языка (так называемая северо-западная группа диалектов), лишь сравнительно поздно (не ранее (XII–XI вв. до н. э.) проник на Пелопоннес и острова южной части Эгейского моря. Под этими поздними напластованиями в течение всего I тыс. продолжал сохраняться более древний и еще достаточно мощный субстрат ахейско-эолийской речи. В более или менее чистом и беспримесном виде этот субстрат удержался лишь в некоторых районах, например в Аркадии и на Кипре. Эта диалектическая и вместе с тем этническая чересполосица в целом неплохо согласовалась со свидетельствами античной исторической традиции о борьбе дорийцев с ахейцами и вытеснении этих последних в глухие горные углы Пелопоннеса и на отдаленные острова. В свое время известный английский диалектолог Бак (Buck, 1926, p. 18) писал: «Даже если бы не было никакой традиции о дорийском вторжении (все равно) нужно было бы постулировать».

Однако сравнительно недавно этой концепции был нанесен довольно ощутимый удар. Видный английский лингвист Дж. Чедвик, один из самых активных участников дешифровки микенской слоговой письменности, выступил в печати с парадоксальным заявлением, из которого следовало, что ему удалось обнаружить в текстах прочитанных им архивных документов II тыс. до н. э. явные признаки дорийского диалекта (Chadwick, 1976a; 1976b. Ср.: Snodgrass, 1971, p. 303; Bartoněk, 1973, p. 305 ff.). Как считает сам Чедвик, это может означать только то, что дорийцы вовсе не были пришельцами, вторгшимися на Пелопоннес и на Крит не то из Эпира, не то из Македонии. Весьма вероятно, что они жили здесь на протяжении всей микенской эпохи, т. е. по крайней мере с XVII по XII в., на положении подвластного населения, поработанного правителями ахейских государств. Их восстание против своих угнетателей могло стать, в понимании Чедвика, одной из главных причин упадка и гибели микенской цивилизации (см. также Hooker, 1980, p. 171 ff.). При этом «стандартный» микенский диалект был вытеснен его огрубленным «субстандартным» вариантом. Эта гипотеза, вдохнувшая новую жизнь в, казалось бы, давно уже отвергнутые наукой нигилистические построения Белоха, имеет по крайней мере одно неоспоримое преимущество перед традиционной концепцией дорийского завоевания во всех многообразных ее вариантах: она дает достаточно правдоподобное объяснение давно уже смущающему историков факту почти абсолютной археологической стерильности дорийской культуры.

Однако, с другой стороны, встав на позицию Чедвика, мы вновь попадаем в затруднительное положение, так как, во-первых сами отрезаем

себе путь к правильному пониманию диалектической ситуации, сложившейся в Греции в I тыс. до н. э., и, во-вторых, приняв взгляды Чедвика, мы неизбежно должны будем отвергнуть разделяемое почти всеми античными авторами представление о дорийцах как пришлом, чужеродном элементе среди населения Пелопоннеса¹⁴. Разумеется, вопрос о происхождении будто бы дорийских изоглосс, открытых Чедвиком в табличках линейного *B* письма из Пилоса и Микен, может быть решен только профессионалами-лингвистами. Вероятно, микенские тексты сулят нам еще немало филологических парадоксов, особенно если вспомнить о том, что пути развития греческого языка во II тыс. до н. э. все еще окружены густой завесой тайны. Однако едва ли целесообразно прибегать при решении этих лингвистических загадок к историческим спекуляциям вроде тех, которые использует в своих работах Чедвик. Заметим попутно, что в рассуждениях замечательного английского лингвиста имеется один важный логический изъян. В самом деле, если дорийцы действительно были коренным населением Пелопоннеса и островов, зачем понадобилась им историческая фикция, превращавшая их из поработанных в поработителей и завоевателей собственной страны? Отвечая на этот вопрос, американская исследовательница К. Томас, в целом разделяющая взгляды Чедвика, пишет (Thomas, 1978a, p. 25; см. также: 1978b, p. 86 f.): «Дорийцы не были среди повелителей и героев этого (т. е. героического. — Ю. А.) общества, но занимали скорее гораздо более скромное положение. Вместо того, чтобы оказаться в мире героев на положении подданных, они сочли более предпочтительным, чтобы о них вспоминали как о разрушителях этого старого мира и создателях нового». На это можно возразить, что если бы реальная ситуация действительно была такой, какой ее изображают Чедвик и Томас, дорийцы едва ли сумели бы, несмотря на все их старания, сохранить ее в тайне. Их «секрет» легко и, вероятно, с охотой могли бы раскрыть ионийские аэды, предшественники Гомера. С другой стороны, если дорийцам и в самом деле удалось так легко и просто, как это изображает Томас, ввести в заблуждение всех остальных греков, то что мешало им задним числом исправить «историческую несправедливость», от которой так пострадала их репутация, и «внедрить» своих героев в ряды уже существующих персонажей героического эпоса? Ведь, в сущности, это уже и было сделано. Гераклид Тлиподем, которого все признают предводителем ополчения дорийских колонистов с острова Родос, не только

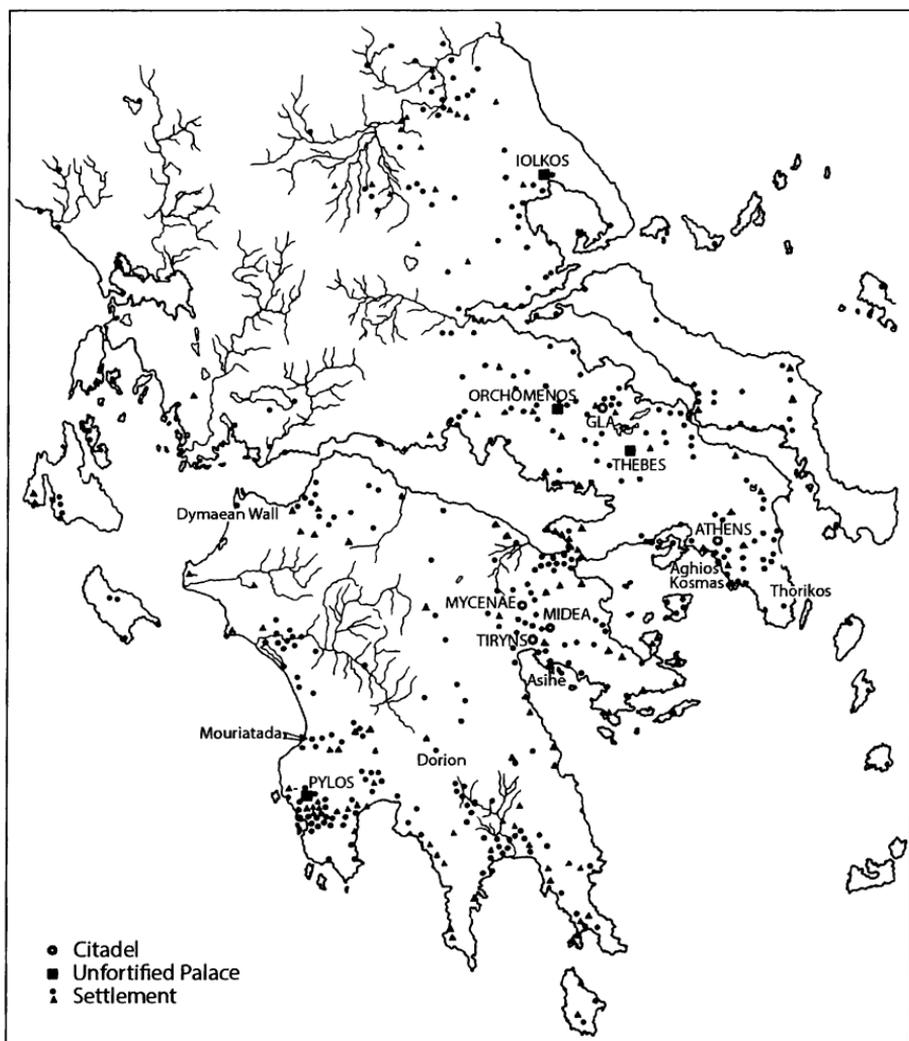
¹⁴ Как поздние пришельцы дорийцы обычно противопоставляются остаткам автохтонного коренного населения Эллады: афинянам и аркадянам (Hdt. I, 56; II, 171; VIII, 73; Thuc. I, 2, 6; Xen. Hell. VII, 1, 23). Ср.: Hooker, 1979, p. 300; 1980, p. 172.

попал в перечень ахейских героев в «Каталоге кораблей» (II, II, 653 sq.), но и удостоился чести быть сраженным рукой Патрокла в одной из батальных сцен «Илиады» (II, XVI, 416). Да и сама легенда о возвращении Гераклидов понадобилась дорийским правителям Аргоса и Спарты именно для того, чтобы доказать их преемственную связь с древнейшей царской династией Пелопоннеса — Персеидами (в противовес «узурпаторам» Пелопидам), а стало быть и свою сугубую автохтонность.

2. ГИБЕЛЬ МИКЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА конца XIII — начала XII в. до н. э.

Как мы видим, Чедвику и его последователям не удалось всерьез поколебать один из главных устоев традиционной концепции дорийского завоевания. Гораздо более ощутимый ущерб был нанесен ей в последние десятилетия не лингвистами и филологами, а археологами. Как известно, вплоть до конца 60-х гг. XX в. именно на дорийцев возлагалась главная ответственность за страшную катастрофу, положившую предел дальнейшему развитию микенской цивилизации. Долгое время было принято считать, что именно они, спустившись где-то в XIII или в XII в. до н. э. с горных пастбищ Эпира и Македонии, прошли «огнем и мечом» всю Северную и Среднюю Грецию и ворвались на Пелопоннес, предавая беспощадному опустошению оказавшиеся на их пути микенские государства и уничтожая их главные жизненные центры — дворцы и цитадели (Daniel, Broneer, Wade-Gery, 1948; Starr, 1961, p. 61 ff.; Blegen, 1967, p. 27 ff.; Bengtson, 1969; Stubbings, 1975, Ch. XXVII) (*карта 1*).

Однако за последнюю четверть века в изучении завершающей фазы микенской эпохи был достигнут весьма значительный прогресс. Появился целый ряд фундаментальных трудов, написанных такими авторитетными археологами, как П. Алин, В. Десборо, Я. Боузек, Э. Снодграсс, Фр. Шахермайр и др. (см.: Alin, 1962; Desborough, 1964, 1972; Bouzek, 1969; Snodgrass, 1971; Schachermeyr, 1980, 1984), в которых впервые начали вырисовываться подлинные масштабы катастрофы XIII–XII вв. до н. э. так же, как и ее последствия на всей охваченной ею территории материковой и островной Греции. Воссозданная почти исключительно на основе археологических данных картина грандиозного исторического катаклизма не укладывалась в привычные рамки античного предания о возвращении Гераклидов, и уже в силу одного этого общая уверенность в причастности к этим событиям дорийцев сильно пошатнулась.

Карта 1. Греция в XIII в. до н. э.

Все только что названные авторы сходятся на том, что это бедствие носило поистине тотальный характер. Его непосредственным проявлением было массовое разрушение как укрепленных, так и неукрепленных микенских поселений, происходившее почти одновременно или же с небольшим разрывом во времени на всем пространстве от Фессалии до южного побережья Пелопоннеса. Считается, что керамика, найденная в слоях разрушений, позволяет датировать их в основном рубежом

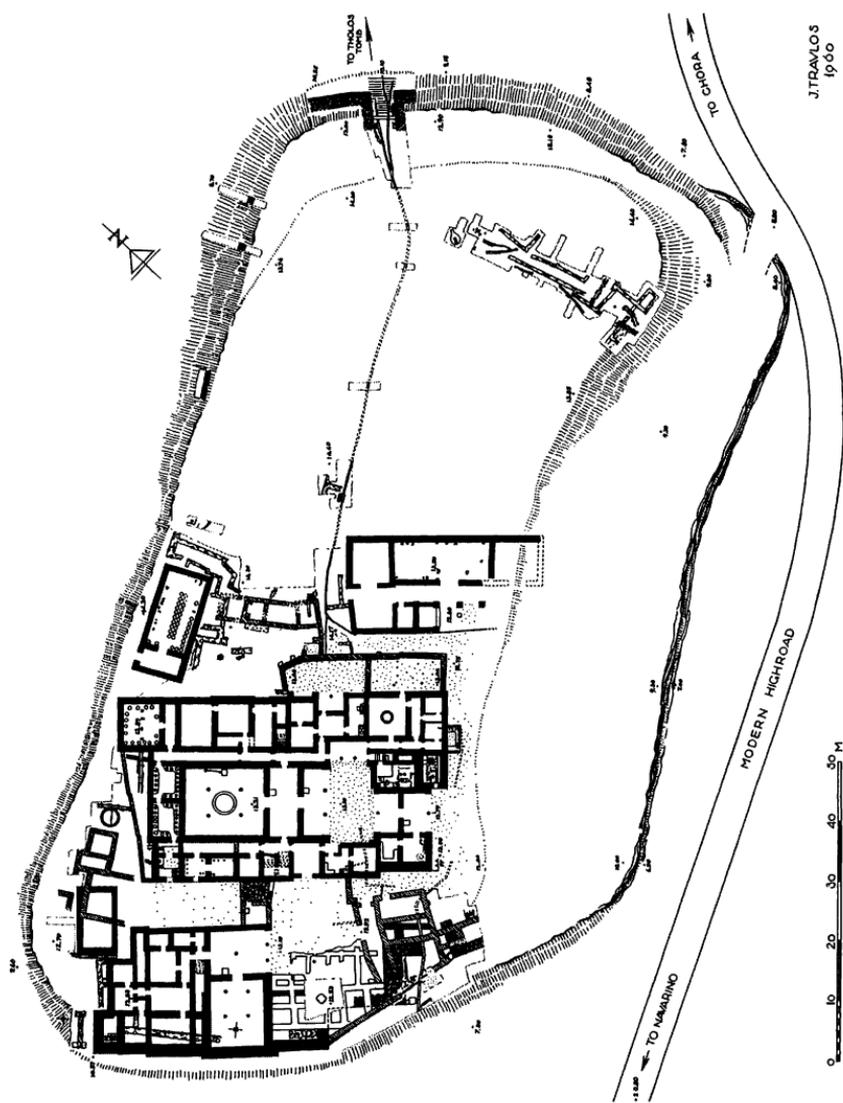
ПЭ ШВ — ШС периодов, что соответствует концу XIII — началу XII в. до н. э., хотя некоторые локальные разрушения могут быть отнесены либо к несколько более раннему, либо, наоборот, к более позднему времени. За этот короткий промежуток времени погибли в огне пожара дворец Нестора в Пилосе и поселение в Менелайоне близ Спарты (возможно, главный центр микенской Лаконии), были разрушены дворцы Микен и Тиринфа (хотя жизнь в обеих цитаделях продолжалась и после этого), погибла цитадель Гла на территории Беотии (ил. 1–4). Зона разрушений охватывала также множество рядовых поселений в Беотии, Фокиде, Аттике, Арголиде, Лаконии и Мессении. О размахе и непосредственных результатах катастрофы можно судить хотя бы по следующим цифрам, которые приводятся в книге чешского археолога Я. Боузека (Bouzek, 1969, S. 51. Ср.: Buck, 1969, p. 276; Desborough, 1972, p. 20; Hammond, 1976, p. 135): из 44 микенских поселений на территории Арголиды уцелело лишь 19, для Мессении аналогичное соотношение составляет 41 к 8, для Лаконии 30 к 7, для Беотии 28 к 5¹⁵. Некоторые области Средней и Южной Греции, как следует из этого сопоставления, лишились большей части своего населения, другие почти совсем обезлюдели¹⁶.

Эти поистине устрашающие масштабы катастрофы наводят на мысль о том, что в нашествии, если, конечно, это действительно было вражеское нашествие, должна была участвовать целая коалиция варварских племен наподобие той готско-скифско-сарматской орды, которая опустошила Грецию много веков спустя при императоре Галлиене¹⁷. Не подлежит сомнению, что, только имея на своей стороне абсолютное численное превосходство над противостоявшими им войсками ахейских ванактов, пришельцы могли отважиться на штурм, а тем более на долговременную

¹⁵ Данные Боузека, возможно, не совсем точны. Подсчеты Мак Дональда и Хоуп Симпсона дают еще более разительный контраст для одной только Мессении: всего 16 поселений ПЭ ШС периода против 168 поселений, существовавших на этой же территории в течение всего ПЭ периода. В XII в. до н. э. население этой области, таким образом, составляло едва ли 10% от его общей численности в XIII в. (McDonald, Hope Simpson, 1972, p. 141 f.).

¹⁶ В это же самое время наблюдается приток населения (очевидно, за счет беженцев из опустошенных районов) в места, не затронутые катастрофой. Такими «зонами убежища» становятся в первой половине XII в. до н. э. Ахайя, Элида, Восточная Аттика, Эвбея, острова Ионического архипелага (Desborough, 1964, p. 222; 1972, p. 20 ff.; Bouzek, 1969, S. 52 ff.; Snodgrass, 1971, p. 311; Schachermeyr, 1980, S. 51 ff.).

¹⁷ В представлении Шахермайра (Schachermeyr, 1984, S. 165), это нашествие более всего напоминало вторжение в Италию и Южную Галлию кимвров и тевтонов. В нем также принимали участие целые племена, снявшие с насиженных мест вместе с женами и детьми в поисках новых мест для поселения.

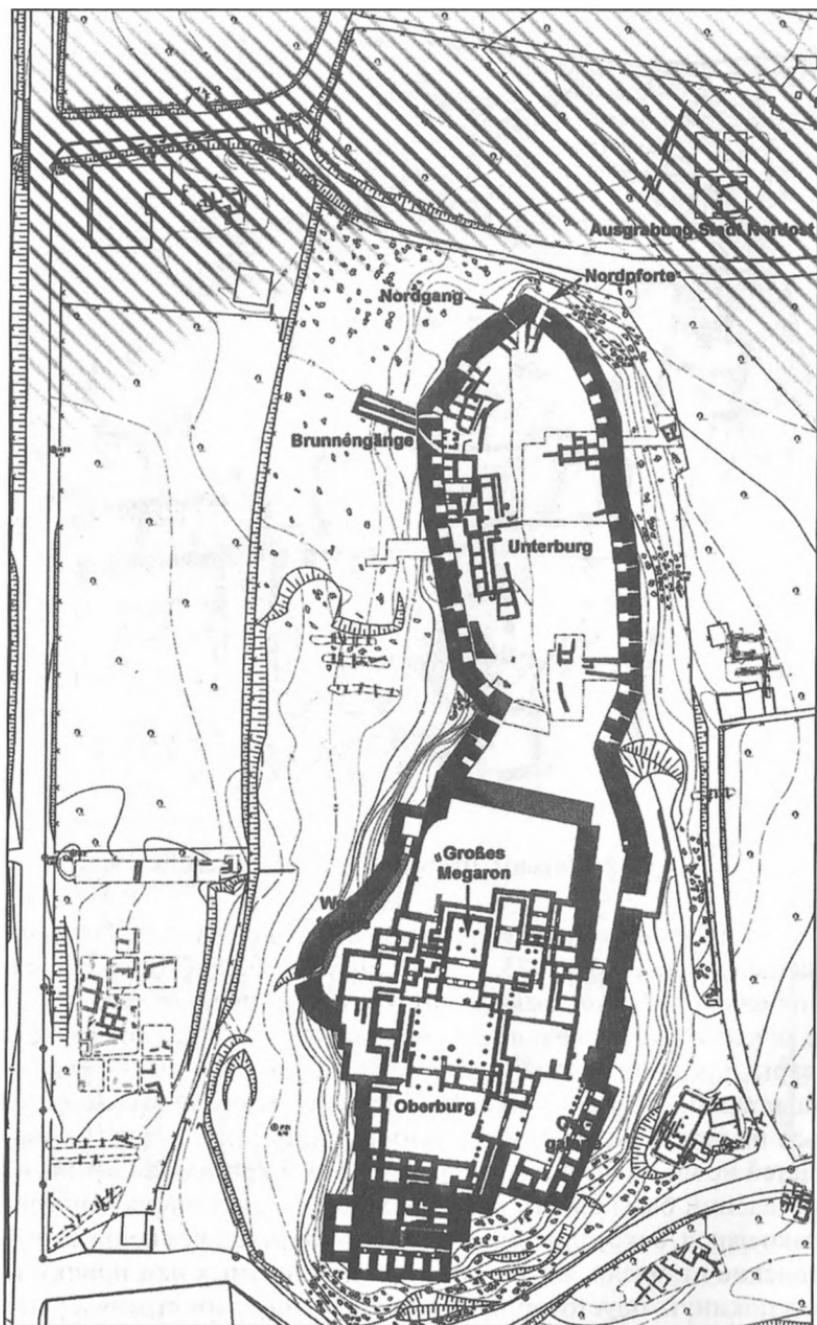
ΔΡΑΚΛΟΣ
1960

Ил. 1. Акрополь Пилоса с дворцом Нестора. План поселения

Ил. 2. Микены. Дворец. План главной части

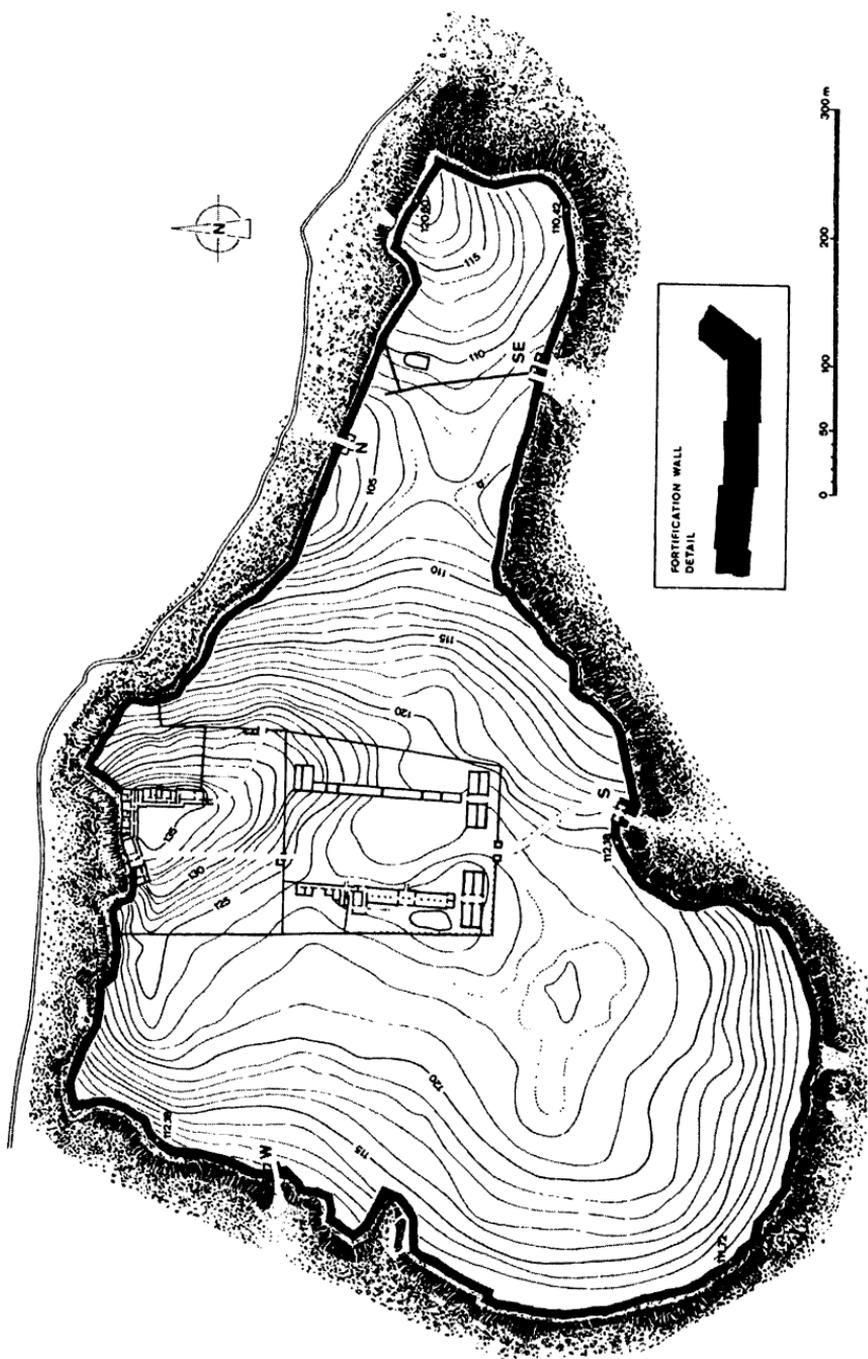
осаду таких великолепно укрепленных цитаделей, как Тиринф или Микены (ср.: Sarkady, 1975, p. 113). Но как объяснить в этом случае уже отмеченный выше факт резкого демографического спада именно в тех областях, которые попали в зону разрушений? Ясно, что если бы варвары, предавшие страшному опустошению самые населенные и процветающие области Микенской Греции, захотели бы сами обосноваться на захваченной ими территории, численность населения этих областей не могла бы так катастрофически сократиться и убыль в числе поселений была бы быстро восполнена за счет вновь основанных. Однако народ, сокрушивший до сих пор остававшиеся неприступными микенские цитадели, в силу каких-то неизвестных нам причин предпочел покинуть опустошенную и разграбленную им страну и ушел неведомо куда, не оставив после себя — так принять было считать еще недавно — никаких следов своего пребывания, кроме развалин и пепла

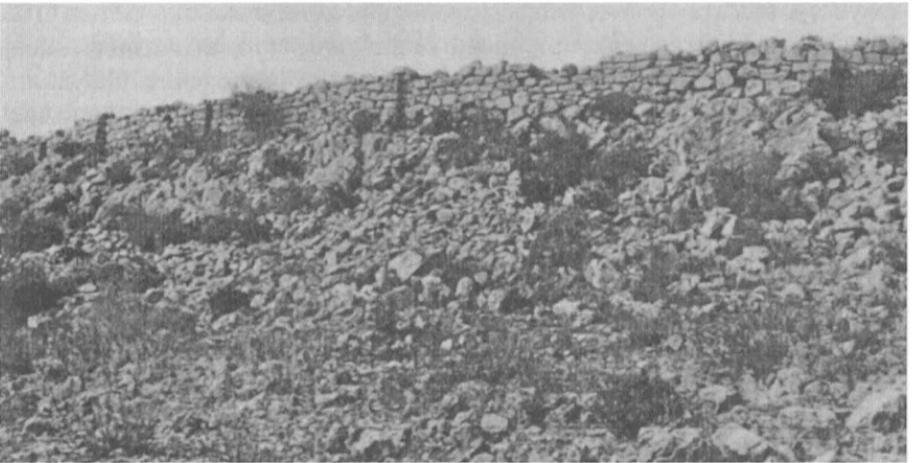
Ил. 3.1. План цитадели Тиринфа и примыкающего к нему «нижнего города»

Ил. 3.2. Тиринф. Цитадель

Ил. 4.1. Гла. План цитадели

Ил. 4.2. Гла. Аэрофотосъемка и зубчатый фортификационный вал цитадели

пожарищ (Desborough, 1964, p. 224; 1972, p. 21; Bouzek, 1969, S. 85; Tomlinson, 1972, p. 52 f. Ср.: Schachermeyr, 1980, S. 96; 448; 1984, S. 197 ff.; Bouzek, 1985, p. 222).

По мнению ряда авторов, материальная культура наиболее пострадавших от варварского нашествия областей в последующие годы не претерпела сколько-нибудь существенных изменений, сохранив, несмотря на явные признаки упадка и вырождения, свой прежний сугубо

микенский характер. Довольно долго считалось, что никаких данных, которые могли бы свидетельствовать об оседании на опустошенной территории каких-то новых этнических групп, нигде не сохранилось. Так, в 1960 г. американская исследовательница Э. Вермьюл категорически констатировала: «Нет ни одного наконечника стрелы, ни одного ножа или детали вооружения среди вещей, найденных в развалинах, которые не были бы предметами сугубо микенского происхождения» (Vermeule, 1960, p. 271. См. также: Desborough, 1964, p. 224; 1975, p. 660 ff.; Snodgrass, 1971, p. 311; Полякова, 1983, с. 99).

Все эти факты, как бы мы ни оценивали их историческую значимость, плохо вписываются в традиционную унаследованную от античной историографии картину дорийского завоевания Пелопоннеса. Если верить традиции в том ее виде, в котором она представлена в сочинениях Геродота, Фукидида, Эфора, Диодора, Аполлодора и других греческих авторов, дорийцы, возглавляемые потомками Геракла, захватили Пелопоннес и прочно обосновались на отвоеванной ими территории, частью истребив или поработив, частью же изгнав коренное ахейское население полуострова. Археология, если мы правильно понимаем ее свидетельства, не только не подтверждает эту давно ставшую хрестоматийной концепцию, но, более того, вступает с ней в прямое противоречие. Не удивительно, что в научной литературе последних десятилетий довольно часто высказываются сомнения в причастности дорийцев к драматическим событиям, происходившим в Греции на рубеже ПЭ IIIВ — IIIС периодов и, судя по всему, сыгравшим роковую роль в исторических судьбах микенской цивилизации.

Многие авторы все более склоняются к мысли, что дорийские племена появились на исторической сцене лишь тогда (вероятно, в самом конце XII или даже в XI в. до н. э.), когда судьба ахейских государств уже давно была решена и им оставалось только заполнить политический вакуум, образовавшийся в Греции после их гибели (Desborough, 1964, p. 251 f.; 1972, p. 23, 324; Vermeule, 1964, p. 279; Mylonas, 1966, p. 224 ff.; Bouzek, 1969, S. 200; Finley, 1970, p. 61, n. 1; Oliva, 1971, p. 16 ff.; Rubinsohn, 1975, p. 115 f.; Cartledge, 1979, p. 75 ff.; Schachermeyr, 1980, S. 206 ff.; 403 ff.; 1984, S. 239 ff.)¹⁸.

Лишь сравнительно небольшая группа историков и археологов продолжала вплоть до недавнего времени свои поиски более или менее

¹⁸ Некоторые авторы ставят на освободившееся после отклонения «кандидатуры» дорийцев место ахейцев и ионийцев, передвигая тем самым дату прихода первых греков на Балканский полуостров почти на целую тысячу лет вперед (см.: Георгиев, 1950, с. 48 слл.; Hampl, 1960, p. 85; Hood, 1967, p. 122 ff.; Grumach, 1968, S. 1 ff.; Rubinsohn, 1975, p. 116. Ср.: Toynbee, 1969, p. 21 ff.).

приемлемого компромисса между сообщениями античных авторов о переселении дорийцев и показаниями современной археологии. Некоторые из них пытались связать тотальное опустошение Микенской Греции на рубеже ПЭ ШВ — ШС периодов с первыми неудачными попытками «возвращения Гераклидов», предпринятыми то ли еще до Троянской войны, то ли где-то вскоре после нее (Hammond, 1967, p. 375 ff.; 1975, p. 706 ff.; Buck, 1969, p. 280 ff. Ср.: Полякова, 1983, с. 102).

Таким способом довольно легко можно было объяснить отсутствие видимых следов культуры пришельцев в горизонтах разрушений и непосредственно следующих за ними археологических слоях, на чем делался особый акцент в литературе 60-х — начале 70-х гг.

Что касается окончательного утверждения дорийцев на территории Пелопоннеса, которое античные хронографы относили ко времени, отделенному двумя поколениями от периода Троянской войны (Thuc. I, 12), т. е. концу XII в. до н. э., то те же авторы усматривают его прямое отражение в наиболее поздних следах разрушений, обнаруженных в некоторых микенских цитаделях, например в Микенах и в Тейхос Димайон (Buck, 1969, p. 284; Hammond, 1975, Ch. XXXVI; 1976, p. 135 f.; Rubinson, 1975). Впрочем, даже и те исследователи, которые склонны сочувственно относиться к этой гипотезе, отдавая ей предпочтение по принципу логической экономии, так как признание дорийцев главными и даже единственными виновниками гибели микенской цивилизации избавляет нас от необходимости поисков других причин этой исторической драмы, все же признают, что она не может быть принята без существенной модификации самой античной традиции. В противном случае нам придется столкнуться с довольно серьезными трудностями, которые ставят под сомнение научную правомерность такого решения проблемы. Так, Снодграсс (Snodgrass, 1971, p. 312) обращает внимание на то немаловажное обстоятельство, что установленный археологами факт длительного запустения именно тех областей Пелопоннеса (Лаконии, Мессении, Арголиды), которые принято считать основным ареалом дорийского расселения в Южной Греции (*карта 2*), плохо согласуется с сообщениями греческих историков о стремительном завоевании пришельцами всей этой территории и ее последующем разделе между их предводителями. К этому можно добавить, что и сами эти сообщения, и сопутствующие им хронологические калькуляции античных авторов, как было показано выше, едва ли заслуживают доверия и поэтому не могут служить основой для сколько-нибудь серьезной научной гипотезы. Нельзя также сбрасывать со счета и тот факт, что наиболее ранние следы обитания, которые могут быть связаны с приходом дорийцев в Аргос и Спарту — два главных

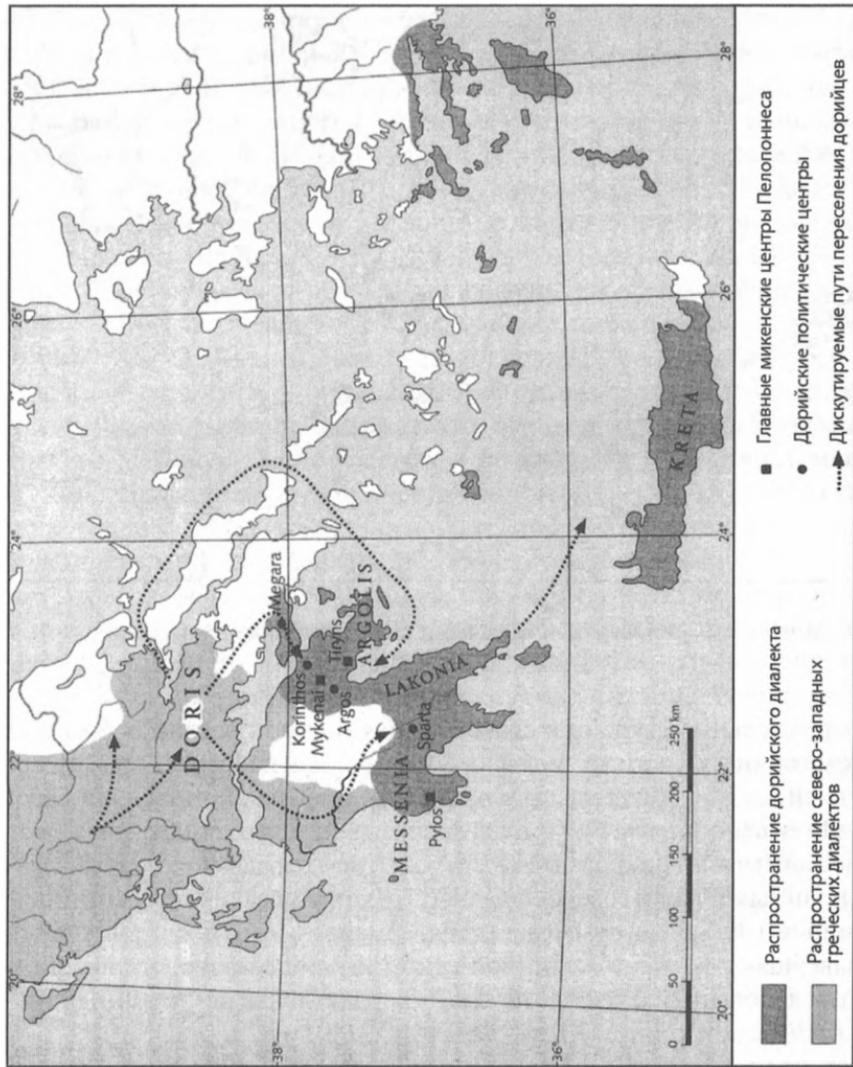
опорных пункта дорийского владычества на Пелопоннесе, относятся ко времени не ранее XI в. до н. э. в первом случае (Tomlinson, 1972, p. 65; Hägg, 1982, S. 299 f.) и не ранее конца X в. во втором случае¹⁹.

Видимо, и в самом деле, в сложившейся сейчас ситуации традиционный вариант концепции дорийского завоевания нуждается если не в радикальном пересмотре, то, во всяком случае, в весьма существенных коррективах. Попытки выправления этой устаревшей исторической схемы предпринимались уже не раз. Пожалуй, наиболее популярной ее альтернативой может считаться в настоящее время эффектная гипотетическая конструкция, вводящая приход дорийцев на Пелопоннес в чрезвычайно широкий исторический контекст «Великого переселения народов», будто бы охватившего в XIII–XI вв. до н. э. большую часть Средиземноморья от Аппенинского полуострова до Палестины и Египта. Впервые эта идея была выдвинута в 1929 г. Фр. Шахермайром в его книге «Die etruskische Frühgeschichte»²⁰ и в дальнейшем неоднократно воспроизводилась и варьировалась, обрастая все новыми и новыми аргументами, в других его работах вплоть до самых последних (Schachertmeug, 1929, S. 50 ff.; 1960, S. 69 ff.; 1980, S. 403 ff.; 1984, S. 239 ff.). Гипотеза Шахермайра встретила широкую поддержку среди других европейских археологов и историков (см.: Milošević, 1948/49, S. 12 ff.; Kimmig, 1964, S. 255 ff.; Gimbutas, 1965, S. 335 ff.; Bouzek, 1969, S. 40 ff., 83; 1985, p. 222; Deger-Jalkotzy, 1977, S. 64 ff.). Все эти авторы ставят падение микенских цитаделей в один ряд с такими событиями, как разгром Хеттского царства, опустошение Сирии и Палестины и нападение на Египет так называемых «народов моря»²¹, рассматривая эти эпизоды как

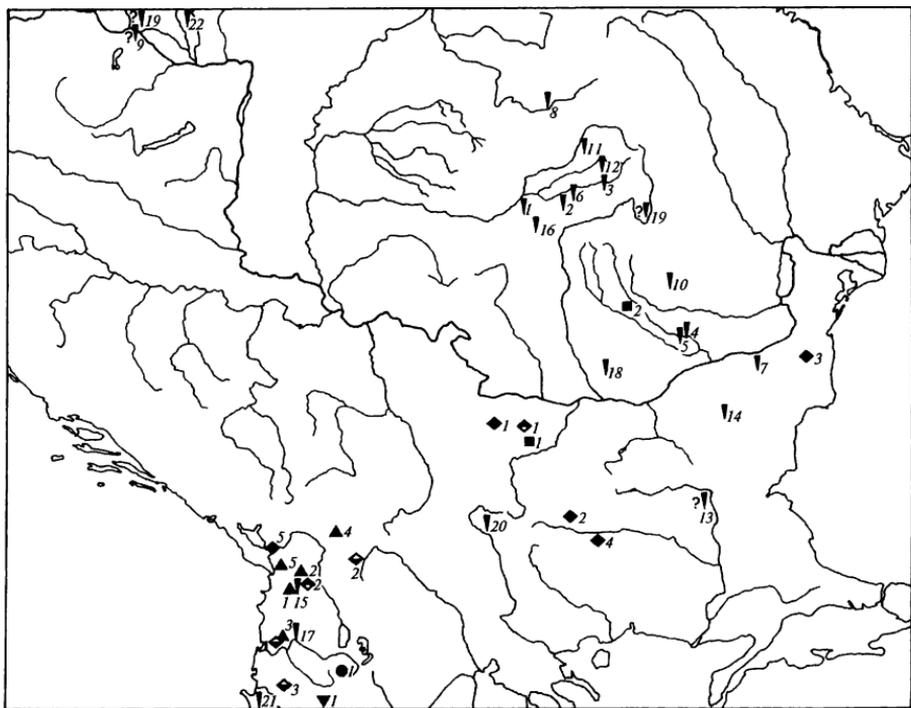
¹⁹ В своей книге 1964 г. Десборо относит заселение дорийцами Ароглиды к 1075 г. до н. э., заселение же Южного и Западного Пелопоннеса к еще более позднему времени — около 1000 г. до н. э. (Desborough, 1964). В книге 1972 г. тот же автор отодвигает это последнее событие уже к середине X в. до н. э. (Desborough, 1972, p. 352. Ср.: Bouzek, 1969, S. 129; Snodgrass, 1971, p. 329 f.; Rubinson, 1975, p. 118 f.).

²⁰ Впрочем, еще за год до этого — в 1928 г. Эд. Мейер во втором издании своей «Geschichte des Altertums» (Meyer, 1928, II, S. 555 ff.) высказывал во многом сходную с предположениями Шахермайра мысль о том, что натиск «народов моря» на Сирию и Египет имел своим основным «плацдармом» (Ausgangsbereich) Центральную Европу и был непосредственно связан с происходившими в это же время передвижениями иллирийских и фракийских племен. В число племенных миграций этого периода он включал также и переселение дорийцев. Важное место отводит иллирийскому и фракийскому элементам в «Великом переселении народов» конца II тыс. до н. э. также Фр. Матц, Г. Краэ, Н. Хэммонд и некоторые другие авторы (Matz, 1942, S. 31 ff.; Krahe, 1949; Milošević, 1948/49, S. 12 ff.; Gimbutas, 1965, p. 336 ff.; Hammond, 1973, p. 44; 1976, p. 141 ff. Ср.: Toynbee, 1969, p. 98; Buck, 1969, p. 288 f.)

²¹ Иногда в этот ряд взаимосвязанных событий включается также гибель Трои VIIa (см. Hooker, 1980, p. 166 f.).

Карта 2. Дорийское переселение

Карта 3. Распространение мечей и кинжалов микенских типов в Карпато-Балканском регионе

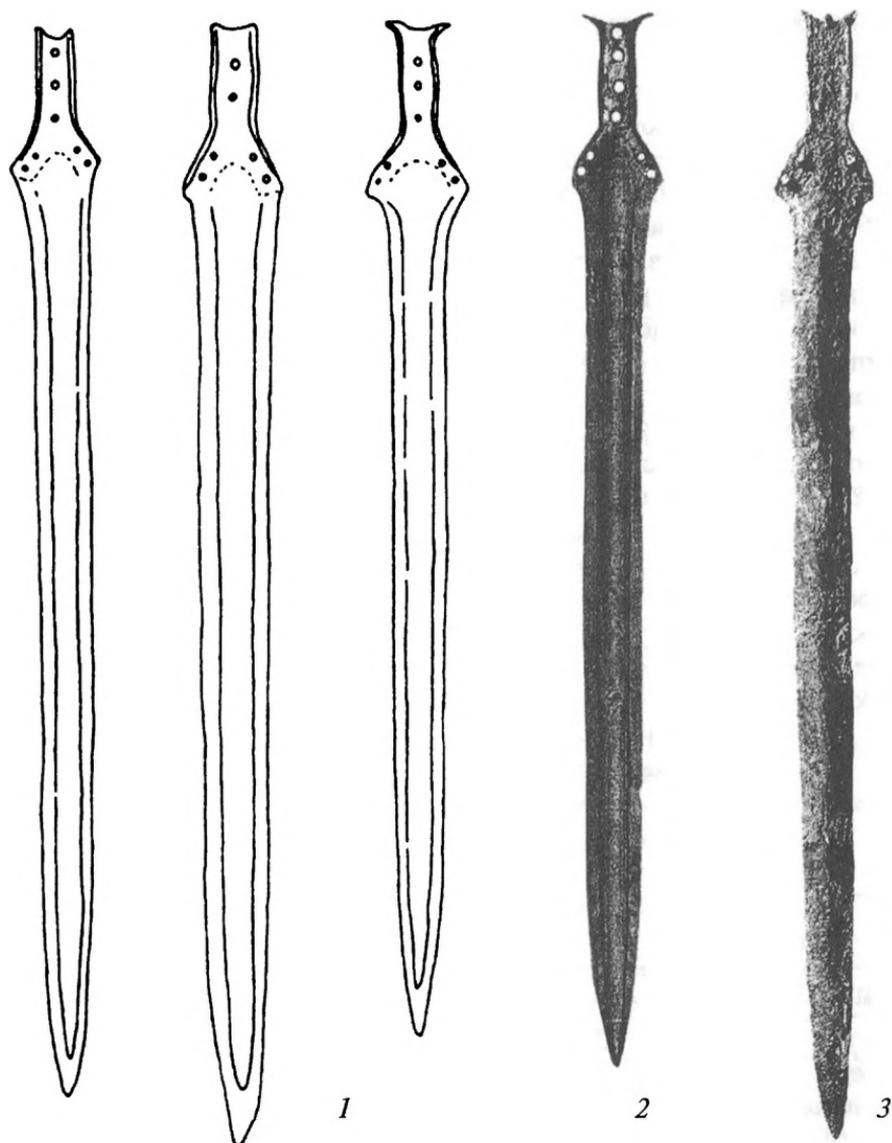
последовательные ступени в своеобразной «цепной реакции» военных столкновений и катастроф, вызванной вторжением на Балканы и в страны Передней Азии большой массы варварских племен из Центральной Европы и Подунавья (карта 3). Приход дорийцев на Пелопоннес, так же как и более или менее синхронные с этим событием передвижения родственных дорийцам племен северо-западных греков (фессалийцев, беотийцев, этолийцев и др.), были осмыслены Шахермайром и его последователями как завершающее звено в длинной цепи миграций, хронологически отстоящее довольно далеко от ее начала — первой волны разрушений в Греции, датируемой концом XIII — началом XII в. до н. э.

Вся эта грандиозная конструкция покоится на двух основных группах фактов. С одной стороны, ее опорой служит относительная хронологическая близость целой серии катастрофических событий, происходивших в конце XIII — начале XII в. до н. э. на большом пространстве от Пелопоннеса до дельты Нила (эта близость во времени наводит на мысль, что все они были вызваны какой-то одной причиной, которой вполне могло

оказаться очередное «великое переселение народов»). С другой стороны, догадки такого рода базируются на находках на территории Греции, Кипра, Анатолии, Сирии, Палестины и Египта ряда артефактов, главным образом изделий из бронзы центральноевропейского, северобалканского и адриатического происхождения. Впервые довольно внушительная группа таких изделий была выделена археологом В. Милойчицем еще в 1948–1949 гг. В свой состав она включала прямой обоюдоострый меч с рукоятью в виде вытянутого языка, предназначенный одновременно для колющих и рубящих ударов («Griffzungenschwert» типа IIa по Sprockhoff у, или II по Naue — *ил.* 5–6), кинжал аналогичной конструкции (тип Пескьера), наконечники копий с листовидной или пламевидной формой пера (тип Ланселот), нож с изогнутым однолезвийным клинком, так называемую смычковую (Violinbogefibel) и арочную фибулы и некоторые другие предметы (*ил.* 7–8, их описание см. в работах: Milošić, 1948/49, S. 15 ff.; Kimmig, 1964, S. 228 ff.; Bouzek, 1969, S. 40 ff.; 1985, p. 92 ff. Ср.: Rubinsohn, 1975, p. 116) (*карта 4*). В конце эпохи поздней бронзы все эти артефакты были широко распространены на территории Центральной Европы от Подунавья до побережья Балтийского и Северного морей и Южной Скандинавии, т. е. преимущественно в зоне «культуры полей погребальных урн» («Urnenfelderkultur»), причем особенно значительная их концентрация отмечена на среднем и верхнем течении Дуная, в долинах Дравы и Савы и на верхнем течении Тиссы, где, по всей вероятности, в то время были сосредоточены наиболее важные центры европейской металлургии (Bouzek, 1985, p. 92 ff.). В сравнительно небольших количествах изделия этого рода встречаются также в районе Адриатики²².

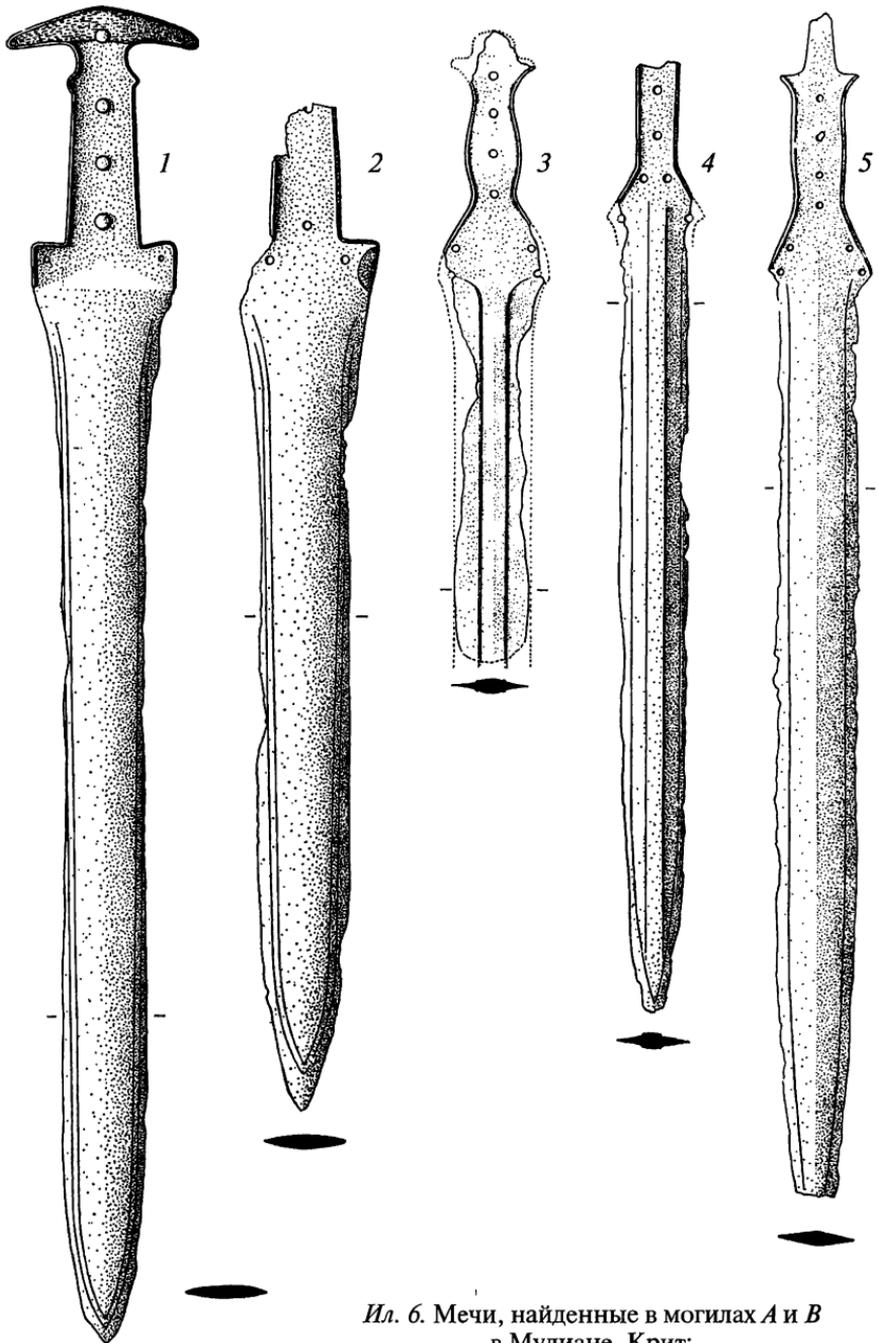
²² Перечисленные в тексте европейские типы металлических изделий, найденные на территории Микенской Греции, имели очень разные ареалы распространения. Шире всего были распространены колюще-рубящие мечи типа IIa по классификации Э. Шпрокхофа. Их находки протянулись широкой полосой от Италии и Греции до Южной Скандинавии. На северо-западе они доходят до бассейна Нижнего Рейна, а на юго-востоке — до Молдавии и правобережной Украины (Bouzek, 1985, p. 119–132, fig. 57). Наибольшая их концентрация отмечена на территории Дании, что в основном объясняется источниковедческими причинами. Согласно современным типологическим разработкам, родиной этих мечей, по всей вероятности, было Среднее Подунавье. Здесь они появились в течение периода Br. D. (XIII в. до н. э.) в результате развития местных типов мечей предшествующего периода (Br. C.). В последующие два столетия (Ha A₁₋₂) их производство приобрело необычайно большой размах. Их начали изготавливать в целом ряде европейских регионов, занятых разнородным населением. Поэтому определить однозначно их культурную принадлежность и районы производства не представляется возможным.

Несколько иначе обстоит дело с другими изделиями европейских типов, перечисленных Ю. В. Андреевым. В количественном отношении они сильно уступают мечам и по сравнению с ними имеют более узкие ареалы распространения. Так,

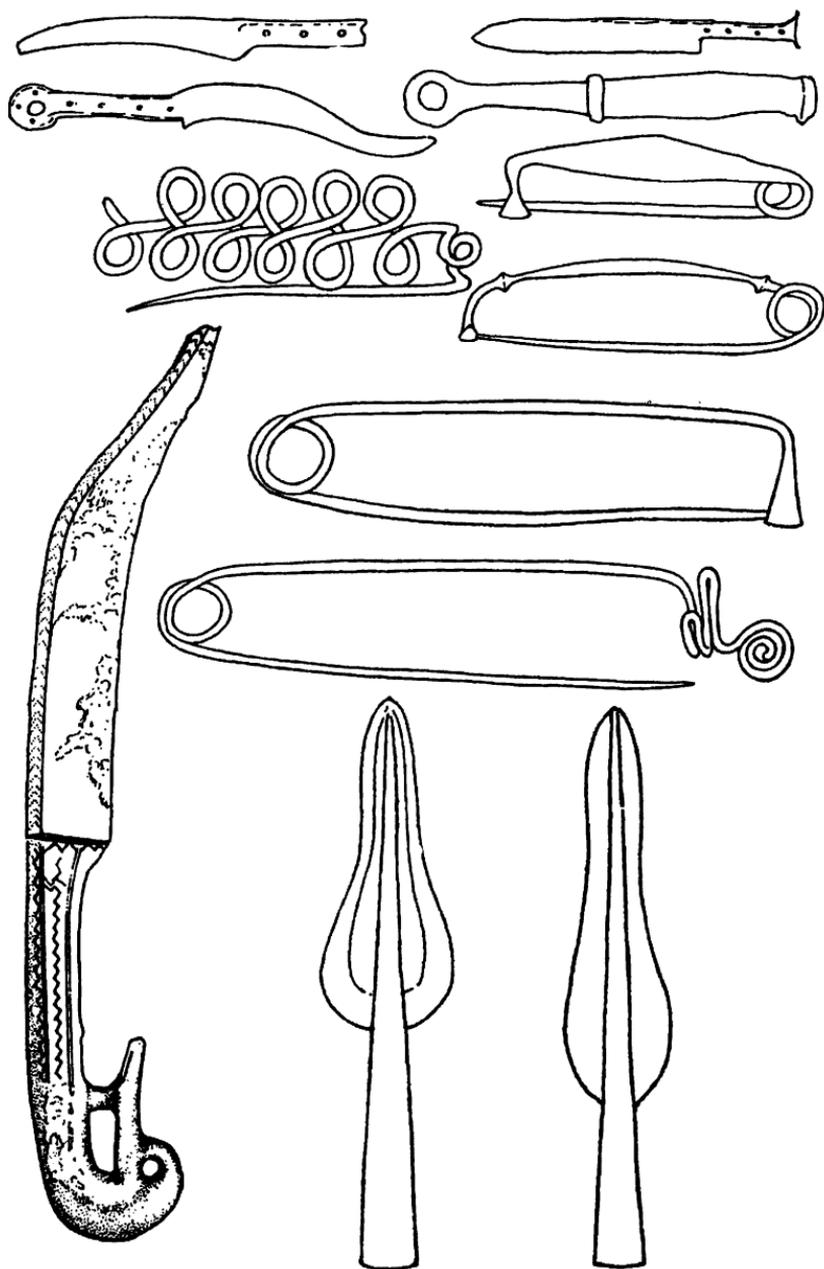

Ил. 5. Образцы мечей типа IIa по Sprogkhoff'у:

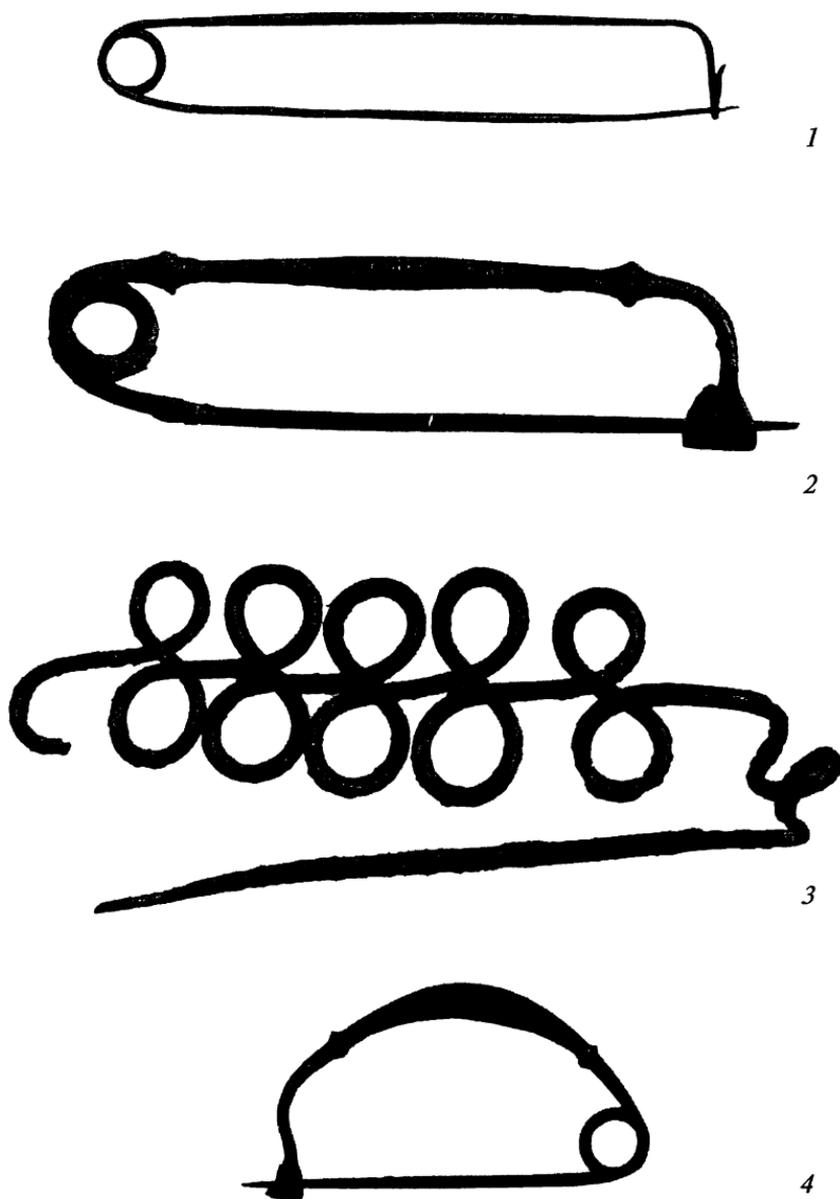
*1 — найденные на Балканах; 2 — найденный Шлиманом в Микенах в 1876 г.;
3 — из Энкоми, Кипр. SK III (XII в. до н. э.)*

Ил. 6. Мечи, найденные в могилах А и В
в Мулиане, Крит:
1 — тип F; 3–5 — тип IIa по Sprockhoff'у

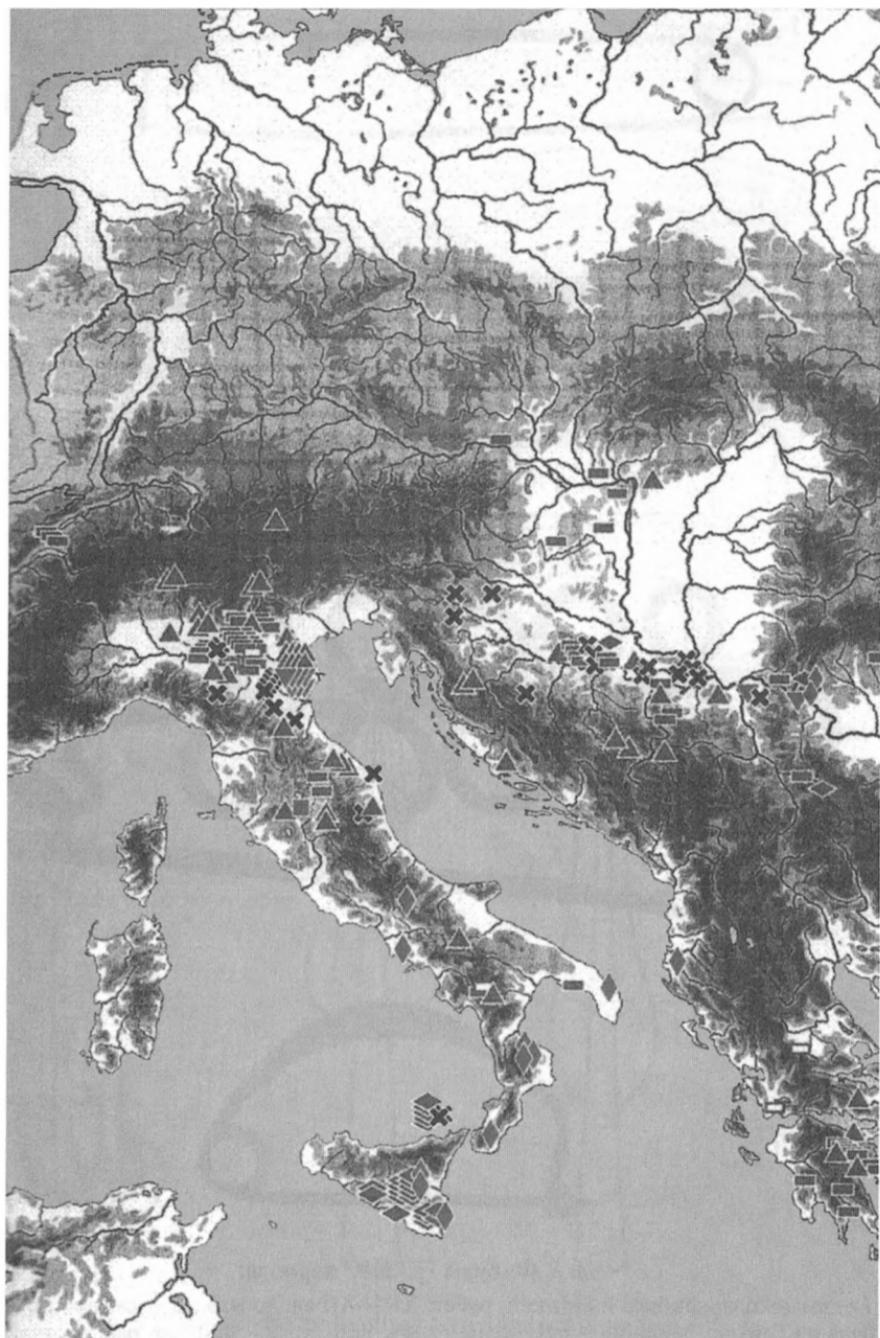

*Ил. 7. Кинжал, ножи, наконечники копий и фибулы
центральноевропейских типов, найденные на территории Греции.
ПЭ ШВ–С периоды*

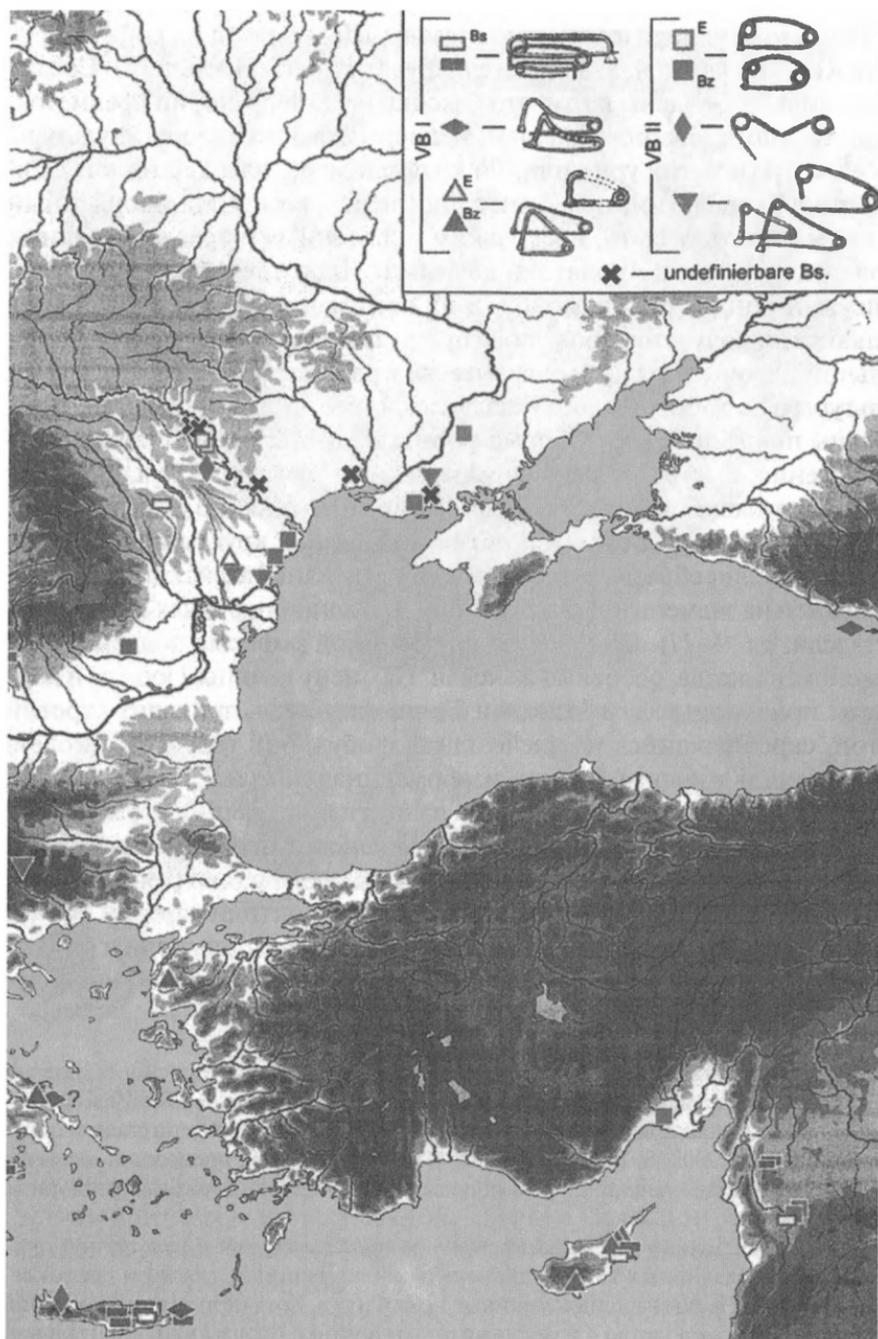

Ил. 8. Фибулы ПЭ ШС периода:

1 — смычковая фибула из Микен, рубеж XIII—XII вв. до н. э.; 2 — смычковая фибула из Тейхос Димайон, Ахайя, конец XII в. до н. э.; 3 — фибула, распространенная в Европе (Босния, Венгрия, Германия), из Диакаты, Кефалления; 4 — фибула из Алонаки, Локры, тип, характерный для Центральной Греции, XII в. до н. э.

Карта 4. Распространение смычковой фибулы

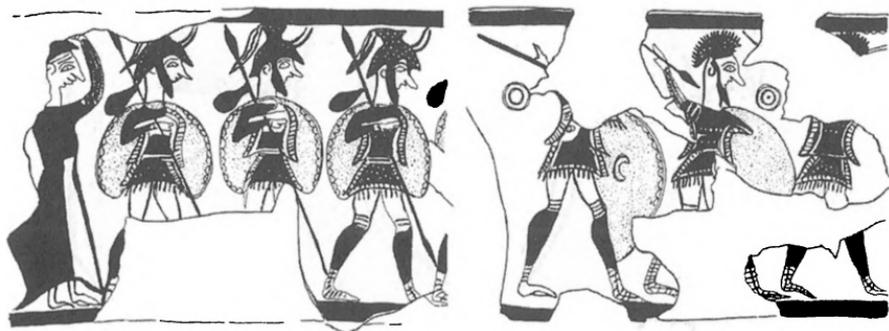

в XIII–IX вв. до н. э. (по М. Кашуба)

Исследователи, разделяющие взгляды Шахермайра на события рубежа XIII–XII вв. до н. э. в Греции и других странах Восточного Средиземноморья, убеждены в том, что находки на их территории предметов, происходящих, как они полагают, непосредственно из зоны «культуры полей погребальных урн» или, по крайней мере, находящихся там свои ближайшие аналогии, позволяют проследить весь путь, пройденный ордой или, может быть, несколькими различными ордами северных варваров от Дуная и Адриатики до дельты Нила, где им дан был отпор войсками египетских фараонов. В их понимании, проникновение на Балканский полуостров большой группы племен из Подунавья и Центральной Европы должно было привести к радикальной трансформации культуры и всего житейского уклада коренного населения Греции. Пришельцы принесли с собой новые формы защитного и наступательного вооружения, быстро усвоенные микенскими греками, в том числе колющий и рубящий меч, вытеснивший старую микенскую рапиру, створчатый бронзовый панцирь и поножи, небольшой круглый щит вместо прежнего башнеобразного (весь этот набор поздней ахейской паноплии изображен на знаменитой «вазе воинов», найденной в руинах Микенской цитадели, *ил. 9–11*). Одновременно коренной реформе подверглась и микенская одежда, особенно женская. На смену пышным юбкам и корсажам придворных дам Микен и Тиринфа теперь приходит строгий хитон, скреплявшийся на плече одной фибулой (в такой хитон одета единственная женская фигура, изображенная на той же вазе воинов). Хронологически все эти новшества относятся примерно к тому же периоду, что и основные разрушения в микенских дворцах и цитаделях. Сопоставляя эти факты, нетрудно прийти к заключению (гораздо труднее от него воздержаться), что один и тот же народ (или народы) принес в Грецию «моду» на фибулы, панцири, колюще-рубящие мечи и кинжалы и т. п. и в то же время подверг разгрому и опустошению наиболее

смычковые фибулы типа Пескьера, которые относят к числу древнейших изделий такого рода, сейчас известны в сравнительно небольшом числе. Кроме Пелопоннеса и Крита их находки встречаются в Нижнем Подунавье и на Апеннинском полуострове (Kasuba, 2008, S. 204–210). В каком из этих мест они произошли, остается неясным, но вполне очевидно, что ими пользовалось население разных культурных групп.

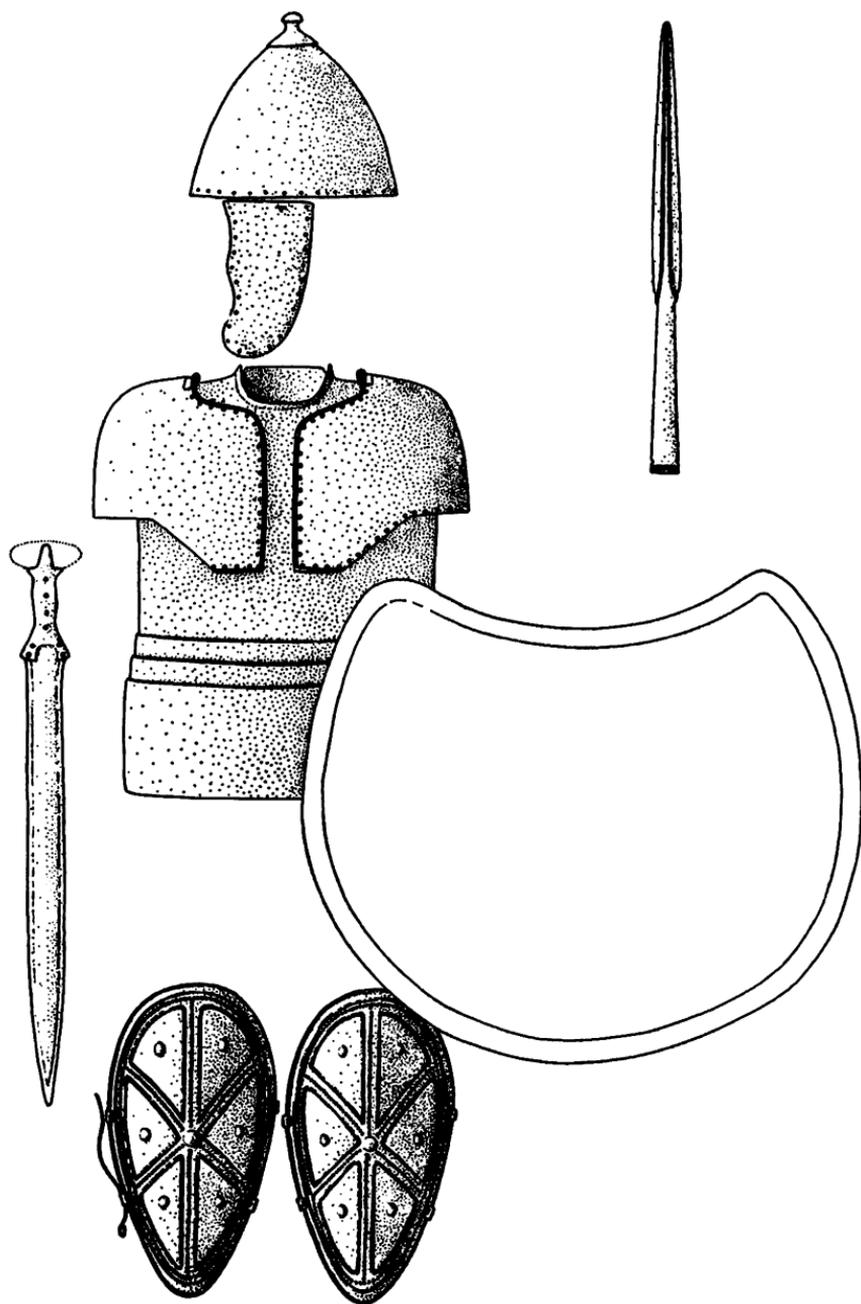
То же самое можно сказать относительно происхождения и культурной принадлежности различных типов цельнолитых наконечников копий и дротиков, кинжалов типа Пескьера, однолезвийных ножей и т. д. Хотя не вызывает сомнений их типологическое родство с изделиями эпохи поздней бронзы континентальной Европы, более конкретно и точно этот вывод сформулировать пока не удастся. (*Прим. ред.*)

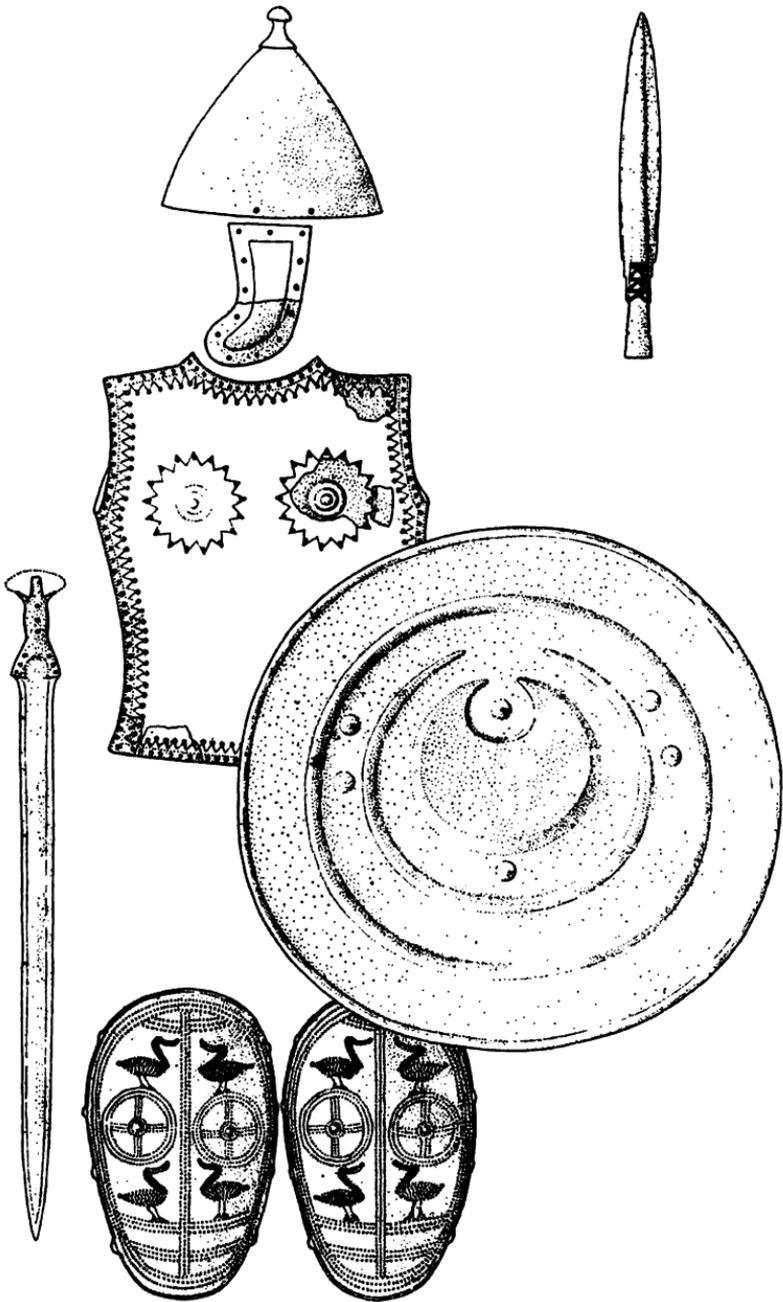
Ил. 9. Ваза воинов. Микенский акрополь. Рубеж XIII—XII вв. до н. э.
Афины. Национальный музей

богатые и процветающие области эгейского мира, после чего прошел «огнем и мечом» всю Малую Азию, Сирию и Палестину, остановившись только у границ Египта (Kimmig, 1964, 262 ff.; Bouzek, 1969, S. 83 ff.; 1985, p. 212 f., 222; Deger-Jalkotzy, 1977, S. 79 ff.).

И все же приходится признать, что при всей соблазнительности этой романтически окрашенной концепции доводы ее сторонников скорее эффектны, чем убедительны. Органическая слабость их археологической

Ил. 10. Вооружение греческого воина. ПЭ IIIВ–С периоды

Ил. 11. Вооружение воинов Подунавья. ПЭ ШВ–С периоды

аргументации была вскрыта в работе таких известных исследователей, как Г. Мюллер-Карпе, Э. Снодграс и Н. Сэндерс. Сошлемся только на наиболее веские контраргументы, выдвинутые этими авторами. Все трое сходятся на том, что наличие ряда общих для Центральной Европы и Микенской Греции типов бронзовых изделий не может служить бесспорным доказательством реальности вторжения на территорию Греции каких-то племен из зоны «полей погребальных урн». Как считает Мюллер-Карпе (Müller-Karpe, 1962, S. 59 ff.), сходство некоторых видов оружия и украшений, характерных для этих двух регионов в конце эпохи бронзы, вполне может быть объяснено как результат параллельного развития двух очагов древней металлургии, между которыми существовали в это время достаточно тесные экономические контакты²³. К тому же приоритет глубинных районов европейского континента перед странами Средиземноморья в развитии металлургии бронзы, на котором настаивают почти все приверженцы гипотезы Шахермайра, пока еще никем по-настоящему не доказан. При невозможности точной датировки большинства известных в настоящее время изделий европейских металлургов, найденных на территории самой Центральной Европы, у нас не может быть твердой уверенности в том, что они появились здесь

²³ В сущности к той же мысли приходит в своей последней книге, посвященной культурным контактам Микенской Греции со странами Европы, и один из самых активных пропагандистов теории Шахермайра Я. Боузек (Bouzek, 1985, p. 241 ff.). В его понимании, в XIII в. до н. э. в странах Центральной и отчасти также Южной и Северной Европы сложилось своего рода койне, или «общий рынок», в пределах которого осуществлялась широкая циркуляция предметов вооружения, заколок для одежды и некоторых других изделий. Благодаря этому «на короткое время около 1200 г. до н. э. практически одни и те же типы наступательного и защитного вооружения вошли в употребление в Эгеиде, на Западных Балканах, в Италии и в Центральной и Северной Европе». При этом Боузек делает одну достаточно важную оговорку. По его словам, «более 95% оружия европейского типа, найденного в пределах Эгеиды, было изготовлено на месте, и (таким образом) знания о (различных его) типах распространялись посредством крайне немногочисленных образцов, представленных in situ». Эта оговорка, если только она соответствует действительности, ставит под сомнение, с одной стороны, сколько-нибудь широкое развитие торговых контактов между Грецией и Центральной Европой и, с другой — возможность массового продвижения в Грецию самих носителей центральноевропейской культуры или культур, на чем особенно энергично настаивает Боузек (Ibid., p. 242 f.). По его же словам, «то, что мы сравниваем, представляет собой второе или третье поколение предметов, подражающих тем, которые были, действительно, транспортированы (в Грецию), но, за немногими исключениями, отнюдь не сам момент транспортировки». Эта вторая оговорка совершенно исключает возможность синхронизации предметов северного происхождения с волной разрушений на рубеже XIII–XII вв., хотя именно этот момент занимает чрезвычайно важное место в аргументации самого Боузека и других его единомышленников (ср.: Deger-Jalkotzy, 1977, S. 74 f.).

намного раньше, чем в Греции или Италии. В отношении смычковой фибулы, которая может считаться наиболее распространенным элементом из всего комплекса изделий центральноевропейского происхождения, кажется оправданным предположение Снодграсса (Snodgrass, 1971, p. 309 f.; 1973, p. 210), что она появилась почти одновременно в каждом из этих трех регионов, причем произошло это совершенно независимо от каких-либо племенных миграций, вторжений и т. п. событий. Своему стремительному распространению по довольно обширной территории Средней и Южной Европы эта разновидность застежки, использовавшаяся для скрепления как мужской, так и женской одежды, была обязана исключительно своим собственным достоинствам («она распространилась быстро, — писал Снодграсс, — потому что это была хорошая идея»). Примерно то же самое можно сказать и о другом, если можно так выразиться, «фирменном знаке» культуры северных варваров — мече типа Sprockhoff Pa, центральноевропейское происхождение которого может считаться доказанным. Однако и в этом случае его заимствование греками и, вероятно, также некоторыми восточными народами может быть легко объяснено его преимуществами перед другими известными в то время типами наступательного оружия и не нуждается для своего обоснования в гипотезе о массовом вторжении на Балканский полуостров и в страны Восточного Средиземноморья пришельцев из зоны «полей погребальных урн» (Ibid.). Свою статью 1973 г., посвященную этой проблеме (Snodgrass, 1973, p. 213), Снодграсс заканчивает такими словами: «Я верю, что эгейская цивилизация позднего бронзового века... была культурой слишком усложненной по своей организации со слишком давно установленными и широко распространенными торговыми контактами и, может быть, со слишком высоко специализированным производством, чтобы мы оказались в состоянии базировать гипотезу о чужеземном вторжении на появлении новых типов металлоизделий на занимаемой ею территории».

Несколько особняком стоит среди других участников дискуссии Н. Сэндерс. Склоняясь к известного рода компромиссу между двумя крайностями, она допускает, что появление на территории Греции бронзовых изделий, особенно оружия северного происхождения, могло быть связано с проникновением в этот регион небольших групп выходцев из Подунавья, объединявшихся либо в наемные отряды, которые охотно брали к себе на службу постоянно враждовавшие между собой микенские династии²⁴, либо в разбойничьи шайки, на свой страх и риск занимавшиеся

²⁴ Впрочем, ту же мысль об активном участии наемников варварского происхождения в распространении в Греции северных (немикенских) типов оружия

грабежом микенских городков и даже, если для этого представлялась возможность, дворцов (Sandars, 1978, p. 92 ff.; ср.: 1964, p. 259 f.). Познакомив микенских греков со своим оружием, прежде всего с мечами типа Naue II, северные пришельцы, по мнению Сэндерс, и сами многое у них заимствовали, в частности технику обработки листовой бронзы, из которой изготовлялись панцири, поножи, кубки и т. п. предметы. Аналогичные группы полунаемников, полупиратов возникали в это же время и в самой Греции, чему способствовала в немалой степени создавшаяся там кризисная обстановка, упадок микенских государств и т. п. Эти отряды искателей приключений, продвигаясь в восточном и юго-восточном направлении, вероятно, в конце концов достигали берегов Палестины и Египта и могли вместе с другими блуждающими племенами принять участие в набегах «народов моря» на дельту Нила, хотя выделить этих выходцев из Эгеиды в общей массе варваров, перечисляемых в надписях фараонов Мернепта и Рамзеса III, практически невозможно. «Анатолия и Кипр, — замечает в связи с этим Сэндерс (Sandars, 1978, p. 187), — действовали как фильтры, проходя через которые эгейские группы теряли не только свои имена, но и свою индивидуальность». Совпадение отдельных деталей вооружения «народов моря» и воинов, изображенных на микенских вазах ПЭ IIIС периода, английская исследовательница объясняет тем, что «производство вооружения приобрело в это время интернациональный характер» и хорошее оружие, как наступательное, так и оборонительное, быстро передвигалось то в одном, то в другом направлении, как только его преимущества были осознаны» (Ibid., p. 188).

Гипотеза Н. Сэндерс имеет по крайней мере два важных преимущества, позволяющих расценивать ее как наиболее рациональное решение проблемы, которую ставят перед наукой находки на территории Греции, Кипра, Анатолии и других стран Восточного Средиземноморья металлоизделий центральноевропейских типов. Во-первых, она позволяет объяснить, почему северные варвары, проникшие в пределы эгейского мира, принесли с собой лишь отдельные, можно даже сказать, случайные элементы своей культуры, оставив там, откуда они пришли, многие другие не менее важные ее элементы²⁵. До сих пор в Греции

мы встречаем также и у других авторов, например у Кэтлинга (Catling, 1968, p. 103), Снодграсса (Snodgrass, 1973, p. 213), Десборо (Desborough, 1964, p. 70), Дегер-Ялкотци (Deger-Jalkotzy, 1977, S. 75), Боузека (Bouzek, 1985, p. 222). Но, в понимании двух последних исследователей, проникновение наемных дружин из Подунавья, Адриатики и Центральной Европы в пределы Микенской Греции было лишь начальной стадией массового продвижения к югу племен из этого географического ареала.

²⁵ Состав металлических изделий так называемых европейских типов эпохи поздней бронзы, найденных в Греции и на Эгейских островах, действительно вы-

не удалось найти ни одного образца массивных украшений из бронзы (диадем, подвесок, браслетов) в виде соединенных между собой туго закрученных спиралей. Чрезвычайно редко встречаются здесь и в основном относятся к довольно позднему времени (СМ период) спирали из золотой проволоки, служившие украшениями для волос (Bouzek, 1985, p. 170). Почти совершенно неизвестным оставался в Греции вплоть до конца XII в. до н. э., т. е. в период, непосредственно следующий за катастрофой, и обычай кремации, так же как и тесно связанные с ним захоронения кремированных останков в специальных урнах. Между тем, все эти предметы и обычаи принадлежат к числу наиболее характерных отличительных признаков культуры Подунавья и Центральной Европы (Müller-Karpe, 1980, S. 239 ff.). Во-вторых, нельзя не заметить, что все известные сейчас артефакты, составляющие выделенную Миллойчичем и другими авторами группу изделий центральноевропейского или северобалканского происхождения, как правило, встречаются в сугубо микенском археологическом контексте, в сопровождении типично микенской керамики ПЭ ШС стиля, продолжающей, хотя и на несколько более низком уровне, традиции гончарного ремесла периода расцвета микенской цивилизации. У нас нет, следовательно, никаких оснований для того, чтобы говорить о вытеснении микенской культуры привнесенной откуда-то извне культурой «разрушителей», поскольку отдельные элементы этой последней представляют собой в основном случайные и разрозненные вкрапления в местную культурную

глядит очень избирательным. В нем нет многих типов, характерных для центрально-европейских и среднедунайских культур этого времени. Особенно бросается в глаза отсутствие среди греческих находок рубяще-колющих мечей с металлическими рукоятками (Vollgriffschwert). Их ранние варианты (типы Riegsee, Lipton и др.) были широко распространены в Средней Европе наряду с мечами с накладными рукоятками IIa типа по Э. Шпрокхофу. Но, в отличие от последних, они не попали в Грецию. Их также нет в Малой Азии, Палестине и в Египте. Отсутствие этих мечей в Восточном Средиземноморье Я. Боузел объяснял тем, что там в конце бронзового века ощущалась острая нехватка металла (Bouzek, 1985, p. 132). Получается, что его сэкономили на рукоятках мечей, предпочитая их изготавливать из органических материалов (мечи типа IIa по Э. Шпрокхофу). В этой связи интересно отметить, что Vollgriffschwert также не встречается в Нижнем Подунавье, где в это время дефицита бронзы не было.

К сказанному еще следует добавить следующее. Судя по доступным сейчас материалам, из числа регионов, откуда в Грецию могли попасть европейские типы, видимо, следует исключить область, занятую лужицкой культурой (нынешние территории Польши, Восточной Германии и отчасти Словакии и Западной Украины). Вопреки мнению некоторых исследователей 40–60-х гг. прошлого века, среди этих типов нет лужицких форм. Но зато появляется все больше и больше данных в пользу их балкано-дунайского происхождения. (*Прим. ред.*)

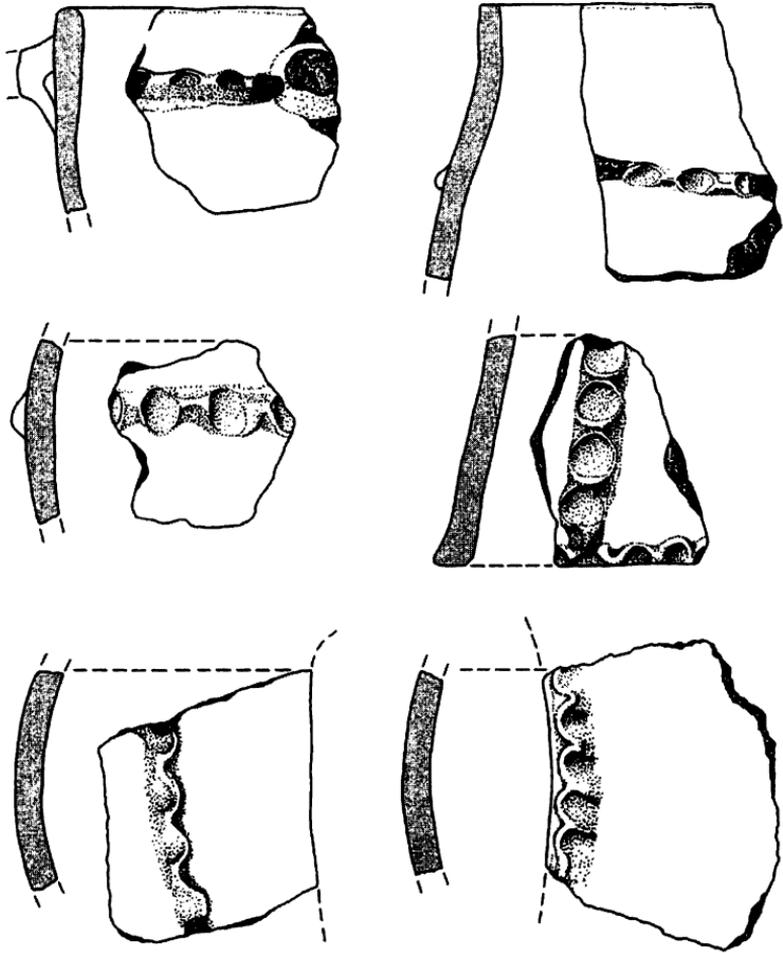
среду²⁶. Они нигде не образуют сколько-нибудь значительных археологических комплексов, по которым можно было бы судить о путях проникновения в Грецию орд северных варваров и их последующем расселении на территории страны. Сама спорадичность находок изделий, которые могут быть причислены к гипотетически реконструируемой культуре пришельцев, свидетельствует в полном согласии с концепцией Сэндерс о их малочисленности, так же как и о их довольно быстрой аккультурации в местной этнической среде.

Как бы то ни было, находки мечей, наконечников копий, фибул и т. п. предметов едва ли могут служить надежным свидетельством прочного, долговременного оседания северных пришельцев на отвоеванной ими территории, даже если предположить, что они сами доставили все эти вещи туда, где они были найдены (ср.: Bouzek, 1985, p. 242). Пожалуй, больше оснований для предположений такого рода дают обнаруженные в целом ряде пунктов на территории Пелопоннеса, Аттики, Эвбеи, Крита, Кефалении и в других местах образцы грубой лепной керамики, или так называемой «варварской посуды» (*barbarian ware*)²⁷. В боль-

²⁶ Во многом сходную оценку культуры этого периода мы находим в книге Хукера (Hooker, 1980, p. 175): «В той степени, в которой микенская культура изменилась к концу XII в. до н. э., это изменение носило органический характер. То, что возникло в результате этого изменения, было отнюдь не “европейской” культурой, но тем, что может считаться продуктом греческой почвы так же, как и его микенский предшественник. Новые изделия из металла (мечи, наконечники копий и прочее), которые занимают так много места в отчетах Киммига и Милойчича, могли не принимать никакого участия в трансформации микенской культуры, поскольку их использование в сколько-нибудь широких масштабах едва ли пережило конец ПЭ IIIС периода» (ср.: Sarkady, 1969, S. 8).

²⁷ Находки так называемой варварской керамики («*Barbarian Ware*») являются наиболее важными свидетельствами в пользу пребывания в конце бронзового века на территории Микенской Греции инокультурного населения. Эта керамика сделана от руки и скупо украшена налепными валиками и коническими выступами. В качественном отношении она сильно уступает местным изделиям и по этой причине вряд ли была продуктом импорта. Скорее всего, в Грецию она попала вместе с теми людьми, которые ее изготовляли и использовали. Это могло произойти как мирным, так и военным путем. Последнее предположение может подтверждаться довольно многочисленными находками оружия европейских типов.

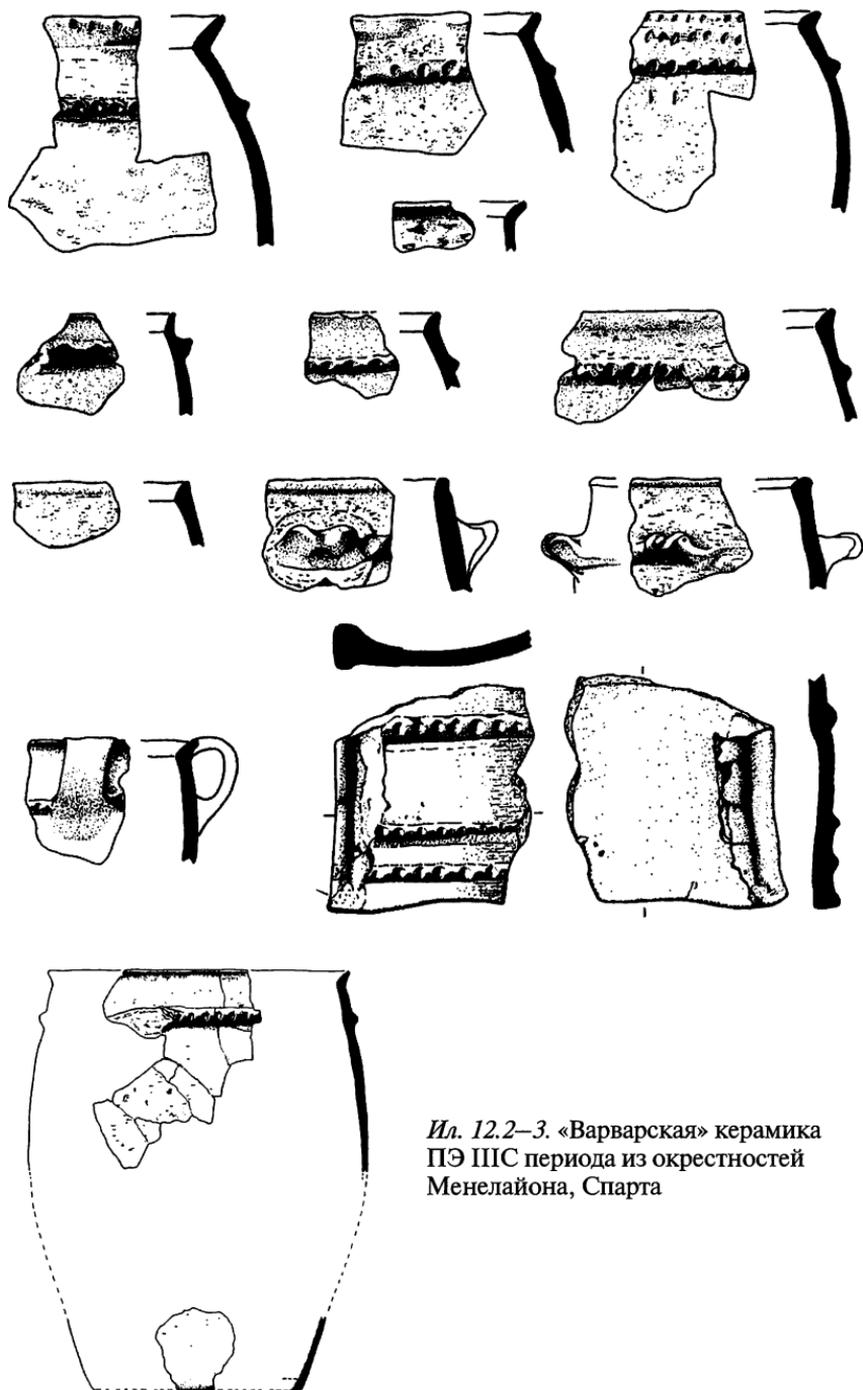
Как и в случае с оружием, «варварская» керамика имеет множество параллелей на Севере. Однако точные аналогии встречаются довольно редко и в разных культурных контекстах. По этой причине единого мнения относительно культурной принадлежности этой керамики так и не сформировалось. Ее сопоставляют с керамикой Северной Италии, Северо-Западных Балкан, Центральной Европы, Среднего и Нижнего Подунавья. Особо следует отметить, что «варварская» керамика также есть в слое VIIb1 Трои (Hönsel, 2008, S. 59–60, Abb. 2) и на ряде македонских поселений (Pavúk, Horejs, 2012, S. 139 ff., k. 5). Следует также упомянуть мнение

Ил. 12.1. «Варварская» керамика ПЭ ШС периода из Трои

шинстве своем скопления керамики этого типа датируются самым началом ПЭ ШС периода, т. е. появляются сразу же вслед за постулируемой Шахермайром, Алином, Десборо и другими авторами всеобщей катастрофой рубежа XIII–XII вв. до н. э. (ил. 12.1–3). Таким образом, возникает возможность более точной идентификации культуры народа «разрушителей».

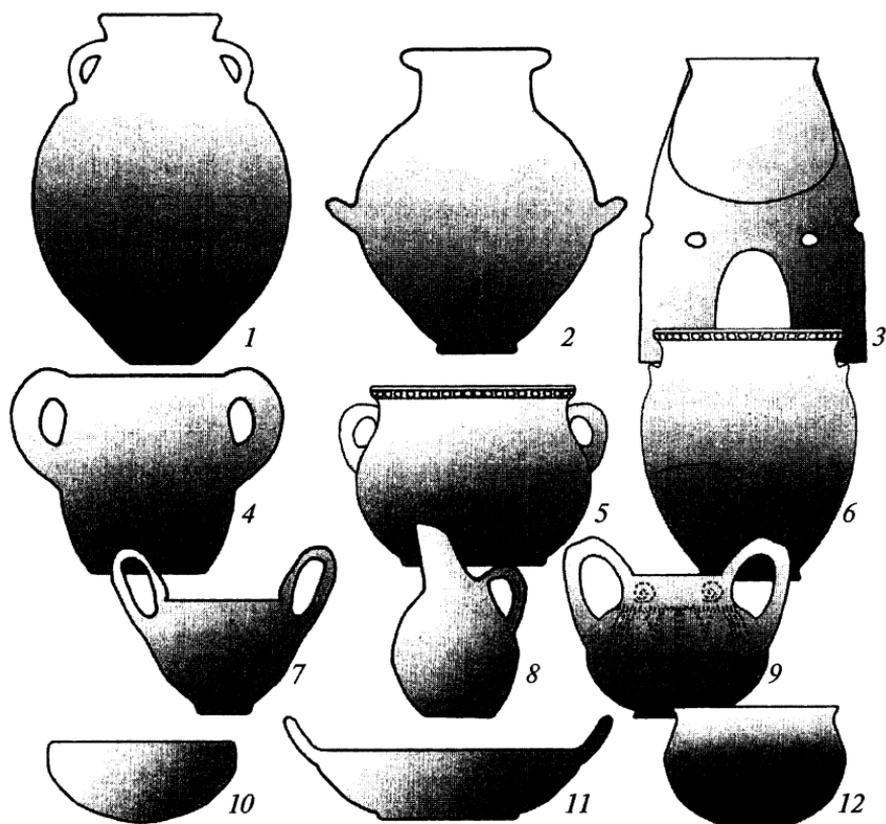
Д. Коппенхофера, согласно которому «варварскую» керамику Трои и Южной Греции следует связывать с культурой Кослоджени Нижнего Подунавья (Korpenhofer, 1997, S. 336). (Прим. ред.)

Ил. 12.2–3. «Варварская» керамика ПЭ ШС периода из окрестностей Менелайона, Спарта

«Варварская посуда», хотя во многом сходные с ней формы лепной керамики обнаружены далеко за пределами Греции — в Италии, на противоположном побережье Адриатического моря (в Албании и Югославии), в Македонии (*ил. 13, карта 5*) и еще дальше к северу на территории Болгарии и Румынии (Rutter, 1975, p. 17–32; Deger-Jalkotzy, 1977, S. 14–62; Sandars, 1978, p. 126 ff.; Schachermeug, 1980, S. 68 ff.; Bouzek, 1985, p. 183 ff.), ни в коем случае не может рассматриваться как предмет импорта или же как чужеземный образец для подражания, которому следовали местные греческие мастера, как это вполне могло быть с оружием или украшениями. Гораздо логичнее было бы предположить, что появлению этих примитивных гончарных изделий в тех местах, где удалось найти особенно крупные их скопления, обычно предшествовало появление самих изготовивших ее «варваров», какое бы племя или племена ни скрывались за этим условным обозначением (Rutter, 1975, p. 30 ff.; Deger-Jalkotzy, 1977, S. 63 ff.)²⁸. Правда, в большинстве случаев находкам грубой лепной керамики микенского происхождения сопутствуют технически гораздо более совершенные изделия местных микенских гончаров, что дало основание З. Дегер-Ялкотци говорить о своеобразном симбиозе микенских греков с пришлыми варварами, засвидетельствованном в Эгире (Ахайя) и в некоторых других местах (Deger-Jalkotzy, 1977, S. 88). Какого рода был этот «симбиоз», сказать трудно. Производители «варварской посуды» могли внедриться в то или иное микенское поселение с помощью оружия и силой подчинить себе его обитателей, хотя возможен, вероятно, и другой вариант, если допустить, что местные жители могли принять пришельцев в свою общину на положении своего рода эпойков. Как бы то ни было, самое наличие этого вида керамики в ряде микенских поселений, как нам кажется, неоспоримо свидетельствует о проникновении каких-то чужеродных этнических элементов в среду грекоязычного населения Пелопоннеса и Средней Греции в период,

²⁸ Н. Сэндерс считает, что возможны два разных объяснения появления керамики этого типа в микенских поселениях (Sandars, 1978, p. 192): либо эти сосуды «были изготовлены небольшой группой скорее отсталых новопоселенцев, принятых в микенское поселение, не оказав на него сколько-нибудь существенного влияния», либо их можно расценивать «как следствие общего упадка жизненного уровня местного населения и появления в его среде слоев, мало заинтересованных в высококачественной гончарной продукции». Однако некоторые особенности «варварской посуды», например наличие примитивных украшений вроде ямок, выдавленных пальцем гончара, налепов в виде шишек или бахромы, процарапанных бороздок и т. п., оправдывают ее сближение с лепной керамикой негреческого происхождения и говорят, скорее, о ее чужеродности в микенской культурной среде (см.: Bouzek, 1985, p. 183 ff.).

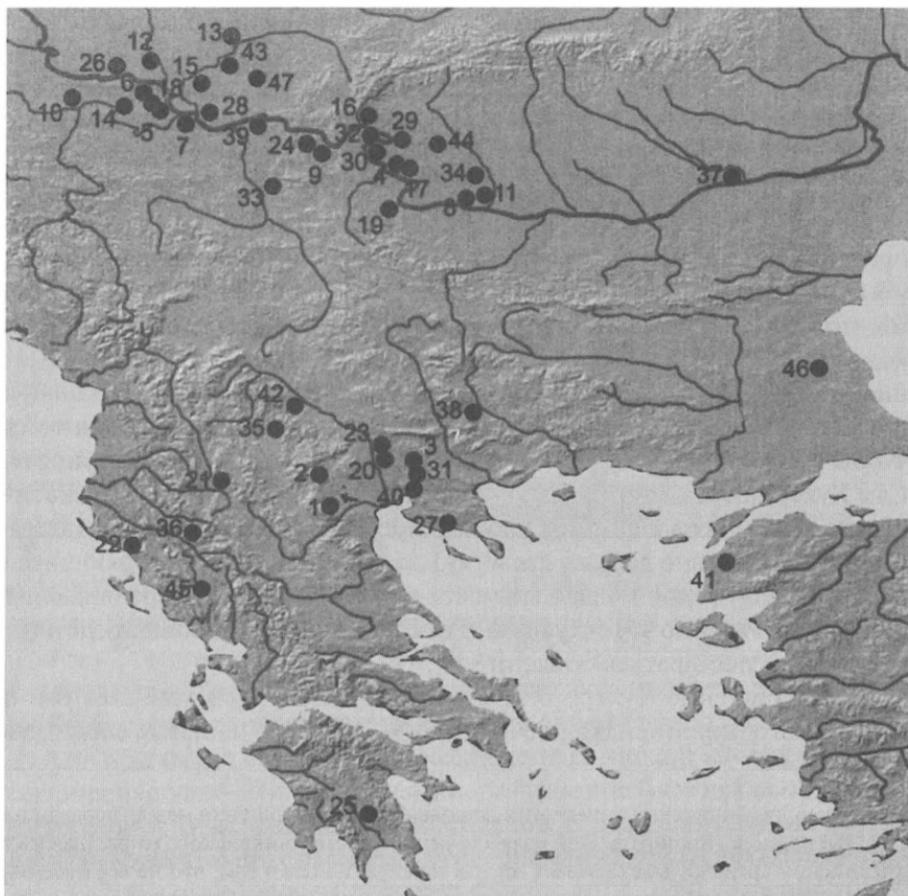

Ил. 13. Олинф. Характерные типы сосудов и жаровен (3) эпохи поздней бронзы в Македонии

хронологически непосредственно следующий за волной разрушений на рубеже XIII–XII вв. до н. э.

Правда, хронологическая последовательность этих двух событий не обязательно означает, что пришельцы, пользовавшиеся в своем домашнем быту грубой лепной керамикой, несут ответственность за уничтожение почти всех главных жизненных центров Микенской Греции и множества мелких поселений. В принципе, они могли просто воспользоваться удачно сложившейся для них политической конъюнктурой на Пелопоннесе и в смежных с ним районах, пожиная чужие лавры.

Но, что особенно важно, у нас нет и пока не может быть твердой уверенности в том, что события в Греции развивались именно так, как это представляют себе авторы наиболее фундаментальных работ, посвященных периоду кризиса микенской цивилизации, в том числе уже названные

Карта 5. Распространение жаровен со встроенным вовнутрь сосудом и скругленной крышкой в эпоху бронзы

Десборо, Снодграс, Боузек и Шахермайр. Весьма серьезные сомнения вызывает упорно отстаиваемый ими тезис о синхронности падения микенских твердынь и опустошения их сельской округи, на чем собственно и базируется в первую очередь широко распространенное представление о тотальном характере катастрофы. Этот имеющий принципиальное значение тезис энергично оспаривает английский историк Хукер²⁹, один

²⁹ Впрочем, уже Десборо сопровождал свои выводы относительно характера катастрофы рубежа XIII–XII вв. до н. э. весьма серьезными оговорками и призывами к чрезвычайно осторожному обращению с археологическими данными. В одной из своих работ, посвященных этой проблеме, он указывал, что не существует надежных

из главных приверженцев выдвинутой Чедвиком концепции автохтонности дорийского населения Пелопоннеса. В своей книге, впервые опубликованной в 1976 г. (Hooker, 1976, 1980, p. 148 ff.), он решительно отрицает, что «микенский мир как таковой пришел к насильственному концу с завершением ПЭ ШВ керамического периода. Два дворцовых центра и только два, — продолжает он, — как положительно известно, соответствуют этой схеме: Пилос и Фивы. В отношении других мы или просто не знаем, когда дворец был окончательно разрушен (как в Орхомене, и, если говорить честно, в Микенах и Тиринфе³⁰ также), или же мы можем быть совершенно уверены в том, что это произошло не в конце ШВ периода (Воло, Афины)... Также и малые микенские поселения (по крайней мере, те немногие, которые были тщательно раскопаны и обеспечивают хорошую стратиграфию) не дают оснований для того, чтобы говорить о почти тотальном бедствии в конце ПЭ ШВ периода». Сам Хукер так резюмирует свои наблюдения (Ibid., p. 151): «Археологические факты позволяют представить продолжительный период (длившийся значительно дольше столетия) нестабильности, повторяющиеся бедствия, поражающие разные места в разное время, и передвижения населения. Именно эту ситуацию, а не единое почти всеобщее бедствие, мы должны постараться объяснить»³¹.

Представление Хукера о затяжном кризисе, расшатавшем устой микенского миропорядка в течение XIII–XII вв. до н. э. и не сводимом

критериев, позволяющих определить, каковы были соотношения между керамикой ПЭ ШВ периода, происходящей из различных областей микенского мира. Здесь же английский археолог высказывает весьма здравую мысль о том, что не все явления в общей картине катастрофы могут быть сведены к одной причине и не всегда существует уверенность в том, что то или иное поселение сгорело в результате вражеского вторжения, а не пострадало от случайного пожара (Desborough, 1972, p. 36. См. также: Idem, 1964, p. 222).

³⁰ О невозможности точной датировки разрушений в Тиринфской цитадели см.: Hiesel, 1975, S. 33.

³¹ Согласно Алину и Десборо, археологические данные позволяют фиксировать по крайней мере три фазы разрушений, от которых в той или иной степени пострадали поселения в различных районах Греции: 1) разрушение построек близ стен Микенской цитадели — последняя четверть XIII в. до н. э.; 2) разрушение дворцов в Микенах, Тиринфе, Пилосе, Гла (Беотия) и ряда малых поселений — конец XIII в.; 3) гибель так называемой «житницы» в Микенской цитадели — около середины XII в. до н. э. (Alin, 1962, p. 23 f., 35 f.; Desborough, 1964, p. 221 ff.). В действительности число этих фаз может быть легко увеличено, если учесть следы разрушений, например, в Иолке и Тейхос Димайон, приходящиеся на самый конец XII в., если не на начало XI в. до н. э., а также не настаивать на абсолютной синхронности всех разрушений рубежа XIII–XII вв. до н. э. (ср.: Hooker, 1980, p. 148 f.; Hammond, 1976, p. 134 ff.; Müller-Karpe, 1980, S. 135; Schachermeyr, 1984, S. 167 ff.).

Ил. 14. Сцена сражения на корабле. Фрагмент кратера ПЭ IIIС периода (XII в. до н. э.). Ламия. Археологический музей

к какой-то одной тотальной катастрофе, обычно осмысляемой как сокрушительное вторжение орды «народов моря», в той или иной мере разделяют и некоторые другие авторы, в том числе Ф. Трич, Н. Сэндерс, Н. Хэммонд и Э. Кирстен (Tritsch, 1973; Sandars, 1978, p. 180; Hammond, 1976, p. 134 f.; Kirsten, 1983, S. 394 ff.), хотя их итоговые оценки ситуации, сложившейся в Греции в конце XIII–XII вв. до н. э., существенно между собой различаются. Так, Трич вообще отрицает возможность каких бы то ни было крупных передвижений племен в этот период, оспаривая довольно обычное в литературе его сближение с эпохой «Великого переселения народов». В его понимании, разрушение микенских цитаделей и неукрепленных поселений было делом рук сравнительно небольших (не достигавших даже размеров племени) групп искателей приключений и охотников за добычей ('Sackers of Cities'). Эти пиратские дружины могли быть самого различного этнического происхождения, возможно, объединяя в своем составе как греков, так и варваров, спаянных общей преданностью своему предводителю и жаждой грабежа. Они бороздили Эгеиду по всем направлениям, всюду сея смерть и разрушение и наводя ужас на мирных жителей, подобно средневековым викингам. Хотя изображенная здесь ситуация, возможно, не так уж далека от истинного положения вещей, она все же нуждается в каком-то дополнительном объяснении. Ведь пиратство всегда было неизменным спутником эгейского мореплавания (ил. 14). Этим промыслом охотно занимались и правители минойского Крита, и ахейские династы материковой Греции. Но чем объяснить, что именно в конце XIII в. до н. э. морской разбой приобрел в Эгейском бассейне столь мощный размах, что стал угрожать самому существованию микенской цивилизации?

Как и Трич, Н. Сэндерс уделяет много внимания проблеме эгейского пиратства в последние века микенской эпохи, полагая, что ахейские «корсары» вполне могли принимать участие в рейдах «народов моря» к берегам Сирии и Египта³². Сам этот феномен, однако, осмысливается ею в тесной связи с другими кризисными явлениями, которыми характеризовался процесс упадка и изживания микенской цивилизации. Как справедливо замечает Сэндерс (Sandars, 1978, p. 186), «пиратство было не причиной, а скорее одним из результатов общего распада и вместе с тем одним из немаловажных элементов, препятствовавших возвращению вспять». Оно развивалось на фоне внутренних междоусобиц и общего экономического кризиса, почти одновременно охватившего все микенские государства. Основными причинами кризиса были, в понимании Сэндерс, «сверхспециализация» микенской экономики (т. е. ориентация хозяйства отдельных дворцовых государств на преимущественное производство какой-нибудь одной сельскохозяйственной культуры или какого-нибудь одного вида ремесленных изделий), а также ее «слишком значительная зависимость от центральной администрации, потребность в безопасном и эффективном транспорте и коммуникациях, наконец, перенаселенность и истощение почвы» (Sandars, 1978, p. 77 ff.; 183 f. Ср.: Betancourt, 1976, p. 44 f.; Iakovidis, 1977, p. 134 ff.; Hutchinson, 1977, p. 4 ff.; Полякова, 1983, с. 95 сл.). Что касается судьбы микенских цитаделей и иных не столь значительных поселений, то Сэндерс разграничивает по крайней мере три волны разрушений, первая из которых приходится на вторую половину XIII в. до н. э., вторая на самый конец того же столетия и третья на следующий XII в. При этом исследовательница подчеркивает, что «вся Южная и Центральная Греция не была разорена в один и тот же момент, как могло бы случиться, если бы это было массированное нападение из-за рубежа. Данные керамики лучше согласуются с войнами между (самими) микенскими государствами, продолжавшимися в течение значительного отрезка времени параллельно с их внутренним упадком» (Sandars, 1978, p. 180).

Эту «опасную» тенденцию к размыванию картины грандиозной катастрофы, обрушившейся на Микенскую Грецию на рубеже XIII–XII вв. до н. э., к растворению ее в частности попытался парировать в одной из своих последних работ сам основоположник концепции

³² При этом Сэндерс делает одну важную оговорку (Sandars, *Ibid.*, p. 187): «Конечно, шайки изгнанников и пиратов из Эгейды могли плавать по всему Восточному Средиземноморью, при этом, однако, следует признать, хотя бы и против воли, что мы не можем указать пальцем на тот или другой из вражеских контингентов, которым египтяне дали имена, сочтя их достойными упоминания, и сказать, что это были люди из Греции».

«Великого переселения народов», захлестнувшего Грецию, так же как и другие страны Восточного Средиземноморья, Фр. Шахермайр (Schachermeyr, 1980, S. 49, 440 f.). Однако эту его попытку нельзя признать особенно удачной, если учесть, что в своей полемике с Н. Сэндерс он не нашел ничего лучшего, чем сослаться на книгу П. Алина, в то время уже почти двадцатилетней давности, так как содержащиеся в ней датировки разрушений отдельных микенских поселений весьма далеки от абсолютной точности и в ряде случаев расходятся с датировками, принятыми другими археологами (Hooker, 1980, p. 148 ff.). Очевидно, окончательное решение этой проблемы невозможно без тщательной проверки всех тех датировок, на которых строят свои выводы Шахермайр, Десборо, Снодграс и другие ученые, разделяющие их представление о тотальном опустошении Греции в конце ПЭ ШВ — начале С периода.

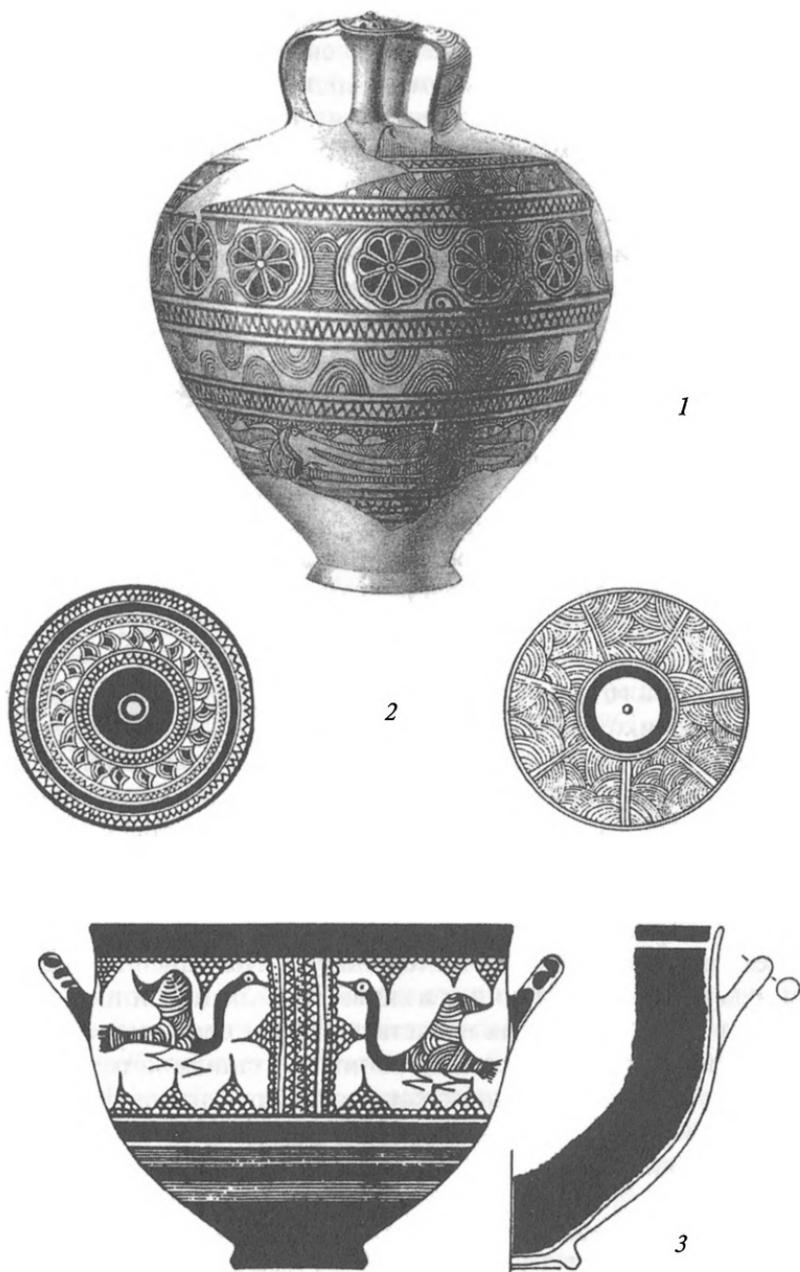
Любопытно, что, в отличие от своих многочисленных последователей, Шахермайр явно не склонен затруднять себя поисками остатков культуры пришельцев. К таковым он относит лишь уже упоминавшиеся выше (см. ил. 12) образцы грубой лепной керамики, или «варварской посуды» (Schachermeyr, 1980, S. 70 f. Ср.: 1980, S. 448, Anm. 13; 1984, S. 197). В понимании австрийского исследователя, варварские племена, образовавшие орду «народов моря», покидая свою прародину, расположенную где-то на Придунайской равнине или в предгорьях Карпат, оставили вместе с ней и свою культуру. «То, к чему они стремились, было поэтому не просто добычей и не только новым отечеством. Они жаждали также новых более высоких культурных принципов (Kulturgesinnung). Теперь они должны были впервые завоевать нечто подобное. Прежде всего, это были грубые и лишенные культуры орды, которые вместе со своим прежним отечеством потеряли также и свою прежнюю культуру, не успев еще овладеть чьей-нибудь чужой» (Schachermeyr, 1984, S. 165). Именно благодаря этому «разрушители» довольно быстро освоились в местной этнической среде, овладели как языком микенских греков, так и начатками их культуры. Спустя короткое время после того, как были обращены в руины дворцы Микен, Тиринфа, Пилоса, неподалеку от них (в двух первых случаях прямо в черте стен цитадели либо в «нижнем городе») возникли новые резиденции³³, в которых обосновались предводители северных варваров, стремившиеся сравняться в роскоши и величии со своими предшественниками — микенскими ванаками. Пытаясь предстать перед своими подданными законными

³³ Шахермайр, однако, подчеркивает, что все эти резиденции были лишены настоящих дворцов (1984, S. 198. Ср.: Mylonas, 1968, p. 32 ff.).

наследниками прежних царей, они охотно вступали в браки с их дочерьми и вводили при своих дворах микенский придворный церемониал. Как думает Шахермайр, такого рода мелкие «княжества» со смешанным населением возникли не только в материковой Греции, но и на островах Эгейды, на побережье Малой Азии, на Крите и Кипре и даже в отдаленной Палестине. Во всех этих центрах сложились благоприятные условия для возрождения угасавших микенских традиций, и около середины XII в. до н. э. эгейский мир переживал настоящий «микенский ренессанс», о чем свидетельствует, в представлении Шахермайра, появление различных вариантов так называемой «благородной керамики (Nobel Keramik)», к которой, в частности, относятся микенские вазы, расписанные в так называемом «тесном стиле» (close style — *ил. 15* — Schachermeyr, 1980, S. 101 ff.; 1984, S. 197 ff. Ср.: Полякова, 1983, с. 96 сл.).

Как мы видим, австрийский исследователь как будто сумел избавиться от одной из «каверзных» проблем, давно уже досаждавших всем, кто так или иначе склонен был разделять его представления о характере катастрофы, постигшей Грецию на рубеже ПЭ ППВ—С периодов, объяснив, куда девалась орда «разрушителей» после того, как она предала всю страну страшному опустошению. Правда, нельзя не заметить, что проблема эта была решена Шахермайром в чисто спекулятивном плане. Вся предложенная им реконструкция событий в период, непосредственно следующий за катастрофой, лишена даже минимального фактического обоснования. Между тем отмеченная им регенерация микенских культурных традиций в середине XII в., так же как и предшествующая ей полоса разрушений, могут быть объяснены и совсем по-другому, хотя опять-таки не более чем на уровне чистой спекуляции.

Отчасти мы уже знакомы с позицией тех авторов, которые пытаются обойтись в своих расчетах вообще без фактора внешней военной угрозы, делая главный упор на кризисные процессы, развивавшиеся внутри самих микенских государств. Уже известный нам Хукер, полемизируя с Десборо по вопросу о причинах разрушений в микенских поселениях, заметил (Hooker, 1980, p. 178): «Ничто не вынуждает нас приписывать любое разрушение нападению извне... Большие микенские цитадели никогда не были бы захвачены, если бы не вмешались голод, болезни или предательство. Все это бедствия такого рода, которые оставляют открытой возможность локального конфликта или мятежа, но которые исключают теорию разрушительного вторжения». Отвергая концепцию завоевания в любых ее вариантах, не исключая и варианта, связанного с «народами моря», Хукер несколько ниже (*Ibid.*,

1

2

3

Ил. 15. Керамика «тесного стиля» (close style):

1 — ваза из Микен; 2 — крышечки от пиксид из Перати; 3 — скифос из Кораку

р. 180) устанавливает три основные причины, которые, по его мнению, могли привести к упадку и гибели микенские государства: 1) междоусобные войны между отдельными ахейскими царствами или целыми их коалициями; 2) локальные восстания внутри отдельных государств, сопутствовавшие этим войнам; 3) стихийные бедствия³⁴.

Каждое из этих объяснений имеет своих сторонников в новейшей научной литературе. Как мы уже видели, гипотезе междоусобных войн отдает предпочтение Н. Сэндерс. К этой гипотезе довольно близка концепция внутренних смут и «гражданских войн» в самих микенских государствах, восходящая еще к Фукидиду, который писал о многочисленных мятежах и переворотах (σφόραεϛ — *Thuc. I, 12, 2*), которые происходили повсюду в Греции после окончания Троянской войны (см. также Vermeule, 1960, p. 71; Mylonas, 1966, p. 228 f. Ср.: Buck, 1969, p. 285 ff.)³⁵. Особым вариантом в сущности все той же имеющей своим первоисточником Фукидида концепции может считаться теория «социальной революции». Как было уже сказано, ей отдали известную дань Дж. Чедвик и его последователи, считающие дорийцев автохтонным населением Пелопоннеса, хотя впервые она была выдвинута известным греческим археологом М. Андроникосом (Andronikos, 1954, s. 236. Ср.: Mylonas, 1966, p. 231 f.; Snodgrass, 1971, p. 313; Desborough, 1972, p. 22). Наконец, гипотеза стихийного бедствия была развита и обстоятельно аргументирована американским историком Р. Керпентером, который видит главную причину упадка микенской цивилизации в резком изменении климата, вызвавшем целый ряд засушливых лет, которые оказали губительное влияние на экономику Греции, завершившись всеобъемлющей катастрофой (Carpenter, 1966. См. также: Bryson, Lamb, Donley, 1974. Ср.: Snodgrass, 1971, p. 313; Desborough, 1972, p. 22).

Каждый из только что названных факторов мог, разумеется, сыграть определенную, хотя и не обязательно главную или тем более единственную роль в деградации и изживании микенской цивилизации, которые вполне могут быть представлены как чрезвычайно сложный многоступенчатый процесс, внутренний механизм которого едва ли может быть сведен к действию какого-то одного фактора (Renfrew, 1972, p. 502). Тем не менее имеющийся сейчас в нашем распоряжении археологический материал не дает возможности подкрепить конкретными

³⁴ По мнению Яковидиса (Iakovidis, 1977, p. 134), первое разрушение Микенской цитадели в последней четверти XIII в. было вызвано сильным землетрясением.

³⁵ Сэндерс находит возможным включить в число «смут», происходивших в Греции после взятия Трои, также и «возвращение Гераклидов» (Sandars, 1978, p. 185). Ядром предания, в ее понимании, может считаться «факт гражданской войны между микенскими государствами на рубеже ПЭ ПИВ — ПИС периодов».

фактами хотя бы одну из этих в общем, за исключением разве что последней, достаточно правдоподобных гипотез. Что касается античной исторической традиции, повествующей о смутах в греческих государствах, которыми как бы завершается история «героического века», то все сообщения такого рода в конечном счете восходят к очень древним мифам и в силу этого вряд ли могут служить основой для сколько-нибудь серьезной научной реконструкции событий.

Учитывая все это, следует признать наиболее разумной позицию тех авторов, которые, избегая однозначных ответов на стоящий перед нами главный вопрос, отдают предпочтение различным комбинированным его решениям. Обычно решения такого рода сводятся к предположению, что катастрофа, постигшая микенский мир в XIII–XII вв. до н. э., была уже подготовлена происходившими внутри него событиями кризисного характера, т. е. опять-таки политическими смутами и междоусобицами, восстаниями обремененного поборами трудящегося населения, развитием пиратства, повлекшим за собой разрыв внешних коммуникаций, экономическим спадом, неурожайными годами и т. п. В результате всего этого микенские государства в большинстве своем были настолько ослаблены, что для их окончательного крушения недоставало лишь достаточно сильного внешнего толчка или же целой серии таких толчков, роль которых сыграли варварские вторжения на территорию Греции, начавшиеся, по всей вероятности, в конце XIII в. до н. э. (Starr, 1961, p. 59 ff.; Bouzek, 1969, S. 83 ff.; Hammond, 1976, p. 129 ff.; Полякова, 1983, с. 94 слл.).

В большинстве возникающих при этом комбинаций фактор внешней опасности занимает если не ключевое, то, во всяком случае, достаточно важное положение. Для этого существуют весьма веские основания. Как бы мы ни выстраивали цепочку локальных катастроф, зафиксированных археологами в отдельных микенских цитаделях и рядовых поселениях, помещая их то в одной и той же хронологической плоскости (рубеж XIII–XII вв. до н. э.), то через определенные интервалы друг вслед за другом, довольно трудно избавиться от мысли, что виновниками этих разрушений в большинстве случаев все же были какие-то внешние, а не внутренние враги. Если гибель и запустение отдельных цитаделей еще можно объяснить с помощью гипотезы междоусобных войн или восстаний подневольного населения, особенно если предположить, что все эти события происходили в разное время, то к массовому уничтожению малых поселений и к тотальному опустошению целых обширных областей такое объяснение едва ли применимо (Desborough, 1964, p. 223; 1972, p. 22).

Кроме свидетельств косвенного характера (те же разрушения, резкое сокращение численности населения) мы располагаем также и некоторыми прямыми подтверждениями гипотезы варварского вторжения,

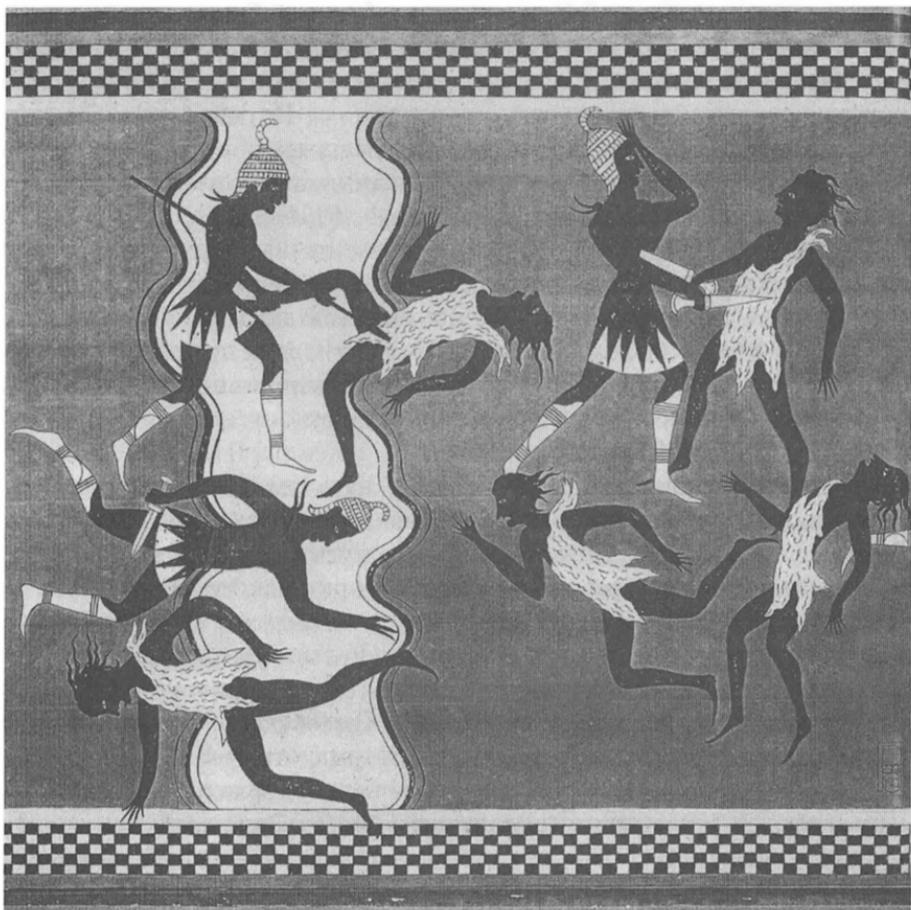
принятой многими авторами как наиболее правдоподобное объяснение катастрофы или серии катастроф, пережитой Микенской Грецией в конце XIII–XII вв. до н. э. Судя по некоторым признакам, последние десятилетия XIII столетия, хотя в целом оно обычно оценивается как период наивысшего расцвета микенской цивилизации, были временем довольно-таки тревожным и беспокойным. Обитатели дворцов и цитаделей явно жили в атмосфере страха и ожидания какого-то бедствия. В эти годы было предпринято строительство новых фортификационных сооружений в Микенах, Тиринфе, Афинах. Строители цитаделей позаботились о том, чтобы их гарнизонам и обитателям был обеспечен безопасный доступ к источникам воды (Starr, 1961, p. 60 f.; Desborough, 1964, p. 221; Mylonas, 1966, p. 44 f.), хотя все эти меры могут быть объяснены и как подготовка к очередной междоусобной войне или войнам между самими микенскими государствами (Hammond, 1976, p. 134; Hooker, 1979, p. 355).

О том, что пелопоннесские ахейцы готовились в это же время к отражению какой-то опасности, надвигавшейся на них с севера, гораздо более ясно свидетельствует постройка циклопической стены на Истме, по всей видимости, так и оставшейся недостроенной (Wongeeer, 1966, 1968). Эта попытка перерезать единственную сухопутную дорогу, ведущую из Средней Греции на Пелопоннес (скорее всего, она была предпринята тогдашними правителями Микен, вероятно, при содействии других государств полуострова), несомненно, была бы оправдана стратегически лишь в том случае, если бы инициаторы этого строительства были уверены в своей абсолютной неуязвимости со стороны моря. Уже одно это соображение заставляет предполагать, что врагом, от которого владыки Пелопоннеса рассчитывали укрыться за этой стеной, не могли быть ни микенские государства Средней или Северной Греции, располагавшие, надо думать, военно-морскими силами, достаточными для того, чтобы нанести удар по побережью полуострова в любой его точке, ни свирепствовавшие в водах Эгейского, Ионического и Адриатического морей пиратские шайки отчасти греческого, отчасти варварского происхождения. Видимо, эти «корсары» не представляли серьезной угрозы даже для обитателей неукрепленного Пилосского дворца, иначе они непременно предприняли бы какие-то меры для обеспечения своей безопасности³⁶. Весьма показательны также и то, что «зонами убежища», куда стекалось население пострадавших от варвар-

³⁶ Тем не менее некоторые авторы, в том числе Хэммонд, Дегер-Ялкотци, Сэндерс (Hammond, 1967, p. 375 ff.; 390 f.; Deger-Jalkotzy, 1977, S. 78 f.; Sandars, 1978, p. 181 f.), убеждены в том, что Пилосский дворец был уничтожен именно в результате атаки с моря.

ского нашествия областей Пелопоннеса и Средней Греции, стали в первой половине XII в. в основном острова Ионического и Эгейского морей (Итака, Кефалления, Эвбея), а также те районы Пелопоннеса, которые находились на некотором удалении от Истма (Ахайя, Элида). Острова центральной и восточной части Эгеиды вообще не были затронуты вторжением и, видимо, продолжали вести ту же относительно мирную жизнь, что и прежде (Desborough, 1964, p. 222; 1972, p. 20 ff.; Bück, 1969, p. 278). Все эти факты могут означать, что в нашествии, которого ожидали и к которому с таким напряжением и с максимальными затратами сил и средств готовились ахейские династии Пелопоннеса, в первую очередь, очевидно, северного, участвовали преимущественно еще достаточно дикие племена кочевников, совершенно незнакомые с мореплаванием и в силу этого державшиеся сухопутных дорог, как бы неудобны и небезопасны они ни были.

Можно предположить далее, что перед началом своего продвижения на юг, по направлению к главным жизненным центрам Микенской Греции эти племена уже успели проникнуть в гористые местности, тянущиеся вдоль северного побережья Коринфского залива, т. е. на территорию Этолии, Локриды Озольской, возможно, также Дориды и Фокиды, если допустить, что к тому времени она уже была отторгнута от системы микенских государств. Отчасти эта догадка подтверждается документами, происходящими из архива Пилосского дворца. В одном из них говорится об отправке команды из тридцати гребцов в Плеврон, т. е., по всей вероятности, в Южную Этолию, которая в то время могла находиться в сфере влияния правителей Пилоса. Одна из превентивных военных экспедиций в этот же район, возможно, запечатлена на известной фреске из того же Пилосского дворца, изображающей сражение ахейских воинов в типичных шлемах из кабанийих клыков и поножах с какими-то дикарями, одетыми в звериные шкуры, — *ил. 16* (Lang, 1969, pl. 124). Заметим, что эти «троглодиты», как назвала их М. Лэнг, опубликовавшая фреску во II томе бледженовского «Дворца Нестора», вооружены такими же короткими мечами или кинжалами, как и те, которые мы видим в руках у противостоящих им ахейцев, причем мечи эти явно не имеют ничего общего со знаменитыми клинками типа Sprockhoff Па (или Naue II). Зато в отличие от своих противников «троглодиты» совершенно лишены какого бы то ни было защитного вооружения. Изобразивший их художник не позаботился о том, чтобы снабдить их бронзовыми щитами, панцирями, шлемами, поножами, короче говоря, теми элементами центральноевропейской паноплии, которые археологи находят в отдельных могилах «полей погребальных урн», открытых на территории Словакии, Венгрии, Северной Югославии (Bouzek, 1985,

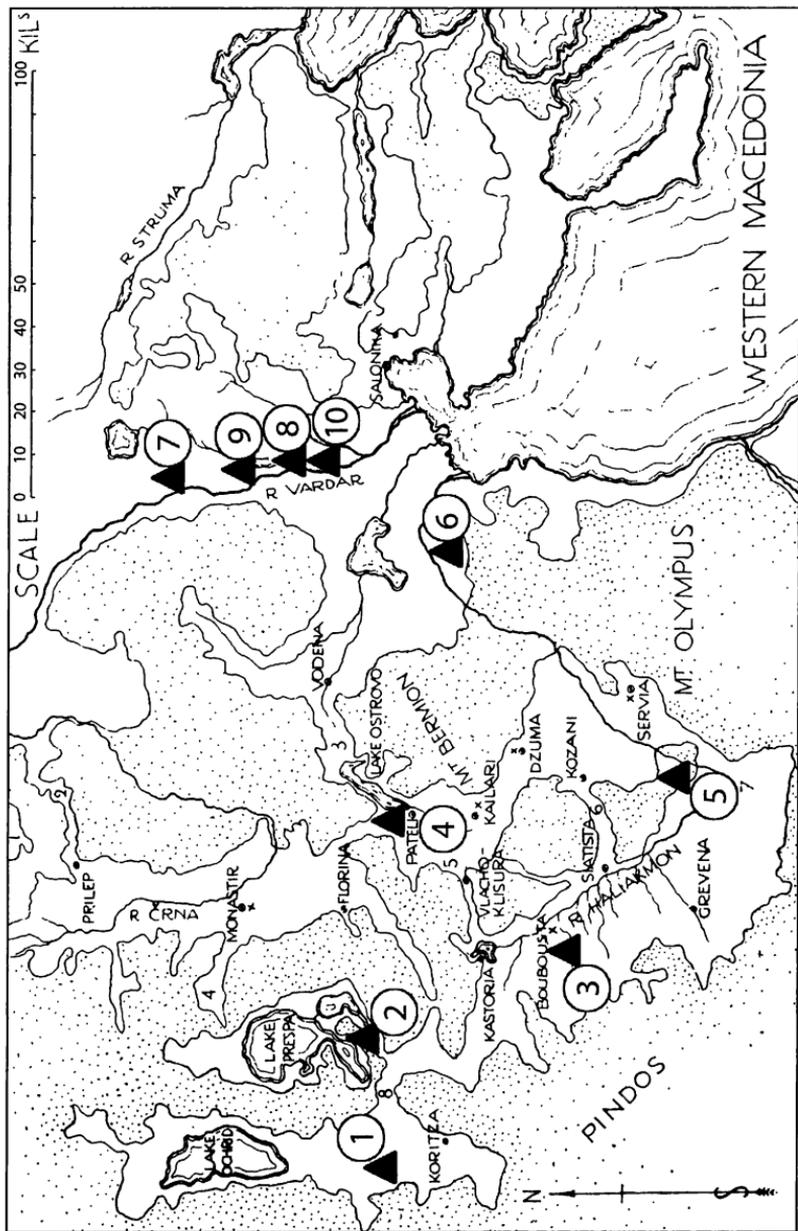
Ил. 16. Сцена сражения на фреске из дворца Пилоса

р. 92 ff.)³⁷. Совершенно ясно, что это племя не имеет ничего общего ни с воинственными пришельцами из Подунавья, на которых Шахермайр, Киммиг, Боузек и другие авторы возлагают основную ответственность за гибель микенских дворцов и цитаделей, ни с « народами моря », которые, согласно той же концепции, продолжали опустошительные набеги орды « разрушителей » в Малой Азии, на берегах Кипра, Сирии и Египта. В то же время ничто не мешает нам предположить, что изображенные

³⁷ Художника, изобразившего эту сцену, трудно заподозрить в стремлении к сознательному принижению врага. Фреска написана во вполне реалистической или скорее натуралистической манере. В ней нет ничего общего со столь типичными для древневосточного искусства сценами военных апофеозов.

пилосским художником дикие люди как раз и были тем противником, против которого ахейские властители Пелопоннеса сооружали стену на Истме и принимали предупредительные военные меры на северном побережье Коринфского залива.

Разумеется, в настоящий момент мы ничего не можем сказать наверняка ни об этнической принадлежности «троглодитов», ни о географическом ареале их расселения. Учитывая уже высказанные выше соображения о реакции населения микенского мира Греции на нависшую над ним угрозу, можно высказать предположение, что основная масса варваров, участвовавших во вторжении, до его начала была рассеяна на довольно большой территории, охватывавшей всю Северо-Западную Грецию, включая Этолию, Локриду Озольскую, Акарнанию, Эпир и, вероятно, также отдельные районы Северной и Западной Фессалии и Македонии. Все эти племена вели преимущественно кочевой или полукочевой образ жизни, непрерывно передвигаясь со своими стадами, как это свойственно многим пастушеским народам, с зимних пастбищ на летние и обратно, т. е. с равнины в горы и в противоположном направлении. При этом они должны были постоянно менять места своих перекочевков, передвигаясь в зависимости от экологической и демографической ситуации, сложившейся в том или ином районе, то с севера на юг или с запада на восток, то в обратную сторону. Культурное развитие всей этой массы горных племен в течение столетий оставалось на достаточно низком уровне, не идущем ни в какое сравнение с культурой основных областей ахейской Греции. В своем повседневном домашнем быту эти варвары, по всей видимости, обходились палатками, сделанными из шкур животных, или же сплетенными из ветвей шалашами, изготовленными из кожи или дерева сосудами и сплетенными из коры корзинами, лишь в редких случаях (во время длительных стоянок) обращаясь к изготовлению примитивной, сделанной без помощи гончарного круга керамики. Лишь в некоторых местах в пределах этого ареала происходил переход пастушеских племен к оседлому образу жизни и возникали изолированные очаги примитивных земледельческих культур, каждая из которых характеризовалась в первую очередь присущими ей достаточно своеобразными формами расписной керамики. Наиболее выразительными примерами могут служить крупные керамические комплексы, открытые в Западной Македонии в районе озер Охридского и Преспы, а также в верховьях реки Галиакмон (*карта 6*). Наиболее важные находки в этом районе были сделаны в Малике, Трене, Бубусти, Патели и некоторых других местах (Schachermeyr, 1980, S. 271 ff.; Bouzek, 1985, p. 192 ff.). Правда, в своей основной массе открытая здесь керамика относится уже к началу железного века, т. е. к XI–X вв. до н. э., хотя

Карта 6. Основные археологические памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Западной Македонии:
 1 — Малик; 2 — Трен; 3 — Бубусти; 4 — Патели; 5 — Эйане; 6 — Вергина; 7 — Килиндир; 8 — Вардаровца;
 9 — Вардина; 10 — Кастанас

характерные для нее орнаментальные мотивы в ряде случаев восходят к гораздо более раннему времени, по крайней мере к эпохе средней бронзы.

Несмотря на ясно выраженную обособленность и длительную культурную отсталость этого обширного региона, племена, населявшие Эпир, Македонию и расположенные дальше к югу области Северо-Западной Греции, разумеется, никогда не были полностью изолированы от окружающего их мира и эпизодически вступали в экономические и культурные контакты со своими ближайшими и более удаленными соседями как на севере, так и на юге. Более того, занимаемая ими территория, несмотря на всю ее малоприспособленность для регулярного торгового общения, вероятно, служила на протяжении большей части II тыс. до н. э. своеобразным коридором, через который осуществлялась циркуляция товаров и связанных с ними технических идей из Микенской Греции в зону культуры «полей погребальных урн» и в обратном направлении³⁸. При этом часть этих изделий, что вполне естественно, оседала в процессе движения и на самих торговых путях, и по сторонам от них. Так, в могилах на территории Южного и отчасти Северного Эпира найдено довольно большое количество коротких бронзовых мечей микенского типа FII (некоторые из них, вероятно, местного производства, так как по своим техническим качествам заметно уступают микенским образцам — Hammond, 1976, p. 138 f.). Заметим попутно, что именно такими мечами вооружены как ахейские воины, так и их противники «троглодиты» на уже упоминавшейся фреске из Пилосского дворца. С другой стороны, в тех же районах Северо-Западной Греции, начиная примерно с конца XIII в. до н. э., появляются изделия, характерные для «полей погребальных урн», ближайшие прототипы которых в особенно больших количествах находят на территории Венгрии и в смежных с ней областях Подунавья и Центральной Европы. В их число входят бронзовые украшения: кольца и браслеты со спиралевидными завершениями (ил. 17), золотые спирали для волос, бронзовые боевые топоры, умбоны щитов и, наконец, так называемая «шишечная керамика» (с выступами в виде рогов и шишек — ил. 18: Buckel-Keramik, Knobbed Ware — Ibid., p. 139 f.)³⁹.

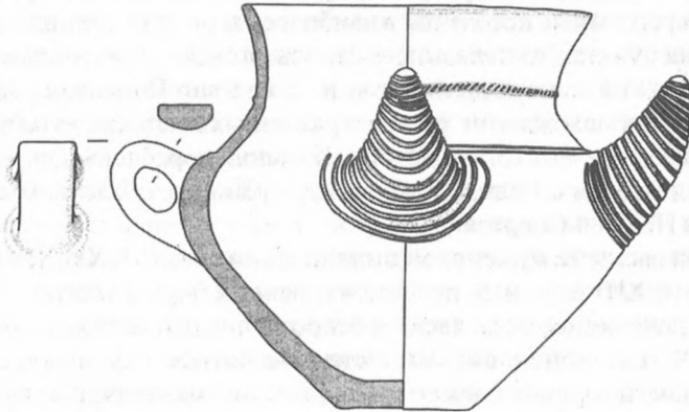
³⁸ Разумеется, значительная часть артефактов, участвовавших в этом обмене материальными ценностями между севером и югом, могла переправляться более удобным морским путем особенно вдоль берегов Адриатики. О значении адриатической торговли в процессе трансформации микенской культуры см.: Deger-Jalkotzy, 1977, S. 74 f.; Bouzek, 1985, p. 242.

³⁹ О месте Македонии в контактах Микенской Греции с зоной распространения «полей погребальных урн» см.: Bouzek, 1985, p. 214.

Ил. 17. Изделия из бронзы ПЭ ШВ — С периодов:
1 — меч типа F из Иксалофоса, Фессалия; 2–3 — украшения,
найденные на территории Эпира (кольцо из Элафотопоса
и браслет из Центральной Европы); 4 — кольцо из Перати

Находки такого рода позволяют предполагать, что северо-западная периферия Микенской Греции, в первую очередь Эпир и Македония, подобно огромной губке, впитывали в себя не только ремесленные изделия центральноевропейского или придунайского происхождения, но и самих носителей этих культур, будь то отдельные искатели приключений со своими дружинами или же целые племена, продвигавшиеся к югу в поисках новых мест для поселения. О языковой и этнической принадлежности этих «инфильтратов» можно лишь гадать: были они протоиллирийцами, протофракийцами (фригийцами) или же входили в состав какой-то иной, еще неизвестной нам этнической группы.

Ил. 18. Керамика из Трои с роговидными выступами (Buckel-Keramik)

Имеющийся археологический материал, однако, едва ли может служить основанием для того, чтобы говорить о радикальной смене населения во всем этом обширном регионе в последние столетия эпохи бронзы. По-видимому, в своей массе оно продолжало оставаться греческим или, точнее, северо-западногреческим, как это было и много позже — в I тыс. до н. э. (ср.: Тоупбе, 1969, р. 64 ff.).

Не приходится сомневаться в том, что в отношениях между обитателями горных массивов Македонии, Эпира, Этолии и населением приморских равнин Восточной Фессалии, Беотии, Аттики и Пелопоннеса, составлявших в своей совокупности основной ареал распространения микенской культуры, всегда существовала определенная напряженность, время от времени приводившая к вспышкам военных конфликтов. Вражда между горцами и жителями равнин обуславливалась и коренными различиями их образа жизни, и огромным разрывом в их культурном развитии, и естественными тенденциями роста и расширения занимаемой территории, в одинаковой мере присущими как отдельным микенским государствам, так и отдельным горским племенам. Блуждая по горным пастбищам нередко на расстоянии всего в несколько дневных переходов от главных жизненных центров дворцовых государств, эти кочевнико-скотоводы, что вполне естественно, не всегда могли удержаться от соблазна спуститься на равнину и разграбить хотя бы ближайšie поселки оседлых земледельцев, подвластных тому или иному микенскому дворцу. В свою очередь, дворцовая администрация отвечала на эти набеги карательными экспедициями, как это делалось при сходных обстоятельствах в иные времена и в иных странах, и, чтобы предотвратить аналогичные инциденты на будущее и перекрыть дороги, ведущие с гор на равнину, создавала укрепленные поселения в наиболее удобных со стратегической точки зрения пунктах, пыталась переманить на свою сторону племенных вождей, сделал их своими данниками и вассалами. Возможно, именно таково было происхождение ряда пограничных ахейских «княжеств», включенных в перечень гомеровского «Каталога кораблей», как, например, Южная Этолия с Калидоном или же глубинные области Фессалии в верховьях Пеней и Сперхея.

В период расцвета микенской цивилизации — в XVI, XV, XIV и первой половине XIII в. до н. э. перевес в извечной борьбе обитателей гор и равнины, очевидно, оставался на стороне последних. Однако после середины XIII в. до н. э. ситуация стала меняться в худшую для них сторону. Набеги горских племен на территорию микенских государств стали учащаться. Ахейским ванакам становилось все труднее сдерживать их натиск на свои границы, а сами их вторжения становились все более опустошительными. Сейчас трудно определить, что именно было главной причиной или причинами этого нарушения уже давно сложившегося баланса политических и военных сил в пользу наиболее отсталой части греческого этноса. Возможно, одной из таких причин было какое-то скрытое от нашего непосредственного наблюдения передвижение крупных этнических масс в северных районах Балканского полуострова и в непосредственно примыкающих к нему областях Подунавья и

прибрежной полосы Адриатики. Н. Хэммонд в ряде своих работ настаивает на том, что первым толчком, вызвавшим рост межплеменной напряженности и породившим обстановку нестабильности и брожения на всем пространстве северо-западной периферии Микенской Греции, было продвижение на юг фракийского племени бригов, впоследствии (после того, как они перебрались через Геллеспонт в Малую Азию) названных «фригийцами». Именно бриги, как считает Хэммонд, принесли в Македонию и Эпир некоторые основные элементы северной культуры (Hammond, 1934, p. 169, 171; 1967; 1973, p. 193 f.; 1975, Ch. XXXVI; 1976, p. 140 f. Ср.: Bouzek, 1985, p. 214)⁴⁰. Можно предположить далее, что под влиянием благоприятных климатических сдвигов, за которыми последовало увеличение поголовья скота, в горах в это время происходил быстрый прирост населения и, как обычно бывает в таких случаях, началась ожесточенная борьба за пастбища и наиболее удобные маршруты перекочевков, в результате которой более слабые и малочисленные племена либо вынуждались к признанию своей вассальной зависимости от более сильных соседей, либо оказывались на положении «аутсайдеров», вынужденных искать новые места для поселения. В этой ситуации отдельные пастушеские племена, прежде почти совершенно изолированные друг от друга и от всего остального мира, силой обстоятельств принуждались к сплочению, объединялись в более или менее мощные военные союзы, из которых в любой момент могла образоваться уже целая орда завоевателей, или, как говорят немецкие историки, «Wanderunglawine». Нарастанию экспансионистских тенденций среди населения горных окраин микенского мира, несомненно, должно было способствовать также и внутреннее ослабление самих дворцовых государств, вступивших в фазу своего упадка под влиянием целого ряда факторов (см. о них выше), видимо, где-то вскоре после середины XIII в. до н. э. еще до начала новой волны племенных миграций.

Политическая ситуация, сложившаяся в Греции в этот период, во многом, вероятно, должна была напоминать ситуацию, предшествовавшую экспансии Этолийского союза в III в. до н. э., хотя это сближение, конечно, не следует понимать буквально. Вовсе не обязательно думать, будто микенским государствам в это нелегкое для них время пришлось выдерживать организованный натиск всего племенного мира Северо-

⁴⁰ Начало экспансии бригов в южном, юго-восточном и юго-западном направлениях Хэммонд относит ко времени около 1200 г. до н. э. Однако в этом случае мы должны будем признать, что наиболее ранние и, видимо, самые серьезные разрушения микенских поселений, так же как и принятые ахейскими династиями превентивные меры (постройка стены на Истме), никак не были связаны с этим событием.

Западной Греции. Скотоводческие племена всего этого обширного горного края едва ли были способны в то время к сколько-нибудь длительной координации усилий, которая могла бы привести к образованию достаточно устойчивого политического сообщества. Союзы племен, о которых мы только что упоминали, возникали, по всей вероятности, лишь спорадически, в каждом отдельном случае имея своей целью решение какой-то одной вполне конкретной задачи, с которой одно обособленное племя справиться было не в состоянии, и уже в силу этого не обладали большим запасом внутренней прочности. Однако даже и такие ограниченные условиями места и времени кумулятивные процессы, происходившие в среде горных племен, были чреваты серьезной опасностью для всей и без того очень плохо сбалансированной системы политического равновесия Микенской Греции.

Наиболее опасным было, безусловно, положение микенских государств, находившихся в Средней (Фокида, Беотия, Аттика) и Северной Греции (Фессалия). Их территория была практически всегда открыта для набегов воинственных скотоводов, поскольку горный хребет Пинда, вдоль которого они передвигались со своими стадами, подступал к ней с запада почти вплотную, а его южные отроги — Эта, Парнас, Ахейские горы и др., — вдаваясь далеко вглубь основной сельскохозяйственной зоны, принадлежавшей микенским грекам (особенно в Фокиде и Южной Фессалии), создавали возможность почти беспрепятственного проникновения враждебных пришельцев едва ли не в самое сердце этой части микенского мира⁴¹. Особенно тяжело приходилось, по-видимому, ахейцам, населявшим Фессалию, почти со всех сторон окруженную горами и, по сути дела, представлявшую почти совершенно изолированный анклав микенской цивилизации в Северной Греции. Лишь пелопоннесские государства до поры до времени могли чувствовать себя в относительной безопасности, так как от враждебного мира северных варваров их отделяла узкая полоска Коринфского залива, а единственную ведущую на полуостров сухопутную дорогу через Истм они пока еще были в состоянии держать под своим контролем (*карта 7*).

Переход от кочевого или полукочевого образа жизни к постоянной оседлости требует, как это показывают многочисленные примеры из истории различных стран и народов, довольно длительного времени, в течение которого происходит постепенное привыкание пастушеского

⁴¹ Для этих районов характерен особый тип «пустых» цитаделей, по всей видимости, служивших убежищами для окрестного сельского населения во время набегов горцев. Таковы, например, цитадели Гла и Евтресис в Беотии, Криса в Фокиде, Петра, Ктури и Арне в Фессалии (Desborough, 1964, p. 221).

Карта 7. Микенский мир Средней Греции и Северо-Восточного Пелопоннеса

социума к новому житейскому укладу и соответствующим ему формам ведения хозяйства. Учитывая это обстоятельство, мы вправе предположить, что первые набеги северо-западных греков на территорию микенских государств имели своей целью не захват новых земель, пригодных для обработки и заселения, а простой грабеж и обычно сопутствующий ему угон скота и пленных (Tomlinson, 1972, p. 52). Такие набеги могли повторяться неоднократно, охватывая все более и более обширные пространства и превращая в руины все новые и новые микенские поселения. Вполне возможно, что на первых порах племена, участвовавшие в этих грабительских рейдах, старались обходить стороной крупные укрепленные центры, опустошая в основном их сельскую округу, население которой, рассеянное по множеству небольших деревень, поселков и лишенных стен городков, было не в состоянии оказать пришельцам сколько-нибудь серьезное сопротивление. Лишь по-настоящему освоившись

на разоряемой ими территории и как следует изучив своего врага, воинственные горцы могли решиться на штурм или хотя бы осаду поначалу, вероятно, казавшихся им неприступными, но в то же время и особенно разжигавших их алчность цитаделей⁴². Короче говоря, во время этих набегов события должны были развиваться примерно по той же схеме, по которой они развивались и в гораздо более поздние исторические эпохи, когда наиболее процветающие области Греции были отданы «на поток и разграбление» разбойничьим ордам славян, болгар, албанцев, валахов и прочих кочевых или уже перешедших к оседлости, но сохранивших свою мобильность народов (см. о них: Hammond, 1976, p. 37 ff). Практически во всех этих случаях пришельцы сначала в течение довольно долгого времени совершали пробные или разведывательные рейды по облюбованной ими территории, уходили, опустошив и разграбив все, что только можно было разграбить, и затем снова возвращались и снова уходили, не оставляя на своем пути ничего, кроме руин и следов пожаров.

Ситуация, сложившаяся в Греции в конце микенской эпохи, насколько ее удастся теперь реконструировать, используя имеющиеся археологические данные, вероятно, в основе своей соответствует именно такой картине миграционного процесса. Серия больших и малых катастроф, зафиксированных в различных районах микенской ойкумены, приходящаяся в основной своей части на конец XIII–XII вв. до н. э., запустение целого ряда микенских поселений (иногда без видимых следов разрушений), с одной стороны, с другой же — отсутствие ясно выраженных признаков оседания на опустошенной территории каких-то новых этнических элементов со свойственной им археологической культурой — оба эти аспекта открывающейся перед нами панорамы событий, положивших предел дальнейшему развитию дворцовой цивилизации бронзового века, пожалуй, лучше всего могут быть интерпретированы именно с помощью гипотезы, выдвигающей на первый план периодические набеги воинственных горцев на обитателей культивированных равнин. Само собой разумеется, что, прибегнув к такому решению проблемы, мы отнюдь не исключаем также и другие возможности объяснения отдельных локальных катастроф: междоусобных войн и всякого рода смут и мятежей, землетрясений, даже просто случайных пожаров. Все эти события вполне могли чередоваться с вторжениями кочевых пастушеских племен

⁴² Согласно предположению Боузeka (Bouzek, 1985, p. 222), северные варвары, вторгшиеся в Грецию в конце XIII в. до н. э., сначала захватили и разрушили неукрепленные микенские городки (Towns), и лишь после этого (спустя поколение) приступили к осаде цитаделей.

(ср.: Hammond, 1976, p. 133 f.), в особенности если предположить вслед за Хукером и некоторыми другими авторами (см. выше, с. 63 слл.), что они были разделены довольно значительными временными интервалами, практически почти неразличимыми при используемых сейчас достаточно грубых методах археологической датировки.

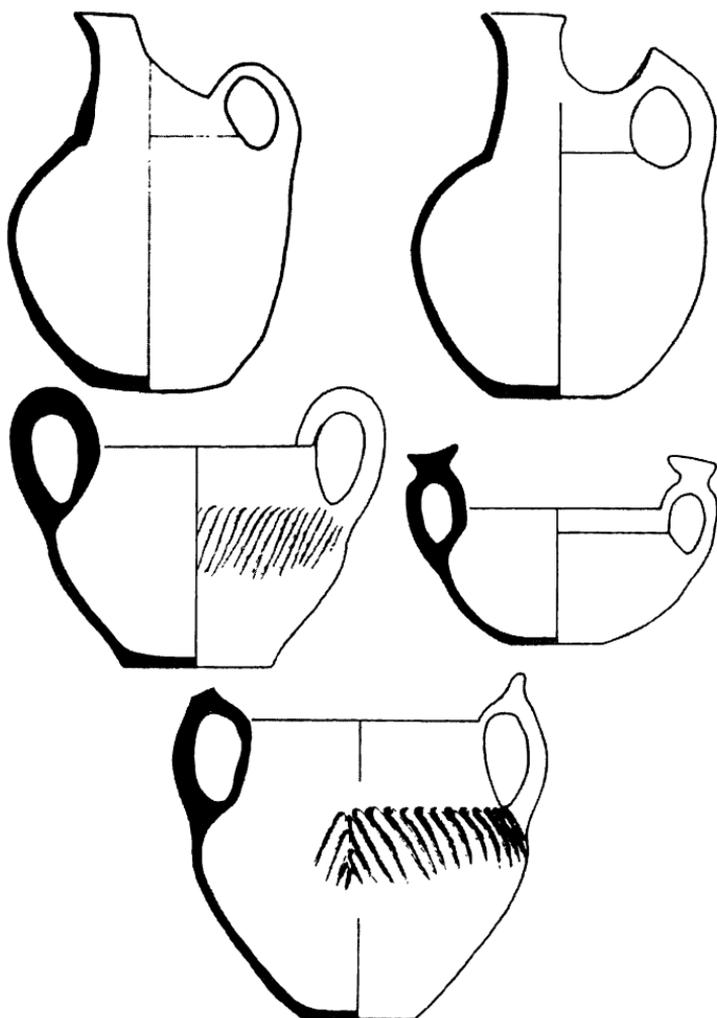
Особую значимость в этой ситуации приобретает надежно засвидетельствованный археологически факт прогрессирующего сокращения численности населения на всей территории материковой Греции. В общей сложности этот процесс продолжался, по-видимому, около двух столетий — с начала XII до конца XI в. до н. э. Некоторый (пока очень слабый) прирост населения наметился лишь ближе к концу ПГ периода, т. е. уже в X в. до н. э. Это парадоксальное положение может быть объяснено лишь в том случае, если мы признаем, что оседлое (микенское) население Греции постоянно эмигрировало из страны, причем какая-то его часть могла погибнуть от голода, болезней и всяких «несчастных случаев», тогда как пришлое кочевое население никак не могло или не хотело перейти к прочной оседлости, нигде не задерживаясь подолгу и не оставляя почти никаких следов своего продвижения. Именно поэтому общая убыль населения в стране так долго оставалась невосполненной.

И еще один любопытный момент. Насколько нам известно, ни в одном из разрушенных или просто заброшенных микенских поселений до сих пор не удалось найти никаких следов резни, обычно сопутствующей вражескому нападению (ср. картину в Трое VIIa). Это может означать, что пришельцы вообще не стремились к захвату микенских цитаделей, сознавая, что такое предприятие им просто не по силам. Следовательно, зафиксированные в них следы пожаров и разрушений, особенно на завершающих стадиях их существования, могут свидетельствовать не о насильственном их захвате, а лишь о том, что кто-то хозяйничал в них уже после того, как они были покинуты своими обитателями. Все это подтверждает уже высказанную прежде (в работах Хэммонда и Кирстена) догадку о том, что кочевые племена просто обходили цитадели, довольствуясь разграблением неукрепленных городков и деревень, население которых обычно успевало укрыться под защиту стен цитаделей, либо спасаясь на кораблях.

Суммируя все высказанные выше соображения, мы неизбежно должны признать, что среди выдвинутых в последнее время гипотез такого рода особый интерес представляет, пожалуй, концепция немецкого историка Э. Кирстена, обстоятельно аргументированная в его статье «Горные пастухи и оседлость — значение темных веков для греческой государственности: Дорида и Спарта» (Kirsten, 1983). Полемизируя с авторами, придерживающимися уже известной теории Шахемайра,

Кирстен склоняется к мысли, что «сотрясение высокой микенской культуры... означает не заселение (Греции) “ народами моря”, а только начало движения, которое сделало возможным перемещение горных пастухов в речные долины...» (Ibid., S. 400). Кирстен находит возможным разграничить несколько обособленных этапов или волн этого движения, связывая один из них с появлением в Греции так называемой «варварской посуды», другой — с продвижением на запад на острова Ионического архипелага и в Южную Италию керамики ПЭ ШС стиля. Главным исходным пунктом этих и всех последующих миграций была, в понимании Кирстена (здесь он явно отдает дань античной традиции), Дорида (Ibid., S. 366 f.; 398 f.; 401). В то же время немецкий исследователь готов принять, хотя и с существенными отговорками, концепцию Чедвика, согласно которой предки исторических дорийцев в течение долгого времени жили бок о бок с микенскими греками, разделяя с ними до известной степени их язык и их культуру. В отличие от Чедвика, Кирстен видит в этих «протодорийцах» не поработенное и поэтому всегда готовое к мятежу, наподобие позднейших спартанских илотов, население микенских государств, а пастушеские племена, занимавшие гористые районы в непосредственном соседстве с большими и малыми очагами оседлости. Свидетельством такого сосуществования оседлого и кочевого населения в пределах микенской ойкумены могут служить, по мнению того же автора, находки грубой лепной керамики (*ил. 19*) в сочетании с более совершенными в техническом и эстетическом отношении изделиями микенских гончаров (Ibid., S. 437, Anm. 64). Этот симбиоз скотоводов-дорийцев с остатками ахейских землевладельцев мог продолжаться, как думает Кирстен, в течение весьма длительного времени, по крайней мере вплоть до начала спартанской экспансии в VIII в. до н. э. (ср.: Ibid., S. 356, 361; Полякова, 1983, с. 100, 102).

Итак, мы вправе допустить, что первые дорийцы появились в Средней Греции и на Пелопоннесе еще в конце XIII в. до н. э., что они активно участвовали в опустошении территории микенских государств, причем какая-то их часть, по-видимому, задержалась в пределах разоренных ими областей, продолжая вести свой обычный кочевой или полукочевой образ жизни, хотя основная масса участвовавших в нашествии номадов, скорее всего, опять вернулась на свои исходные позиции в горах Дориды, Этолии и Эпира. В дальнейшем в течение XII, XI, X вв. до н. э. эти набеги повторялись еще не раз, возможно, совпадая с сезонными перекочевками горцев вместе с их стадами на летние пастбища. Истм, через который первым «эшелонам» дорийцев, видимо, пришлось пробиваться с боем, по мере прогрессирующего упадка и внутреннего истощения микенских государств терял свое стратегическое значение, все более

Ил. 19. Вергина. Местная лепная керамика

превращаясь в привычную дорогу, по которой кочевые племена могли свободно перемещаться в любом направлении, не встречая на своем пути никаких преград. Таким образом, Пелопоннес перестал быть «запретной зоной» для дорийцев и других северо-западных греков. Освоив его горные кряжи и плоскогорья, они постепенно начали просачиваться и на равнины и переходить, вероятно, не без влияния уцелевших остатков местного ахейского населения к все более прочной оседлости (см. карту 2 на с. 41).

Вопрос об участии дорийцев в разрушении микенских цитаделей и опустошении их сельской округи является лишь частью гораздо более широкой и сложной проблемы упадка и вырождения или, может быть, лучше было бы сказать, перерождения дворцовой цивилизации эпохи бронзы. В грубо упрощенном виде решение этой проблемы может быть сведено к следующей альтернативе: либо это перерождение было результатом коренных демографических сдвигов, выразившихся в смене населения на большей части территории Греции, в вытеснении основной массы носителей микенской культуры пришлыми, хотя и грекоязычными, племенами, очень слабо затронутыми влиянием этой культуры, либо феномен упадка был итогом спонтанного процесса внутреннего разложения и отмирания основных социально-экономических структур микенского общества и всей связанной с ними системы культурных ценностей, что привело в конечном счете к регенерации архаического варварского субстрата самой микенской цивилизации. Возможен, конечно, и третий компромиссный вариант ответа на стоящий перед нами вопрос, если предположить, что вторжение полудиких пастушеских племен в пределы ахейской Греции стало своеобразным катализатором, ускорившим начавшийся еще ранее процесс варваризации микенского общества и его культуры, а эта варваризация, в свою очередь, облегчила ассимиляцию пришельцев в местной этнической и культурной среде. Эта модель смены культур хорошо знакома нам по истории эпохи Великого переселения народов и в целом представляется наиболее правдоподобной. Судя по целому ряду признаков, XII столетие было временем распада микенских дворцовых государств с их централизованной экономикой и широко разветвленным бюрократическим аппаратом⁴³. В первую очередь об этом свидетельствует судьба их главных жизненных центров — дворцов и цитаделей. Некоторые из них, например «дворец Нестора» в Пилосе, дворец в Фивах и цитадель Гла в Беотии, были уничтожены еще в конце XIII в. до н. э. — во время первых вторжений кочевых племен. Агония других, например цитаделей Микен, Тиринфа, Афин, продолжалась после этой катастрофы или целой серии катастроф еще около ста лет. Последние следы обитания в этих и некоторых других цитаделях относятся к концу XII в.⁴⁴ (Alin, 1962, S. 24, 35; Desborough, 1964, p. 75, 79, 230 f.; Snodgrass, 1971, p. 363 f.; Dickinson, 1974, p. 229;

⁴³ По-иному оценивает этот же период Фр. Шахермайр, называя его «die allerletzte Blüte des minoisch-mykenischen Kulturablaufes» (Schachermeyr, 1980, S. 448 f.).

⁴⁴ Исключение из общего правила составляет, возможно, один лишь Иолк, который, если только можно верить сообщению руководителя раскопок (см.: Hammond, 1976, p. 135), был окончательно разрушен не ранее первой четверти XI в. (ср.: Desborough, 1964, p. 128).

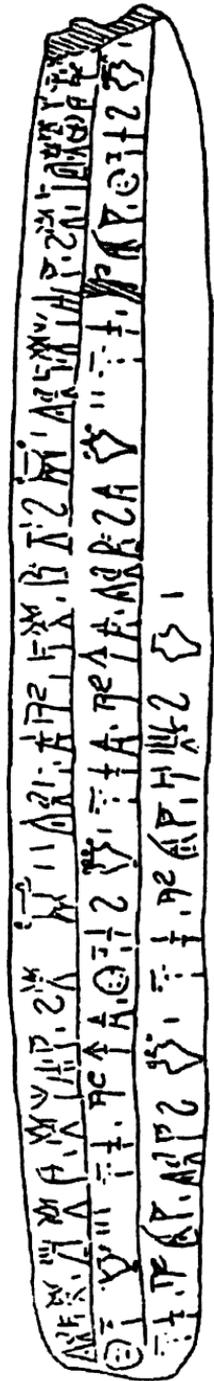
Hammond, 1976, p. 135; Schachermeyr, 1980, S. 206 ff.). В следующем, XI столетии они были окончательно заброшены. Запустение цитаделей, так же как и множества малых микенских поселений, составлявших некое подобие их сельской округи, или хоры, было симптомом радикальных перемен, наступивших в жизни греческого общества. Вместе с дворцами бесследно исчезли и их архивы, и вся система микенской письменности⁴⁵. Как принято считать, линейное слоговое письмо, известное нам главным образом по документам дворцовых архивов, было вызвано к жизни потребностями дворцовых хозяйств в налаженной системе учета и контроля (ил. 20). С распадом дворцовых государств и их хозяйств отпала и надобность в письме.

Постепенно деградировали в XII в. микенское искусство и художественное ремесло (Desborough, 1964, p. 343 ff.; 1975, p. 670; Bouzek, 1969, S. 22 ff.; Snodgrass, 1971, p. 360 ff.). Некоторые их виды, например монументальная архитектура и тесно связанная с ней фресковая живопись, вообще исчезли⁴⁶. Другие же (глиптика, вазовая живопись, мелкая пластика, ювелирное искусство), хотя и продолжали развиваться еще некоторое время и даже переживали кратковременные периоды нового подъема (например, вазовая живопись — см.: Schachermeyr, 1980, S. 64 ff.), в целом все же все более и более утрачивали свои высокие художественные и технические качества. Чем ближе к концу XII в., тем все более редкими становятся находки по-настоящему ценных, выдержанных в духе

Ил. 20. Табличка линейного Б письма (Та 641), обнаруженная в июне 1952 г. при раскопках Пилоса и впервые прочитанная К. Блегеном весной 1953 г.

⁴⁵ Самые поздние таблички с текстами линейного Б письма, найденные во время недавних раскопок в так называемом «Нижнем замке» тиринфской цитадели, датируются ПЭ III периодом (Kilian, 1983, S. 303).

⁴⁶ Последние остатки фресок, открытые во время раскопок микенской цитадели, датируются серединой того же ПЭ III периода (Schachermeyr, 1980, S. 102).

лучших микенских художественных традиций вещей. С началом же следующего, XI столетия они исчезают совершенно. Объяснить этот упадок можно лишь массовым бегством или гибелью квалифицированных мастеров-ремесленников, работавших главным образом на правящую элиту дворцовых государств и наиболее зажиточные слои рядового населения. Заметно сокращается в этот период и приток в Грецию чужеземных, в особенности восточных, изделий. Крайне редкими становятся находки скарабеев, картушей, цилиндрических печатей, фигурок из фаянса, изделий из цветного стекла, золота, слоновой кости, хотя в микенских погребениях XIV–XIII вв. до н. э. все эти предметы встречаются достаточно часто. Все это свидетельствует о разрыве торговых связей со странами Передней Азии, о начале длительной изоляции эгейского мира от всего остального Средиземноморья (Snodgrass, 1971, p. 325 ff.).

Тем не менее вплоть до конца XII в. до н. э. микенские традиции продолжали сохранять в материальной культуре как материковой, так и островной Греции свое доминирующее значение. Можно, по-видимому, утверждать без особых колебаний, что в течение всего этого столетия здесь существовал хотя и сильно деградировавший, заметно упрощенный и огрубленный, но все же еще не утративший своих специфических черт и особенностей вариант все той же микенской культуры. Как было уже замечено, привнесенные извне элементы чуждых варварских культур, например так называемые «северные бронзы», встречаются в этот период лишь спорадически и даже во всей своей совокупности не могут служить достаточно весомым свидетельством коренного обновления этнического состава населения Греции и его культуры. Единственное, что дает основание говорить о таком обновлении, хотя бы в каких-то весьма ограниченных пределах, — это обнаруженные в ряде мест на территории Пелопоннеса, в Средней Греции и на островах Ионического архипелага скопления так называемой «варварской посуды», т. е. грубой лепной керамики, не характерной для микенских поселений предшествующего времени. Однако, как было уже сказано, керамику эту чаще всего находят в близком соседстве с гончарными изделиями обычного микенского типа, нередко практически в одних и тех же археологических слоях. Отсюда следует, что самое большее, о чем могут свидетельствовать находки «варварской посуды», — это оседание в пределах Микенской Греции разрозненных сегментов варварских кочевых племен, в силу каких-то неизвестных нам причин отколовшихся от их основной массы⁴⁷. Судя по всему,

⁴⁷ Мысль о возможной связи этой разновидности лепной керамики с приходом дорийцев высказывает Боузек (Bouzek, 1985, p. 187).

эти небольшие этнические группы довольно быстро растворялись в среде местного микенского населения, не успев оказать на его культуру сколько-нибудь заметного влияния. Во всяком случае, сама «варварская посуда» исчезает там, где ее находят, уже спустя короткое время после своего появления, в начале XII в. до н. э. (Deger-Jalkotzy, 1977, S. 88; Schachermeug, 1980, S. 52. Ср.: Bouzek, 1985, p. 183 ff.).

3. НАЧАЛЬНАЯ ФАЗА ТЕМНЫХ ВЕКОВ

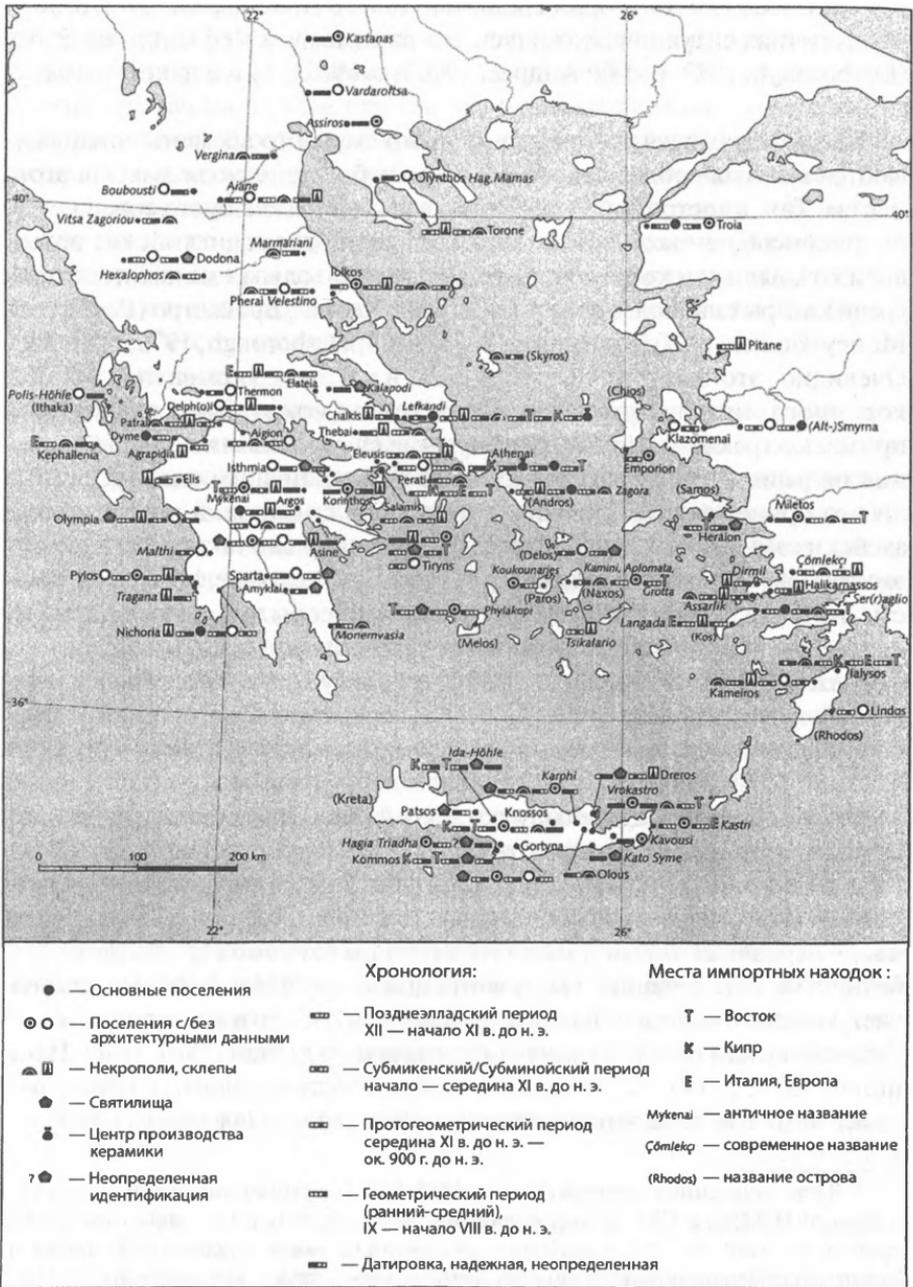
Временем окончательного изживания последних остатков микенской культуры может считаться хронологический промежуток общей продолжительностью несколько более двух столетий — с последней четверти XII и до конца X в. до н. э., охватывающий в соответствии с общепринятой сейчас археологической периодизацией субмикенский (СМ) и протогеометрический (ПГ) периоды, или начальную фазу так называемых темных веков (*карта 8*). Важнейшей отличительной чертой материальной культуры Греции на протяжении всего этого отрезка времени остается ее поистине удручающая бедность и аскетизм, за которыми, вне всякого сомнения, скрывается резкое снижение жизненного уровня и бытовых стандартов населения страны и тесно связанный с ним упадок производительных сил во всех основных сферах производства. В наши намерения не входит детальное рассмотрение всех фактов, так или иначе иллюстрирующих это основное положение. Здесь мы можем ограничиться лишь самым кратким их перечнем. Достаточно упомянуть такие характерные приметы времени, как чрезвычайно низкое качество подавляющего большинства ремесленных изделий, в первую очередь керамики, хронический дефицит металла, очевидно, вызванный едва ли не абсолютной изоляцией Греции от всех внешних источников сырья, необходимого для нормального развития металлургии, отсутствие каких-либо иных произведений искусства, кроме самого примитивного орнамента на вазах и чрезвычайно редких образчиков также вполне примитивной глиняной скульптуры, почти абсолютная стандартизация жилищ, в целом крайне немногочисленных, и погребений, необычайная бедность погребального инвентаря и т. п. Правда, обрисованная здесь ситуация не оставалась совершенно неизменной в течение всего этого двухвекового периода. Определенные сдвиги прогрессивного характера становятся все более ощутимыми по мере приближения к его концу. Так, в X столетии, или в рамках ПГ периода, была в значительной мере преодолена нехватка ремесленного сырья, от которой так долго страдала греческая металлургия. Заметно

увеличилась общая численность изделий из бронзы, и почти одновременно начали распространяться первые изделия из железа. Повысилось качество и расширился ассортимент продукции гончарного производства. К концу X в. до н. э. появились первые признаки имущественной и социальной дифференциации в греческих некрополях (стало возможным разграничение хотя бы относительно богатых и бедных погребений). Тем не менее нам представляется вполне оправданным объединение СМ и ПГ периодов в одну историческую эпоху послемикенского регресса, или застоя. Именно такое впечатление этот хронологический промежуток производит, если сравнивать его в равной мере с предшествующей эпохой расцвета микенской цивилизации и с последующей эпохой становления цивилизации нового античного типа.

Открывающаяся перед археологами картина страшного оскудения Греции логически дополняется симптомами продолжающегося и, видимо, все более усиливающегося запустения ее наиболее населенных (в микенскую эпоху) районов и областей. Начавшийся еще в первой половине XII в. до н. э. отток населения продолжался также и в СМ, и, видимо, еще в ПГ период. Общая численность населенных пунктов, в которых сохранились хоть какие-то следы обитания, сокращается в это время до минимума. На территории Арголиты, например, для всего СМ периода зафиксировано всего семь таких пунктов, в Мессении — шесть, в Аттике — четыре, в Беотии — два и в Лаконии — только один (Bouzek, 1969, S. 51)⁴⁸. Таким образом, уже к началу XI в. подавляющее большинство как больших, так и малых микенских поселений было покинуто своими обитателями. Некоторые из них были превращены в некрополи. Другие оставались просто пустошами или служили пастбищами для коз и овец. Следы вторичного заселения микенских цитаделей и малых поселений (обычно в виде отдельных построек) встречаются лишь эпизодически и, как правило, после длительного перерыва (Snodgrass, 1971, p. 363 f.; Desborough, 1972, p. 263. Ср.: McDonald, Hope Simpson, 1969, p. 158).

Почти все вновь основанные поселения СМ и ПГ периодов (а их число очень невелико) располагаются на некотором удалении от микенских руин, которых новопоселенцы (возможно, это были представители каких-то новых этнических групп), по-видимому, суеверно сторонились, опасаясь гнездившихся в них злых духов. Так, в Афинах вскоре после того, как был покинут своими обитателями дворец на акрополе, где-то около 1100 г. появляется новое поселение, но уже вдали от цитадели,

⁴⁸ По данным Хэммонда (Hammond, 1976, p. 151), на Пелопоннесе общая численность поселений сократилась с 56 в ПЭ ПИС период до 23 в XI в. до н. э. и оставалась на этом уровне вплоть до начала VIII в. до н. э.

Карта 8. Греция и Эгеида в период темных веков (XII—IX вв. до н. э.)

в районе позднейшей агоры (Thompson, 1937, p. 1; Snodgrass, 1971, p. 363). Аналогичная ситуация сложилась, по-видимому, в Лефканди на Эвбее (Desborough, 1972, p. 189; Андреев, 2002, с. 696 слл.) и в некоторых других местах.

В некоторых случаях поселения этого смутного времени обнаруживаются в самых неожиданных и, казалось бы, неподходящих для этого местах. Так, в восточной части Крита в суровых и как будто совершенно непригодных для человеческой жизни горах английские археологи открыли несколько прилепившихся к голым скалам поселков, среди которых наиболее известны Карфи, Кавуси, Врокастро (Pendleberg, Money-Coutts, 1937/38; Renard, 1967, p. 585; Desborough, 1972, p. 120 ff.). Очевидно, это были горные убежища, в которых укрывались остатки коренного минойского населения острова (может быть, с некоторой примесью греков-ахейцев), покинувшие свои привычные места обитания на равнине, спасаясь от какой-то угрожавшей им опасности (был ли это приход дорийцев или же прибытие с материка новой партии ахейских эмигрантов, сказать трудно). Показательно также, что массовая эмиграция наблюдается теперь и в тех районах, которые, по всей видимости, не были затронуты катастрофическими событиями предшествующего периода и в течение некоторого времени могли служить приютом для беженцев из зоны разрушений. Как было уже сказано, такими районами могут считаться, в частности, Восточная Аттика, Ахайя, острова центральной Эгеиды и Ионического архипелага (Desborough, 1964, p. 232 ff.; 1972, p. 333 f.).

Все эти факты свидетельствуют о крайней непрочности жизненного уклада греческого общества этой эпохи. Пожалуй, никакой другой период в истории Греции не напоминает так близко знаменитое фукидидовское описание первобытной жизни эллинских племен с их непрерывными передвижениями с места на место (*μεταναστώσεις*), хронической бедностью и неуверенностью в завтрашнем дне (Thuc. I, 2). Это не означает, конечно, что основная масса населения Греции в это время перешла к кочевому или полукочевому образу жизни (ср.: Starr, 1961, p. 80; Hammond, 1976, p. 151)⁴⁹. Однако его мобильность в целом, несомненно, резко возросла. Очагами более или менее прочной оседлости в этот пе-

⁴⁹ В предствлении Кирстена (Kirsten, 1983, S. 361), остатки микенского населения в течение ПЭ IIIС и СМ периодов продолжали вести, хотя и на сильно сниженном уровне, по преимуществу городской образ жизни (... in einer, vielleicht allerdings zivilisatorisch reduzierten Stadt-Kultur verharften), соседствуя с кочевыми племенами, заполнившими промежутки между уцелевшими городами. Эта оценка, быть может, приложима к ситуации, характерной для последнего столетия микенской эпохи, но едва ли соответствует реальной жизни греческого общества в течение так назы-

риод, по-видимому, могут считаться лишь немногие населенные пункты на территории Средней Греции и Северного Пелопоннеса. В их число входят Афины, остров Саламин, Лэфканди на Эвбее, Аргос и некоторые другие поселения. О том, что все эти места оставались заселенными в течение достаточно долгого времени (вероятно, на протяжении всего периода темных веков), свидетельствует прежде всего наличие крупных некрополей, вблизи от которых должны были находиться и соответствующие им по размеру поселения или же, что более вероятно, гнезда поселений⁵⁰. За пределами этих в целом немногочисленных оазисов оседлого быта происходили постоянные перемещения населения, иногда приводившие к длительному запустению одних местностей и временной перенаселенности других.

Принято считать, что значительная часть сдвинутого со своих мест микенского населения после сравнительно непродолжительных скитаний в пределах балканской Греции вынуждена была доверить свою судьбу морской стихии и из разных пунктов, расположенных частью на побережье Пелопоннеса, частью в Средней Греции и Фессалии, двинулась через Эгейское море на восток по направлению к берегам Малой Азии.

Наиболее предприимчивые группы колонистов, выходя за пределы замкнутого Эгейского бассейна, достигали Кипра, освоение которого выходцами из Греции началось еще в микенскую эпоху. Массовый исход греческих переселенцев в Малую Азию, или так называемая «ионийская колонизация», надежно засвидетельствован античной исторической традицией, хотя она и дошла до нас с основным в виде разрозненных, нередко противоречивых местных преданий об основании отдельных колоний (Hanfmann, 1953, p. 11; Cassola, 1957, p. 20 sq.; Sakellariou, 1958, p. 493 sq.; Huxley, 1966, p. 25 ff.; Snodgrass, 1971, p. 375 ff.; Cook, 1975, p. 796). Данные традиции в целом подтверждаются археологически достаточно надежно установленным фактом продвижения греческой протогеометрической, а отчасти еще и субмикенской керамики через Эгеиду в направлении с запада на восток (Huxley, 1966, p. 23 ff.; Desborough, 1972, p. 184).

В какой мере этот отток населения с территории балканской Греции восполнялся за счет прибытия новых этнических групп, чуждых угасшей

ваемых темных веков, когда поселения городского типа, по всей видимости, надолго прекратили свое существование.

⁵⁰ Данные раскопок позволяют утверждать, что такие скопления небольших деревушек и хуторов в течение ряда столетий продолжали существовать на месте таких крупнейших греческих полисов, как Аргос, Коринф, Афины (Hägg, 1982, S. 300 ff.; Roebuck, 1972, p. 125; Starr, 1977, p. 101 ff.).

микенской цивилизации? Археология не дает пока прямого ответа на этот вопрос. Правда, в одном отношении ситуация, сложившаяся уже в начале темных веков, в хронологических рамках СМ периода и развивавшаяся далее в течение ПГ и сменяющего его геометрического (Г) периодов, отличается бóльшей определенностью от того, что ей предшествовало в ПЭ ПИС период. Как было уже замечено, в XII столетии материальная культура Греции еще сохраняла, несмотря на все пережитые страной потрясения и катастрофы, свою исконно микенскую специфику. С наступлением СМ периода положение начинает быстро меняться в противоположную сторону. Буквально во всех тех сферах культуры и быта, для которых мы располагаем хоть каким-то археологическим материалом, наблюдается резкий разрыв с традициями микенской эпохи (Desborough, 1972, p. 107 ff.). Выше мы уже говорили о запустении подавляющего большинства микенских поселений. Признаки непрерывной заселенности одних и тех же мест на протяжении XIII, XII, XI и X вв. до н. э. встречаются лишь в виде редких исключений. Явное отступление от микенских обычаев намечается в сфере погребальной практики. Наиболее распространенный в микенское время способ группового захоронения в высеченных в скале или сложенных из камней камерных гробницах вытесняется теперь индивидуальными захоронениями в ящичных могилах (цистах) или в простых ямах (Desborough, 1964, p. 37 f., 231 f.; 1972, p. 107 f.; Styrenius, 1967, p. 22 ff.; Bouzek, 1969, S. 97; Hägg, 1974, S. 108 ff. Ср.: Hammond, 1976, p. 146 ff.). Такие могилы широко представлены в двух самых крупных некрополях СМ периода: некрополе афинского Керамика и некрополе острова Саламин (каждое кладбище насчитывает свыше сотни могил, датируемых этим периодом, — см.: Kraiker, Kübler, 1939, S. 9 ff.; Styrenius, 1962, p. 103 ff.; 1967, S. 21 ff.).

Заметно меняется в это же время не только форма погребения, но и состав погребального инвентаря. Во-первых, он сильно удешевляется и сокращается в числе. На сто с лишним могил некрополя афинского Керамика приходится лишь пять золотых заколок для волос и одно бронзовое кольцо с жемчужиной. В подавляющем большинстве могил найдена только глиняная посуда самого простого и грубого сорта и кое-что из вещей личного обихода, как правило также самых заурядных (булавки, фибулы, бронзовые или железные кольца). Различия между богатыми и бедными могилами здесь, таким образом, совершенно стираются (Kraiker, Kübler, 1939, S. 81 ff.). Во-вторых, из погребений исчезают вотивные женские статуэтки (*ил. 21*), составляющие почти непреходящий компонент погребального инвентаря микенской эпохи, а это может указывать на серьезные изменения в сфере заупокойного культа

Ил. 21. Женские вотивные фигурки из Микен, Перати, Просимны и Тиринфа

(Andronikos, 1968, S. 98 ff.; Snodgrass, 1971, p. 190 ff.; Desborough, 1972, p. 109). Как уже говорилось, в ряде случаев могильники СМ и ПГ периодов размещаются прямо на территории заброшенных микенских поселений, среди развалин домов, что может восприниматься как свидетельство изменений в составе населения (Snodgrass, 1971, p. 316; Desborough, 1972, p. 69). Ближе к концу СМ периода во многих местах, например в Аттике, Беотии, на Крите, появляется еще один новый обычай — кремация и обычно сопутствующие ей захоронения в урнах (Styrenius, 1967, p. 36 ff., 67 f.; Bouzek, 1969, S. 97, 106; Snodgrass, 1971, p. 144). В этом опять-таки следует видеть отступление от традиционных микенских

обычаев (господствующим способом погребения в микенскую эпоху было труположение; трупосожжение встречается лишь эпизодически).

Аналогичный разрыв с микенскими традициями наблюдается и в сфере культа. Даже в наиболее крупных греческих святилищах, существовавших как в микенскую эпоху, так и в более поздние времена (начиная примерно с IX–VIII вв. до н. э.), весь хронологический промежуток, охватывающий XI–X вв., оставил после себя «мертвую зону», практически лишенную каких-либо следов культовой деятельности: остатков построек, вотивных статуэток, даже керамики. Такая ситуация, свидетельствующая о полном замирании религиозной жизни, зафиксирована, например, в Дельфах, на Делосе, в лаконских Амиклах с их древним культом Гиакинфа, в святилище Геры на Самосе и в некоторых других местах (Snodgrass, 1971, p. 276, 395 f.; Desborough, 1972, p. 278 ff.). Исключение из общего правила составляет один только Крит, где почитание богов в традиционных формах минойского ритуала, как кажется, не прерывалось на протяжении этих двух столетий (Desborough, 1972, p. 284 ff.).

Выживание микенских традиций в греческом ремесле темных веков прослеживается, пожалуй, только на чисто техническом уровне, да и то в весьма ограниченных пределах. Сохранились лишь простейшие технические навыки в тех отраслях ремесленного производства, о состоянии которых позволяет судить имеющийся археологический материал (имеются в виду в первую очередь, конечно, гончарное ремесло и металлургия). Впрочем, даже и в этих отраслях заметно снизилось качество изделий и сузился их ассортимент (Müller-Karpe, 1962, S. 59 ff.; Snodgrass, 1971, p. 34 ff.; Desborough, 1972, p. 41). Что касается художественного оформления ремесленных изделий, прежде всего керамики как самой массовой их разновидности, то оно достаточно наглядно демонстрирует разрыв с традициями искусства микенской эпохи (ил. 22). Однако если росписи субмикенского стиля еще можно расценивать как результат крайней деградации и оскудения основного репертуара декоративных мотивов микенской вазовой живописи ПЭ ПIV и С периодов (по словам В. Десборо [Desborough, 1972, p. 41]), «это было настоящее банкротство... поистине стиль темного века» — ил. 23)⁵¹, то в пришедших им на смену в конце XI в. до н. э. росписях протогеометрических сосудов уже угадываются некоторые важные особенности греческого художественного мышления античной эпохи. В них уже достаточно ясно выражены чувство пропорции и ритма, принципы тектонической устойчивости пред-

⁵¹ Ср. неоправданно высокую оценку субмикенской вазовой живописи как «нового слова» в греческом искусстве в книге Шахермайра (Schachermeyr, 1980, S. 420).

мета, гармонической целостности и уравновешенности его частей (Starr, 1961, p. 89 ff.; Zervos, 1969, p. 82 sqq.). В дальнейшем — в IX–VIII вв. до н. э. все эти принципы построения декоративного убранства вазы, так же как и ее пластической формы, в целом чуждые микенской вазописи, с особой полнотой и даже изощренностью будут воплощены в искусстве геометрического стиля.

Несколько выше мы уже говорили о трех возможностях решения проблемы культурного дисконтинуитета в послемикенской Греции. Еще сравнительно недавно (каких-нибудь 25 или 30 лет тому назад) единственно возможным ответом на поставленный вопрос большинство ученых считало все ту же концепцию дорийского завоевания. Все те археологические новшества, которые составляют историческую специфику культуры темных веков, отличая ее от предшествующей микенской культуры, без особых колебаний приписывались дорийцам и другим северным пришельцам, заселившим захваченную ими территорию бывших микенских государств. Считалось также, что их появление на Пелопоннесе и в смежных с ним районах Средней и Северной Греции дает вполне удовлетворительный ответ и на вопрос о причинах отмирания культурных традиций микенской эпохи. Долгое время принято было думать, что именно дорийцы принесли в Грецию секрет выплавки и обработки железа, обычай трупосожжения, протогеометрический и вслед за ним геометрический стиль вазовой живописи, основные принципы ордерной храмовой архитектуры и многое другое⁵².

Однако в последние десятилетия учение об особой культуртрегерской миссии дорийцев, будто бы принесших с собой уже в готовом виде единственно возможную альтернативу окончательно выродившейся микенской культуры, подверглось решительному пересмотру. Было обращено внимание на то немаловажное обстоятельство, что распространение основных компонентов чисто умозрительно сконструированной «дорийской археологической культуры» на карте Греции, как правило, не совпадает с зоной распространения дорийского и других северо-западногреческих диалектов. Так, протогеометрическая керамика раньше, чем где бы то ни было (вероятно, еще около середины XI в.), появляется в Аттике и на Эвбее (Лефканди — *ил. 24*), где никаких дорийцев и в то время, и позднее, по-видимому, не было. Из районов же,

⁵² Интересно, что эта концепция, выросшая на почве пресловутой «нордической» теории и пользовавшаяся особой популярностью в немецкой историографии 20–50-х гг., была усвоена также целым рядом ученых, весьма далеких от какого бы то ни было расизма (см., например, Wade-Gery, 1924, p. 522 ff.; Skeat, 1934, p. 26 ff.; Pendlebery, 1936/37, p. 197; Severyns, 1960, p. 185 sqq.; Колобова, 1956, с. 48. Ср.: Starr, 1961, p. 72; Vermeule, 1964, p. 279).

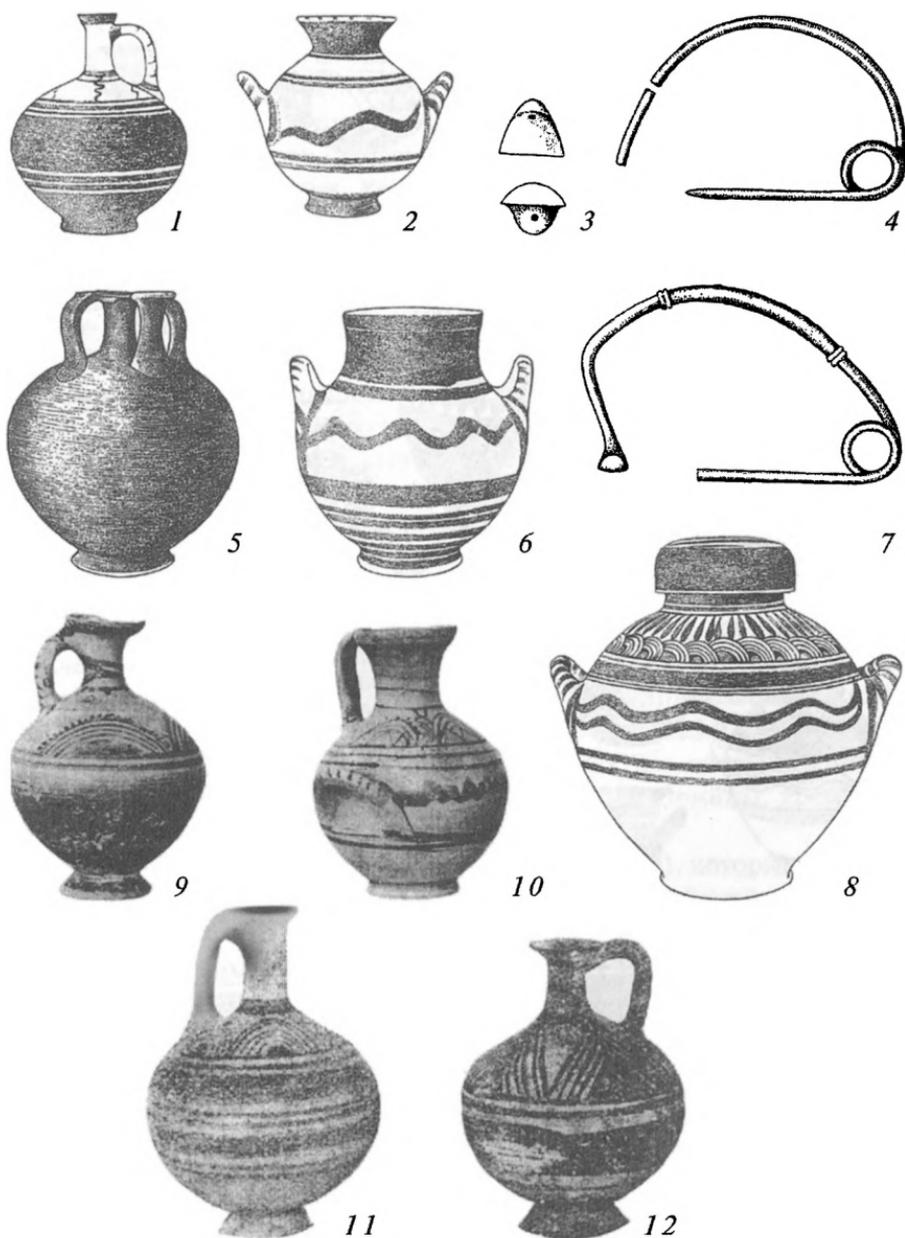
1

2

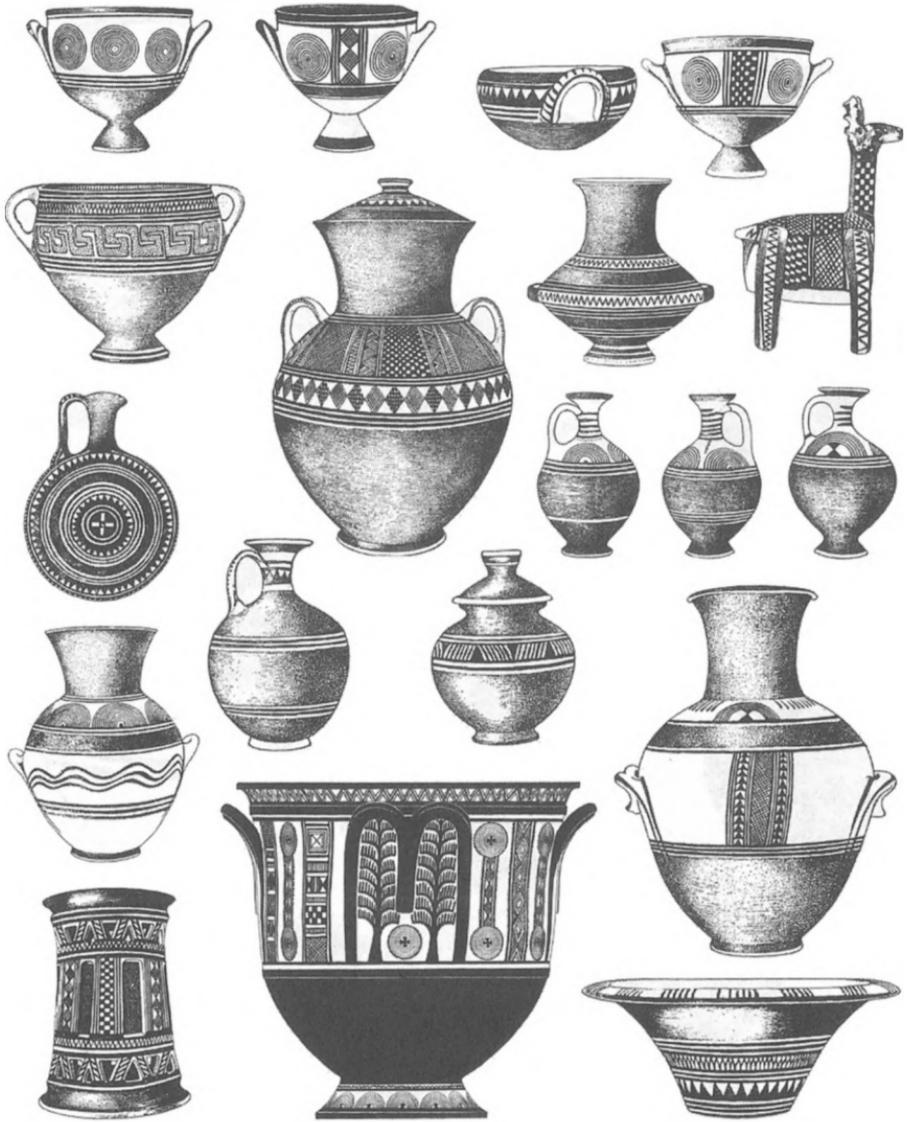
*Ил. 22. Микенская керамика ПЭ ШВ — С периодов:
1 — из Просимны; 2 — из Перати*

входящих в зону дорийского расселения, этот стиль вазовой живописи был освоен в достаточно раннее время (вторая половина XI в.) в одной лишь Арголиде (Desborough, 1972, p. 162 ff.). Зато в Лаконии, Мессении, Элиде, Ахайе, Фокиде, Локриде, внутренней части Фессалии, т. е. в целом ряде районов, в позднейшие времена занятых дорийцами и северо-

Ил. 23. Керамика и фибулы СМ периода:

1–8 — Керамик, Афины; 9–10 — Лесфанда, Эретрия; 11–12 — Саламин

Ил. 24. Протогеометрическая керамика из Афин (Керамик) и кратер из героона Лефканди

западными греками, первые образцы протогеометрической вазописи появились лишь с большим опозданием — во второй половине или даже в самом конце X в. до н. э., т. е. в то время, когда повсюду в остальной Греции ПГ период уже близился к своему завершению (Desborough, 1972,

р. 352). Соответственно и следующий за ним период господства геометрического стиля начался почти во всех этих районах значительно позже, чем в других частях греческого мира.

Аналогичное несоответствие наблюдается и в сфере погребальных обычаев. Так обстоит дело, в частности, с весьма запутанной проблемой происхождения кремации. Хотя сам обычай трупосожжения, скорее всего, проник в Грецию из таких отдаленных районов, как Подунавье или даже лежащие еще дальше к северу области Центральной Европы, где он был широко распространен со второй половины II тыс. до н. э. (Müller-Karpe, 1962, S. 72 f.; Bouzek, 1969, S. 126; 1985, p. 207. Ср.: Snodgrass, 1971, p. 326 f.), имеющийся археологический материал наводит на мысль, что наиболее благоприятную почву для своего распространения он нашел в среде коренного микенского населения страны. Едва ли случайно, что самое раннее по времени скопление погребальных урн со следами трупосожжения (около 18 могил) было открыто при раскопках микенского некрополя первой половины XII в. до н. э. вблизи Перати (восточное побережье Аттики — Desborough, 1972, p. 77; Iakovidis, 1987). Также и в более позднее время — в течение СМ и ПГ периодов — кремация встречается по преимуществу в тех районах, где микенский этнический субстрат сохранялся, по-видимому, особенно долго. Сюда относятся Аттика, Эвбея, Крит, Родос, а также район Милета и Колофона на малоазиатском побережье (Bouzek, 1969, S. 123 ff.; Desborough, 1972, p. 270 ff.). И напротив, как раз в тех районах, где, согласно данным античной традиции, раньше всего обосновались дорийцы, кремация встречается крайне редко или вообще не встречается.

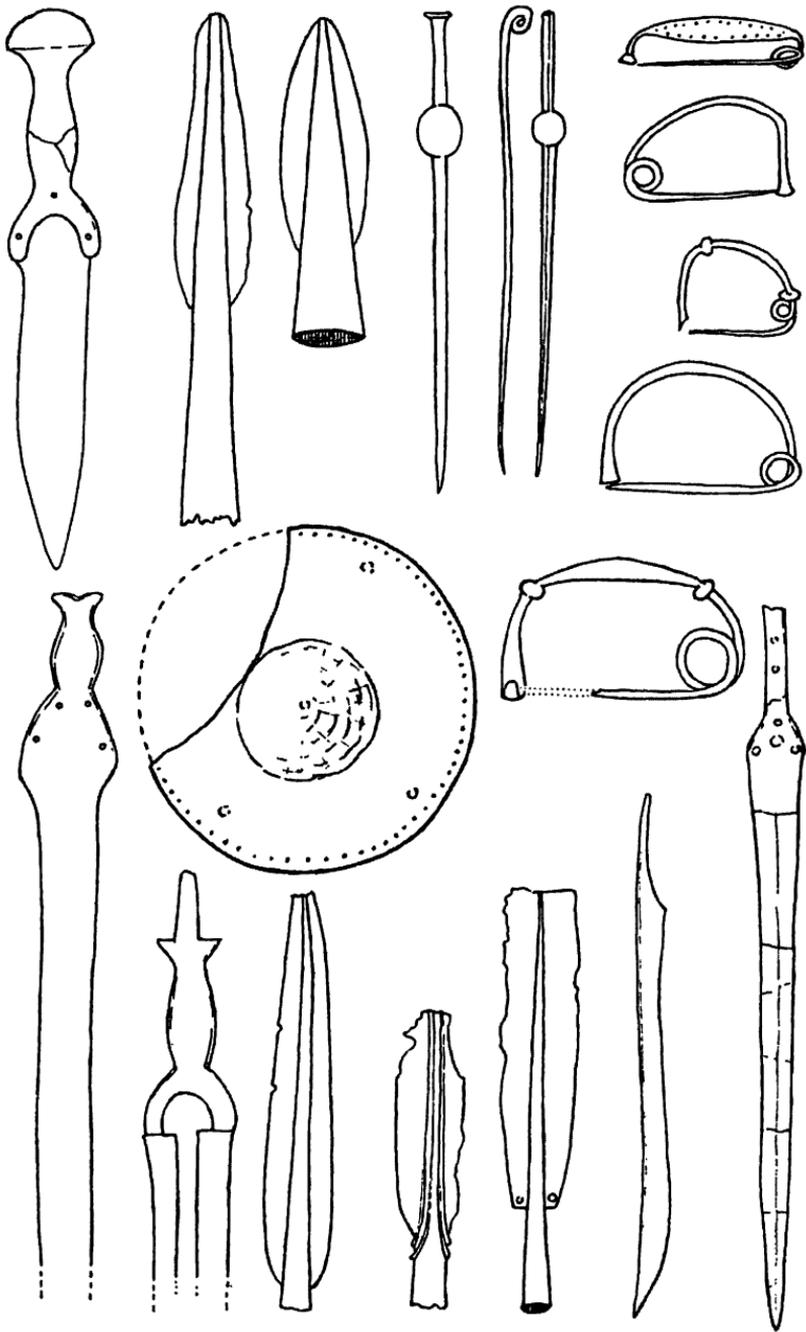
В отличие от кремации ящичные могилы (цисты), которые нередко также включаются в число основных элементов «дорийской культуры», были распространены в Греции и на островах Эгейского моря почти повсеместно. В археологических слоях СМ и ПГ периодов они встречаются на большой территории от Эпира до побережья Малой Азии. Однако раньше, чем где бы то ни было, и в особенно больших количествах они появляются в некрополях афинского Керамика и на Саламине (Snodgrass, 1971, p. 314 f.)⁵³.

⁵³ Хэммонд утверждает, что раньше, чем где бы то ни было, ящичные могилы появились на территории Эпира, пытаясь таким образом обосновать свою гипотезу о том, что именно Эпир был родиной дорийцев (Hammond, 1967; 1975, p. 710; 1976, p. 148 f.). К этому мнению в общем склоняется и Десборо, добавляя к Эпиру еще Фессалию (Desborough, 1964, p. 37 ff.; 231 f.; 1972, p. 97, 101 f., 270 ff., 337. См. также: Milošić, 1948/49, S. 14, 26, 29, 35 f.; Bouzek, 1969, S. 26, 28). Против этой гипотезы решительно выступают Снодграсс (Snodgrass, 1971, p. 177 ff.; 314 ff.) и Хукер (Hooker, 1980, p. 178 f. Ср.: Bouzek, 1985, p. 205; Schachermeyr, 1980, S. 432). Показательно, что,

Начиная по крайней мере с 60-х гг. в науке все более утверждается мнение, согласно которому все более или менее важные нововведения, ранее приписывавшиеся дорийцам, появились в Греции совершенно независимо от них в результате либо заимствования у кого-либо из восточных народов, как, например, железо (Snodgrass, 1971, p. 217 ff.; Desborough, 1972, p. 119, 315 f.; Waldbaum, 1978), либо спонтанного развития местных культурных традиций, как протогеометрический и геометрический стиль в вазовой живописи (Homann-Wedeking, 1958, S. 63; Desborough, 1952, p. 126, 298; 1964, p. 258 ff.; Schweitzer, 1969, S. 26. Ср.: Snodgrass, 1971, p. 327 ff.), либо, наконец, возрождения древнейших (еще домикенских) местных традиций, как ящичные могилы (Deschayes, 1966, p. 240 ff.; Styrenius, 1967, p. 162 f.; Snodgrass, 1971, p. 183 ff.; 314 f.; Sandars, 1978, p. 185; Hooker, 1980, p. 178 f.; Schachermeyr, 1980, S. 192 ff. Ср.: Desborough, 1964, p. 36 ff.; Hammond, 1976, p. 148 f.; Bouzek, 1985, p. 205).

В свое время В. Милойчич, определяя характер материальной культуры «второй волны северных пришельцев», которую он прямо отождествлял с дорийцами, включал в ее состав ряд предметов, имеющих центральноевропейские, итальянские и северобалканские аналогии, в том числе длинные булавки с навершиями в виде шариков или шляпок от гвоздей, фибулы в виде лука, перстни со щитками, некоторые типы мечей и наконечников копий, умбоны щитов (*ил.* 25), наконец, встречающуюся в ряде районов (Аттика, Арголида, района Коринфа) лепную керамику, украшенную процарапанным в глине орнаментом в виде штрихов и кружков (Milojčić, 1948/49, S. 16 ff., 26, 29, 35 f.). Эта концепция получила дальнейшее развитие в работах некоторых других авторов (см.: Kimmig, 1964, S. 246 ff.; Bouzek, 1969, S. 26, 28, 92 ff., 103; Hammond, 1975, p. 711; 1976, p. 148 f. и более осторожно Desborough, 1964, p. 231 f.; 252 f.; 1972, p. 111, 298 f.), но была решительно оспорена такими авторитетными археологами, как Мюллер-Карпе, Дешайе и в особенности Снодграсс (Müller-Karpe, 1962; Deschayes, 1966, p. 249; Snodgrass, 1971, p. 226 ff.; 317 ff., 329). Последний из этих трех авторов выдвинул ряд аргументов, стремясь доказать, что почти все артефакты, составляющие, согласно Милойчичу и его последователям, культурный комплекс, непосредственно связанный с приходом дорийцев на Пелопоннес и в смежные с ним районы, в действительности имеют местное микенское или же восточное происхождение. Лишь очень немногие изделия и декоративные мотивы в греческом ремесле послемикенского времени

получив столь широкое распространение в Аттике и других «ионийских землях», ящичные могилы почти не встречаются в Лаконии, Мессении и на Крите, т. е. в трех основных районах из пяти, составляющих зону дорийского расселения в Греции.

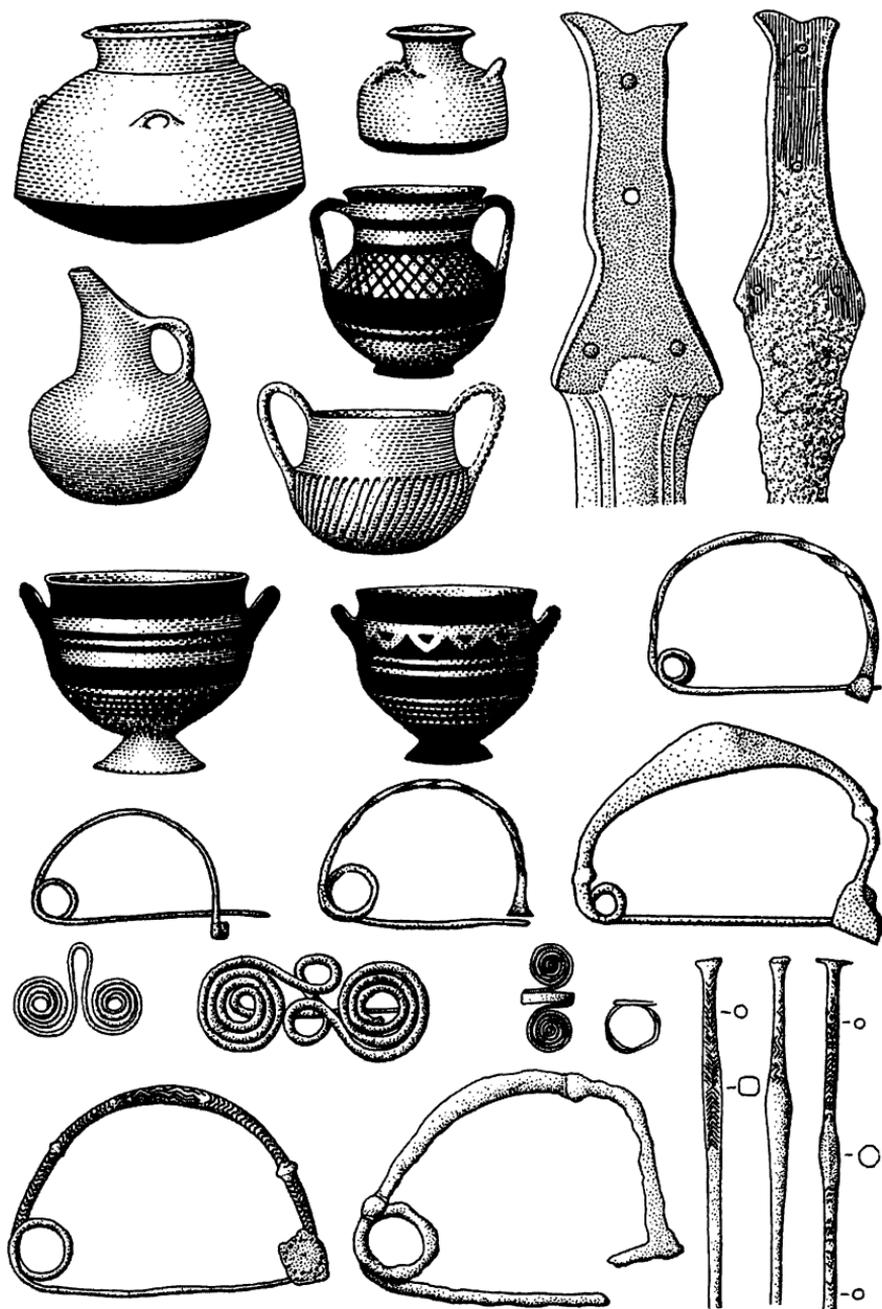

Ил. 25. Предметы вооружения и украшений СМ–ПГ периодов

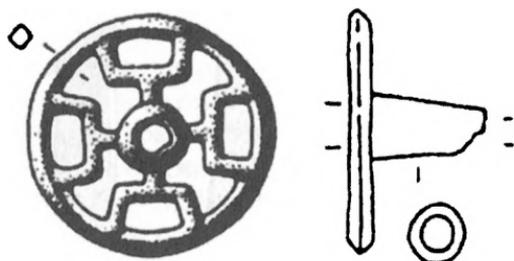
имеют, по мнению Снодграса (Ibid., p. 319), ясно выраженные центральноевропейские или итальянские аналогии (в их число входят, например, найденные в разных местах, но в целом очень редко встречающиеся кольца со спиральными дисками, вотивное колесо или навершие булавы из Аргоса, некоторые вещи из так называемого «тиринфского клада» — *ил. 26.1–3*). Находки такого рода, однако, отнюдь не обязательно должны расцениваться как свидетельство проникновения в Грецию каких-то новых этнических элементов, в том числе и дорийцев. Видимо, Снодграс допускал, что артефакты центральноевропейского или каких-то иных типов могли попасть в южные области Балканского полуострова, как и в более ранние времена (в XIII–XII вв. до н. э.), просто путем межплеменного обмена.

Скептически оценивая возможности выявления хотя бы основных контуров дорийской культуры в массе археологического материала СМ — ПГ периодов, Снодграс тем не менее никак не мог оставить без объяснения не подлежащий сомнению факт радикальной трансформации всей материальной культуры Греции уже в начальной фазе периода темных веков. Этот важный исторический феномен был интерпретирован им как результат возврата греческого общества к, казалось бы, давно забытым культурным традициям среднеэлладского периода, хронологически предшествующего периоду зарождения и расцвета микенской цивилизации (Snodgrass, 1971, p. 383 ff. Ср.: Vermeule, 1964, p. 72 ff.; Dickinson, 1977, p. 32 ff.). В некоторых особенно характерных своих чертах археологическая культура СМ и ПГ периодов действительно воспринимается почти как буквальное повторение культуры среднеэлладского времени. Совпадают, например, такие важные их элементы, как способ погребения (как в том, так и другом случае преобладают захоронения в ящичных могилах, или цистах), типы жилищ (для обоих периодов типичной может считаться овальная или апсидальная постройка из кирпича-сырца на каменном фундаменте с круглым очагом в центре), основные принципы вазовой живописи (условный геометрический рисунок наносится темным лаком по светлому фону). Удивительная близость обнаруживается в некоторых видах изделий из глины (многие образцы грубой лепной керамики, датируемые XX–XVII и XI–X вв. до н. э., практически почти невозможно между собой различить). Для полноты картины не хватает лишь одной характерной детали: орудия из камня (обсидиана), довольно часто встречающиеся в среднеэлладских поселениях и некрополях, снова после длительного перерыва появляются в погребениях СМ периода, хотя и не в таком большом количестве, как прежде.

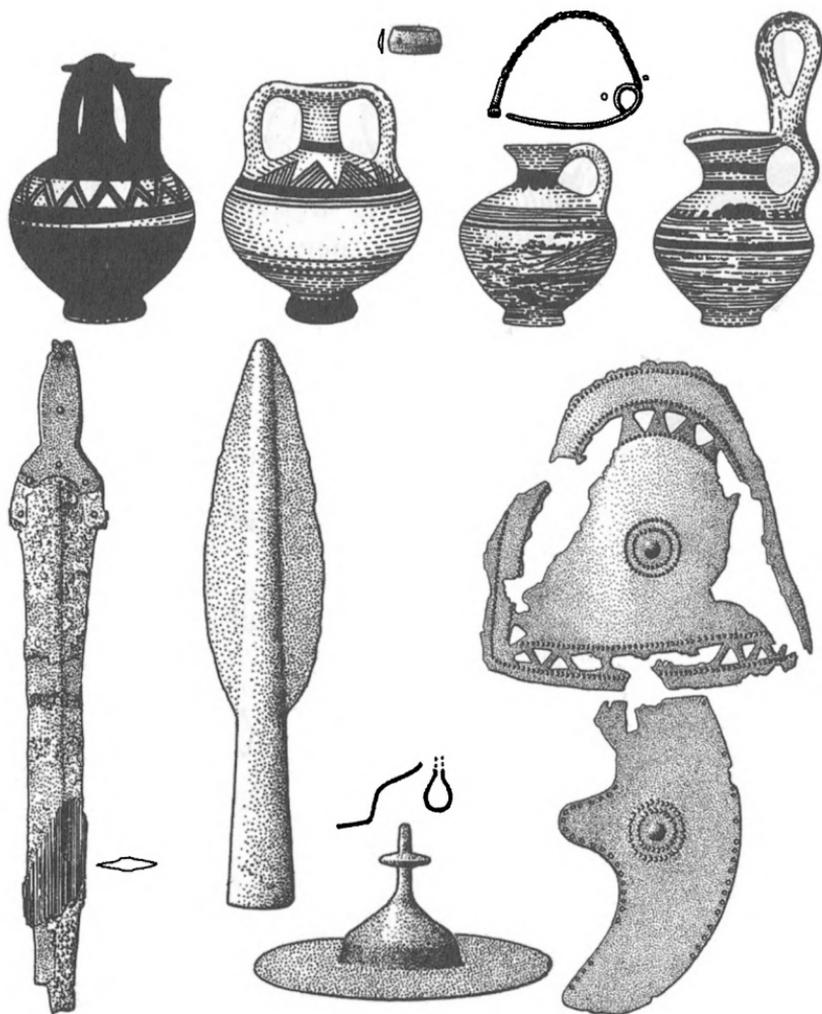
Все эти наблюдения Снодграса бесспорно заслуживают самого серьезного внимания. В принципе, возможность возвращения греческого

Ил. 26.1. Изделия из керамики, бронзы и железа СМ–ПГ периодов из Вергины

Ил. 26.2. Вотивное колесо из Аргоса

Ил. 26.3. Изделия из керамики, бронзы и железа СМ—ПГ периодов из Тиринфа

общества вспять, к той исходной черте, с которой когда-то в XVII–XVI вв. до н. э. начиналось становление микенской цивилизации, по-видимому, нельзя считать полностью исключенной. Можно предположить, что волна племенных миграций, прокатившаяся через всю Грецию в конце XIII–XII вв. до н. э., начисто смыла непрочный слой элитарной дворцовой культуры, после чего на поверхность выступил гораздо более глубокий и мощный пласт древних «крестьянских» культур элладской эпохи. Именно так может быть объяснено резкое снижение бытовых и эстетических стандартов, возвращение к самым примитивным типам жилищ и погребений, к самым архаичным и примитивным формам декоративного искусства, представленным росписями субмикенской и протогеометрической керамики. Возможно, в какой-то, точно неизвестной нам степени все эти регрессивные явления достигли особой остроты и напряженности благодаря приходу новой большой группы грекоязычных племен, культура которых до этого момента оставалась почти незатронутой минойскими и микенскими владениями и поэтому сохранила во всей первоначальной чистоте свой исконно элладский облик⁵⁴.

Впрочем, выводы Снодграса охотно «принимают на вооружение» и современные «белохианцы», утверждающие, что дорийцы вовсе не были пришельцами и завоевателями, какими их изображала античная легендарная традиция. Так же, как и ахейцы, составлявшие господствующий слой микенского общества, они принадлежали к автохтонному населению Пелопоннеса. Отсюда логически вытекает и невозможность сколько-нибудь точного определения специфики их материальной культуры, выявления основных составляющих ее элементов, и неизбежность культурного упадка, наступившего непосредственно вслед за гибелью микенских дворцов и цитаделей. Простая и грубая сельская жизнь, которую вели до сих пор низшие, наиболее угнетенные слои микенского общества, стала теперь, после победы, одержанной ими над своими

⁵⁴ Приверженцы так называемой «нордической теории» воспринимают «элладский ренессанс» XI–X вв. до н. э. как наглядное доказательство неизменности и живучести подлинно эллинского (индоевропейского) духа, который, хотя и подавлялся временами чуждой ему этнокультурной средой, как это было в период расцвета микенской цивилизации, все же в конце концов всегда пробивал себе дорогу и снова выходил на поверхность (Kraiker, 1939, S. 221 ff.; Matz, 1950, I, S. 46 ff.; Hafner, 1961, S. 53 ff.). Рассуждая вполне в духе этой же теории, Фр. Шахермайр объясняет возвращение афинского общества к бытовым и культурным формам среднеэлладской эпохи как проявление своеобразной ностальгии по давно минувшему прошлому (Schachertmeyr, 1980, S. 418 ff.). Тем не менее сам по себе факт разрыва с культурными традициями микенской эпохи чрезвычайно важен. Как считает Карлдж (Cartledge, 1979, p. 78), этот факт служит основным контрдоводом против взглядов современных последователей Белоха.

угнетателями, общей нормой. Примерно так рассуждает, например, Дж. Хукер (Hooker, 1980, p. 179): «После долгого периода беспорядков, который последовал за разрушениями... прежние подданные дворцового порядка установили новый свой собственный порядок, при котором вновь утвердились элладские черты — такие как погребения в цистах, очень простые стили расписной керамики и жизнь в неукрепленных поселениях небольшого размера»⁵⁵.

Черезвычайную трудность, если не абсолютную невозможность выявления контуров дорийской культуры с помощью обычных археологических методов признают также и авторы, отвергающие этот экстремистский подход к решению проблемы. Как не без остроумия заметил английский историк Картлидж (Cartledge, 1979, p. 79), «лишенные своих патентов на геометрическую керамику, кремацию, обработку железа и даже — самый жестокий укол из всех — на скромную прямую булавку, несчастные дорийцы стоят нагими перед своим создателем, или, как, пожалуй, сказали бы некоторые, своим изобретателем».

Действительно, в создавшейся сейчас ситуации невольно закрадывается мысль о том, что дорийцы были каким-то фантомом, прошедшим через всю Грецию, не оставляя на своем пути никаких осязаемых следов своего присутствия (Vermeule, 1966, p. 279; Andronikos, 1971, p. 653; Sanders, 1978, p. 185. Ср.: Finley, 1970, p. 72). Догадка эта, быть может, окажется не столь уж далекой от истины, если учесть все то, что уже говорилось ранее о том крайне низком уровне культурного развития, соответствующем самому примитивному пастушескому быту, на котором оставалась на протяжении всей микенской эпохи основная масса населения Северо-Западной Греции, т. е. та этническая среда, из которой вышли и дорийцы, и другие родственные им племена. Не имея других жилищ, кроме сделанных из шкур палаток, другой утвари, кроме сплетенных из коры корзин и выточенных из дерева или сшитых из кожи сосудов, дорийцы по мере своего продвижения к югу и перехода к осед-

⁵⁵ Некоторые авторы, пытаясь объяснить парадоксальное отсутствие видимых следов дорийской культуры на всей охваченной «вторжением» территории, выдвигают гипотезу, согласно которой эта культура формировалась не где-то за пределами зоны распространения микенской цивилизации, а, напротив, как раз внутри этой зоны, хотя и на некотором удалении от ее основных центров. Это может означать, что продвижение дорийцев с севера на юг представляло собой то, что может быть названо «внутренней миграцией», поскольку оно происходило в чрезвычайно близкой им по языку и культуре этнической среде и именно в силу этого не оставило после себя никаких ясно выраженных следов (Vermeule, 1966, p. 278; Sarkady, 1969, S. 19; Snodgrass, 1971, p. 312, 386; Kirsten, 1983, S. 437, Anm. 64. Ср.: Desborough, 1972, p. 337; Oliva, 1971, p. 15). Сторонники этой концепции могут быть охарактеризованы как умеренные белохианцы.

лому образу жизни постепенно перенимали у местного населения, которое к тому времени уже и само успело в значительной степени варваризироваться, некоторые элементы его культуры, например гончарный круг, дома, построенные из камня или из необожженного кирпича, важнейшие навыки металлообработки, и таким образом мало-помалу ассимилировались в местной культурной среде. Видимо, именно по этой причине как начальные этапы этого процесса, так и в особенности завершающие его стадии почти не поддаются точной датировке (Snodgrass, 1971, p. 386; Hammond, 1975, p. 685; Cartledge, 1979, p. 94; Schachermeyr, 1980, S. 407, 415 f.). В истории известны и другие аналогичные случаи, когда народ-завоеватель, находящийся на гораздо более низком уровне культурного развития, чем противостоящее ему местное население, проходил через всю страну, не оставляя почти никаких следов своего продвижения, за исключением сожженных и разрушенных поселений. Именно такой характер носило, например, вторжение в Грецию и эллинизованную Малую Азию кельтских (галатских) племен в III в. до н. э. (в последнее время некоторые авторы прямо сближают его с дорийским завоеванием — см.: Winter, 1977, p. 60 ff. Ср.: Thomas, 1980) и в гораздо более поздние времена (VI–VII вв. н. э.) славянские набеги на территорию Византийской империи (Toynbee, 1969, p. 54 ff.; Carledge, 1979, p. 79; Kirsten, 1983, S. 360).

Такова приблизительная схема миграционного процесса, приведшего спустя несколько веков после его начала к тому радикальному изменению демографической ситуации в ряде районов материковой и островной Греции, память о котором дошла до нас после многократного преломления в «призме» устной легендарной традиции в виде предания о «дорийском завоевании».

Разумеется, эта схема, воссозданная в значительной своей части чисто умозрительным путем из таких отрицательных по своей сути величин, как резкое сокращение численности населения Греции в XII–XI вв. до н. э. и происходившее примерно в это же время постепенное отмирание микенских культурных традиций, еще включает в себе немало смысловых лакун и поэтому нуждается в дальнейшей конкретизации и наполнении фактическим материалом. Отметим лишь наиболее важные пробелы в общей картине периода племенных миграций, такой, какой она теперь представляется нашему мысленному взору.

Догадываясь, когда приблизительно передовые отряды дорийцев могли появиться на территории Средней Греции и Пелопоннеса (по всей видимости, это был рубеж XIII–XII столетий, т. е. время первого серьезного кризиса, пережитого всей системой микенских дворцовых государств), мы пока еще не можем определить сколько-нибудь точно тот

важный исторический момент, когда произошел переход основной массы северных пришельцев от их прежнего кочевого образа жизни к более или менее прочной оседлости на землях, отвоеванных ими у местного ахейского населения. Очевидно только, что этим моментом не мог быть конец XII в., т. е. период окончательного отмирания микенской цивилизации, так как демографический спад на большей части Пелопоннеса продолжался еще какое-то время после этого. Как было уже указано, крайне незначительный прирост населения наметился в этом регионе, да и то лишь в некоторых его областях (в основном в Арголиде и приистмийских районах) только в хронологических рамках ПГ периода, т. е. во второй половине XI и особенно в X столетии. Мы не знаем, однако, существовали ли уже в это время на территории той же Арголиды или подвергшейся еще более сильным опустошениям Лаконии общины оседлых дорийцев и какова была их примерная численность.

Еще один важный вопрос, на который мы также пока еще не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ, неизбежно встает перед нами, если вспомнить, что, согласно данным античной исторической традиции, находящим подтверждение в материале греческой диалектологии, практически одновременно с дорийцами или же сразу вслед за ними на Пелопоннес перебрались и другие выходцы из Северо-Западной Греции: этолийцы, так называемые ахейцы, элейцы (эпейцы) и др. Учитывая это, мы не можем не спросить себя, насколько четким было размежевание всех этих этнических групп в период их совместного *Völkerwanderung*, или, говоря иначе, насколько далеко продвинулось уже в это время этническое самоопределение дорийцев, или же мы должны видеть в нем феномен, характерный для гораздо более позднего исторического периода. В конечном счете ответы на оба этих вопроса зависят от решения чрезвычайно сложной и запутанной проблемы разграничения основных археологических культур периода послемикенского регресса, или темных веков, и возможности вычленения среди них той сугубо специфической культуры, которая может быть с достаточным основанием названа «дорийской».

Как мы уже знаем, в последнее время некоторые авторы, и среди них в особенности Э. Снодграс, все более склоняются к тому неутешительному выводу, что дорийская археологическая культура как некий комплекс артефактов, характерных для определенных районов материковой и островной Греции, сейчас едва ли может быть реконструирована в своих основных параметрах. Приняв этот вывод, мы должны, по-видимому, отказаться от дальнейших поисков в этом направлении. Но, чтобы окончательно удостовериться в их абсолютной бесперспективности, рассмотрим еще одну возможность подхода к той же проблеме. Допустим,

что какие-то, пусть случайные и разрозненные, следы дорийского присутствия все же запечатлелись в ремесленных изделиях и произведениях прикладного искусства, которые дошли до нас от эпохи миграций. В процессе аккультурации пришельцев в среде местного ахейского населения отдельные элементы дорийской культуры могли быть усвоены этой средой либо непосредственно в своем собственном первоначальном виде, либо после известной трансформации и переработки в виде продуктов художественного синтеза, сочетавших местные декоративные традиции с привнесенными извне.

К заимствованиям первого рода, вероятно, могут быть отнесены по крайней мере некоторые изделия из металла, включенные В. Милойичем в составленный им комплекс артефактов центральноевропейского и северобалканского происхождения (см. *ил.* 25 на с. 105), характеризующих археологическую культуру «второй волны» северных пришельцев, т. е. дорийцев. Примером может служить все та же длинная бронзовая булавка, подвергнутая, может быть, не в меру строгой «цензуре» Снодграсом, но уже в недавнее время вновь отданная дорийцам Я. Боузеком (Bouzek, 1985, p. 167), и, видимо, некоторые другие изделия. Признание центральноевропейского или северобалканского происхождения предметов этого рода, разумеется, отнюдь не означает, что сами дорийцы были выходцами из каких-то расположенных на большом удалении от Греции областей европейского континента. Просто, блуждая со своими стадами по всему Балканскому полуострову от северных отрогов Пинда до Тайгета и Парнона, они тем самым невольно должны были способствовать продвижению в его центральные и южные районы изделий, уже достигших посредством обычной межплеменной торговли его северных границ⁵⁶.

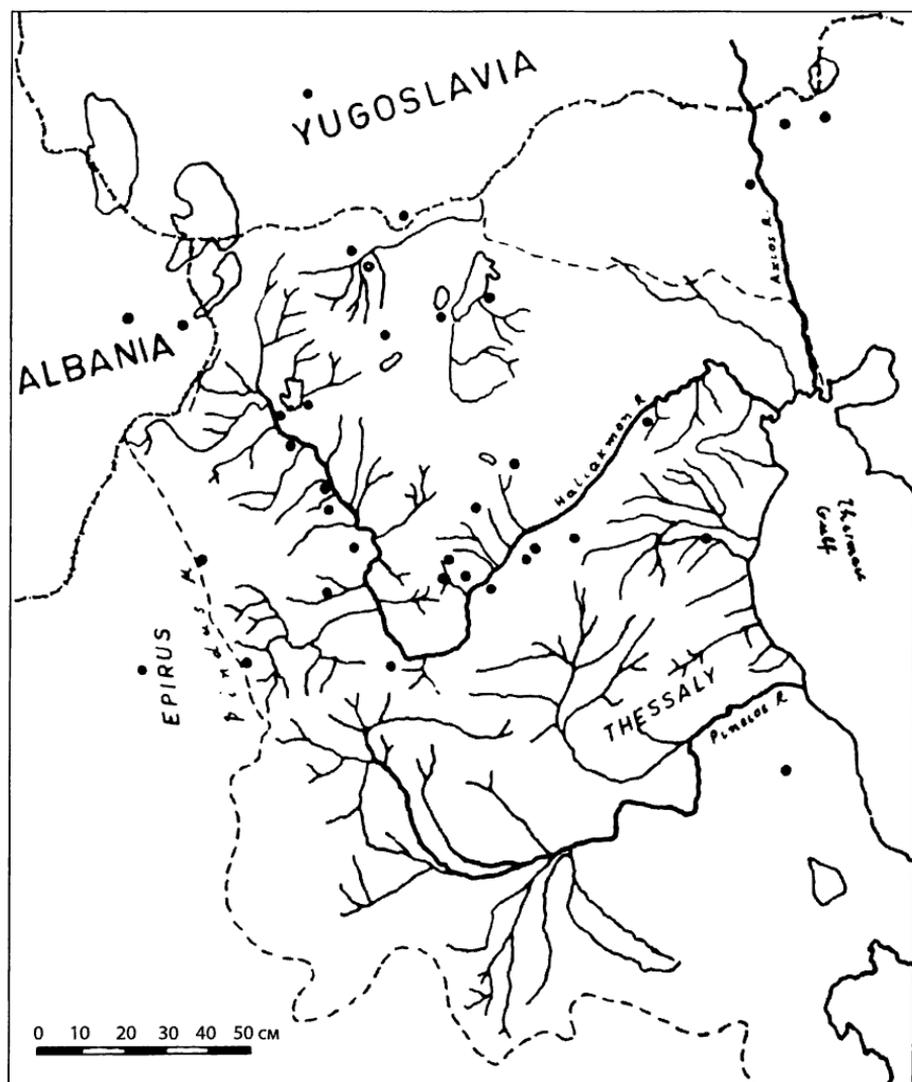
Заимствования второго рода могут быть обнаружены в орнаментике вазовых росписей протогеометрического и геометрического стиля. Как было уже замечено, некоторые авторы, в особенности Десборо и Швайцер, расценивают обе эти манеры вазовой живописи как результат последовательного спонтанного развития микенских художественных традиций, полагая, что основным центром, из которого основные формы геометрического декора распространились по всей остальной Греции, были незатронутые дорийским нашествием Афины. Против этой

⁵⁶ Труднее понять, каким путем могли проникнуть в Грецию различные виды лепной керамики, имеющие более или менее отчетливо выраженные северобалканские, придунайские и центральноевропейские аналогии. Не исключено, что по крайней мере некоторые из этих видов, например курьезные идолы или, может быть, куклы с процарапанным в глине рисунком из афинского Керамика попали в Аттику и другие районы материковой и островной Греции вместе с изготовившими их ремесленниками (Schachermeyr, 1980, S. 201. Ср.: Bouzek, 1985, p. 200).

концепции могут быть выдвинуты два основных возражения. Во-первых, сам геометризм декоративного убранства керамики темных веков, т. е. широкое использование в ее оформлении разнообразных геометрических фигур, в каждом конкретном случае образующих замкнутую самодовлеющую систему, подчиненную принципам математически выверенной гармонии, симметрии и порядка, в целом совершенно чужд вазовой живописи микенской эпохи, в которой вплоть до самого конца ПЭ IIIС периода доминирующую роль продолжали играть условно схематизированные, но все же узнаваемые растительные и животные мотивы, образующие в вазах так называемого «тесного стиля» (последняя яркая вспышка микенского художественного гения; см. *ил. 15* на с. 69) некое подобие ковра, покрывающего стенки сосуда прихотливым узором. Во-вторых, все усложняющийся с течением времени, включающий в свой состав все новые и новые элементы репертуар геометрической орнаментики едва ли может быть сведен к каким-то прототипам или исходным формам, использовавшимся уже в микенской вазописи⁵⁷. Иначе говоря, микенские художественные традиции никак не могут быть признаны основным, а тем более единственным источником геометрического стиля. Скорее, напротив, само его зарождение означало качественно новый этап в истории греческого декоративного искусства и было бы просто невозможно без резкого разрыва с традициями микенской эпохи.

Правда, мы не располагаем достаточными данными и для того, чтобы утверждать, что геометрический (или протогеометрический) стиль был уже в готовом виде как вполне сложившаяся художественная система доставлен в Среднюю Грецию и на Пелопоннес откуда-то извне (ср.: Muges, 1930, p. 474 ff.). Да и вообще, такой подход к проблеме был бы, вероятно, упрощением. В некоторых из своих последних работ Фр. Шахермайр настойчиво повторяет, что основной творческий импульс, способствовавший зарождению геометрической вазописи, проник в Аттику и другие смежные с ней области Пелопоннеса и Средней Греции из района Бубусти в Западной Македонии на среднем течении реки Галиакмон (см. *карту 6* на с. 76) (Schachermeyr, 1980, S. 203, 410 ff.; 1983, S. 251 f. Ср.: Heurtley, 1927/28, 1930/31). Для росписей происходящей из этого района керамики характерен наряду с другими декоративными мотивами также и мотив меандра (в двух основных его разновидностях:

⁵⁷ Основной репертуар орнаментальных мотивов, характерных для геометрической вазописи, во многом предвосхищают росписи так называемой «матовой керамики», широко распространенной в Греции и на островах Эгеиды в СЭ период (XIX–XVII вв. до н. э.). Ее отличает, однако, совершенно иное понимание самой формы сосуда, иные принципы построения системы декора.

Карта 9. Распространение керамики типа Бубусти в бассейне рек Галиакмон и Вардар

так называемый «бегущий меандр» и «зубчатый меандр»), занимающий столь важное место в орнаментальной системе греческого геометрического искусства. Именно Бубусти может, по мнению Шахермайра, претендовать на то, чтобы считаться подлинной прародиной дорийцев (карта 9). Отсюда их первые отряды еще в хронологических рамках

протогеометрического периода двинулись на юг и морем достигли Крита. Спустя несколько десятилетий к началу следующего геометрического периода также и остальные дорийцы покинули долину Галиакмона и, продвигаясь в основном по суше, достигли Пелопоннеса (Schachermeyr, 1980, S. 413). Следует заметить, что, выстраивая таким образом свою схему дорийского расселения, Шахермайр вступает в известное противоречие с самим собой, так как в другом месте той же книги (Ibid., S. 200) высказывается предположение, что дорийцы появились в Арголиде еще в ПГ период и именно их присутствие в этом районе наложило свой отпечаток на возникший в это время протогеометрический стиль вазовой живописи, придав ему такие черты, как особая строгость, плотность и напряженность (Straffheit). Впрочем, даже если не обращать внимания на эту, может быть, случайную неувязку, гипотеза маститого австрийского историка производит впечатление малоправдоподобной догадки. В самом деле, на территории Аттики, Эвбеи, Арголиды, т. е. тех районов, которые принято считать основными очагами зарождения и распространения геометрического стиля, до сих пор не обнаружено никаких следов присутствия носителей культуры Бубусти (ил. 27). К тому же не так уж трудно убедиться (даже при беглом сравнении), что сами росписи керамики Бубусти мало похожи на аттическую или какую-либо иную вазопись геометрического стиля. Совпадают в них лишь некоторые декоративные мотивы, в том числе и мотив меандра, хотя в росписях сосудов из Бубусти он встречается лишь спорадически и отнюдь не занимает в них того доминирующего положения, которое принадлежит ему в орнаментальной системе геометрической вазовой живописи. В целом же два этих вида декоративного искусства представляют собой художественные явления принципиально разного характера.

По мнению Боузeka (Bouzek, 1985, p. 193 f.), керамика Бубусти имеет гораздо больше сходства с гончарными изделиями адриатического и фригийского происхождения (ил. 28, 29. 1–3 — как в том, так и в другом случае росписи сосудов выполнены опять-таки в примитивной геометрической манере). Постулируемая Шахемайром связь керамики этого типа с дорийцами также представляется Боузеку маловероятной. По его словам, основная масса сосудов, найденных в районе Бубусти, была изготовлена в то время, когда дорийцы уже начали заселять Пелопоннес. Кроме того, будучи кочевым или полукочевым пастушеским народом, они едва ли вообще могут нести ответственность за распространение того или иного вида керамики, так как в своем повседневном быту предпочитали обходиться сосудами, изготовленными не из глины, а из каких-нибудь более легких и вместе с тем более прочных материалов. Тем не менее Боузек допускает, что орнаменты, которыми были украшены

ткани и некерамические сосуды дорийцев, могли происходить из того же самого или другого подобного источника, что и росписи керамики Бубусти. Развивая далее эту свою мысль, тот же автор (*Ibid.*, p. 201 f.) приходит к выводу, что, как и всякие завоеватели, стоящие на более низком уровне культурного развития, чем население покоренной ими страны, дорийцы предпочитали использовать керамику, изготовленную местными ремесленниками, еще сохранявшими высокую техническую квалификацию микенских гончаров, нежели возить за собой свои грубые и неуклюжие сосуды. При этом, однако, «вкус варваров-пришельцев мог найти свое выражение в изменении художественного стиля, но их художественные взгляды были стилизованы старыми мастерскими, и новая керамика сама по себе всегда была результатом компромисса между старыми локальными традициями и новыми хозяевами. Более того, новый стиль был сформирован в тех местах, где старая традиция была еще сильна: благородная керамика середины ПЭ IIIС периода может служить ранним примером этой (тенденции), и Афины становятся ведущим художественным центром позже. Дорийцы и северо-западные греки, которые были наиболее влиятельными группами во “второй волне” пришельцев, были по-преимуществу простыми пастухами, использовавшими некерамические сосуды, подобно современным влахам, и эти сосуды вместе с их текстильными изделиями и корзинами, по-видимому, стали главным источником вдохновения для греческих гончаров в течение последней части периода, который нас здесь интересует»⁵⁸.

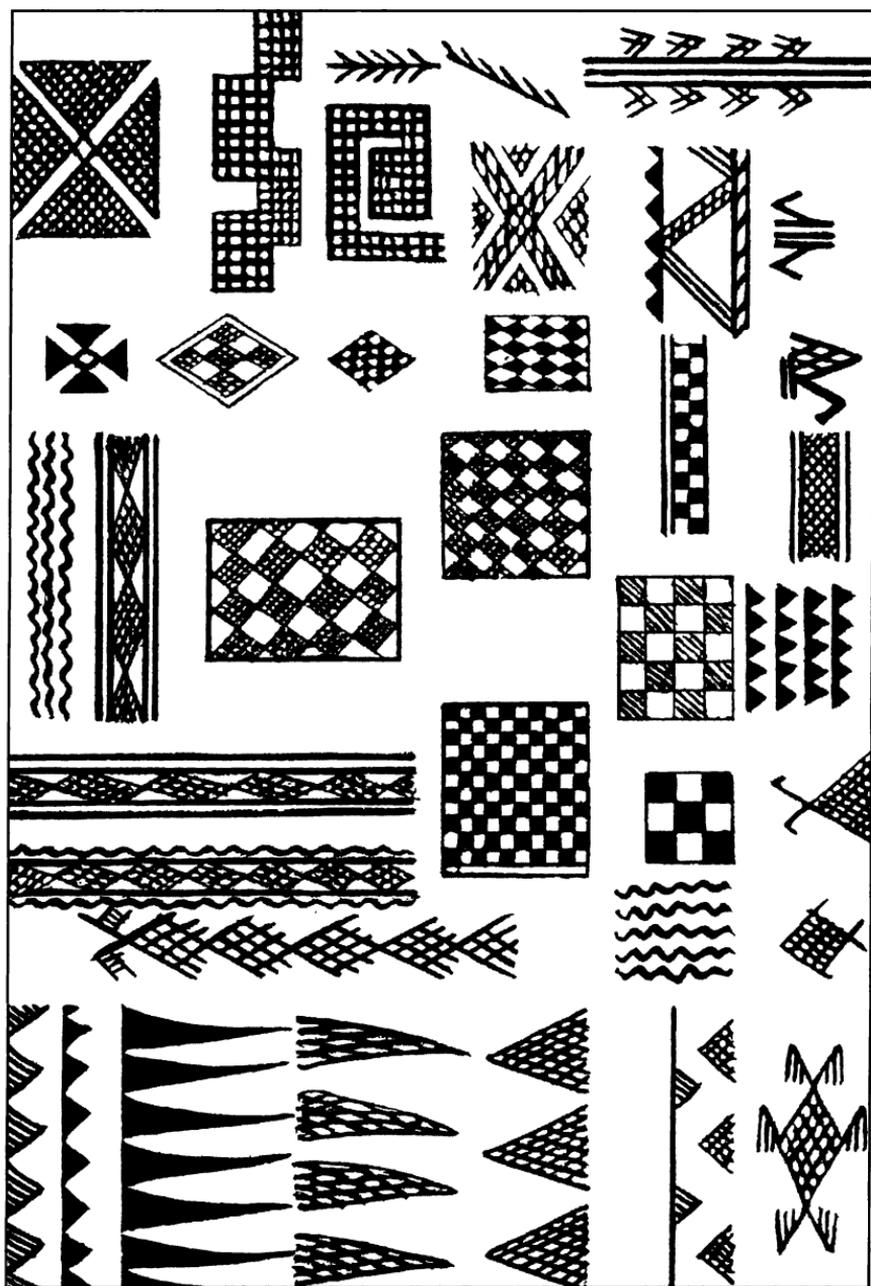
Несмотря на, может быть, излишнюю категоричность формулировок, изложенная выше гипотеза Боузек представляется нам наиболее удачной попыткой решения двух взаимосвязанных проблем: проблемы выявления так называемой дорийской культуры и проблемы происхождения протогеометрического и геометрического стилей греческой вазовой живописи. Боузек, несомненно, прав, подчеркивая, что новый стиль быстрее и ярче всего проявил себя там, где были еще достаточно сильны старые художественные традиции, восходящие к микенской эпохе. Но настоящей «колыбелью» геометрической школы вазописи были, как это признает и сам Боузек, Афины, сумевшие отстоять свою независимость в период, когда дорийцы, по всей видимости, устанавливали свое господство на Пелопоннесе, а их ближайшие сородичи осваивали территорию Беотии, Фокиды и Фессалии. Следовательно, если афинские вазописцы действительно использовали в своих росписях

⁵⁸ Эта мысль высказывалась уже и раньше. Сам Боузек ссылается на статью Томпсона (Thompson, 1954, p. 288), забывая упомянуть о Дж. Майрзе (Myres, 1930, p. 477). См. также: Hammond, 1976, p. 157; Schachermeyr, 1980, S. 412).

1

Ил. 27. Керамика типа Бубусти (1)

2

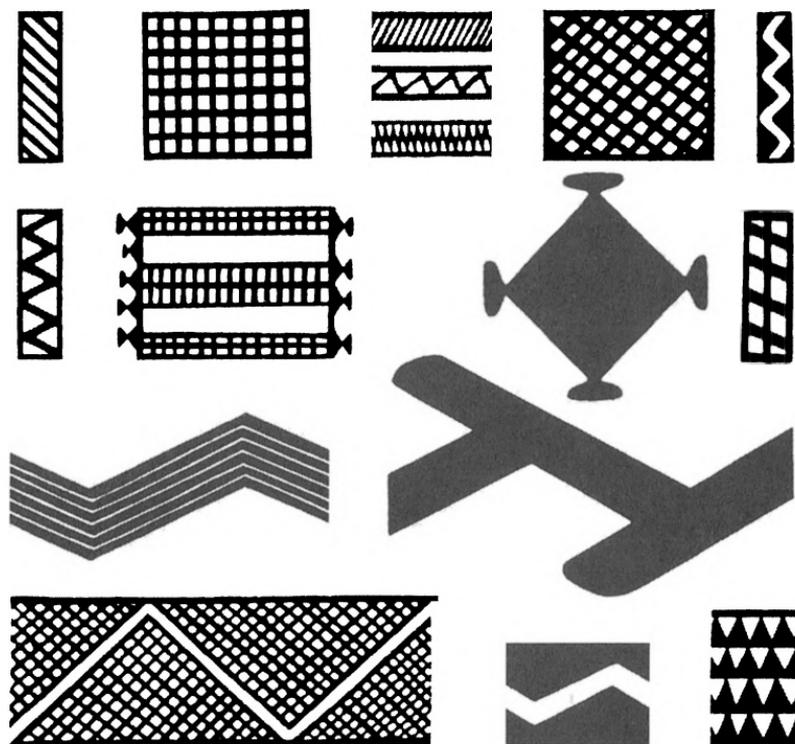
и ее орнаментальные мотивы (2)

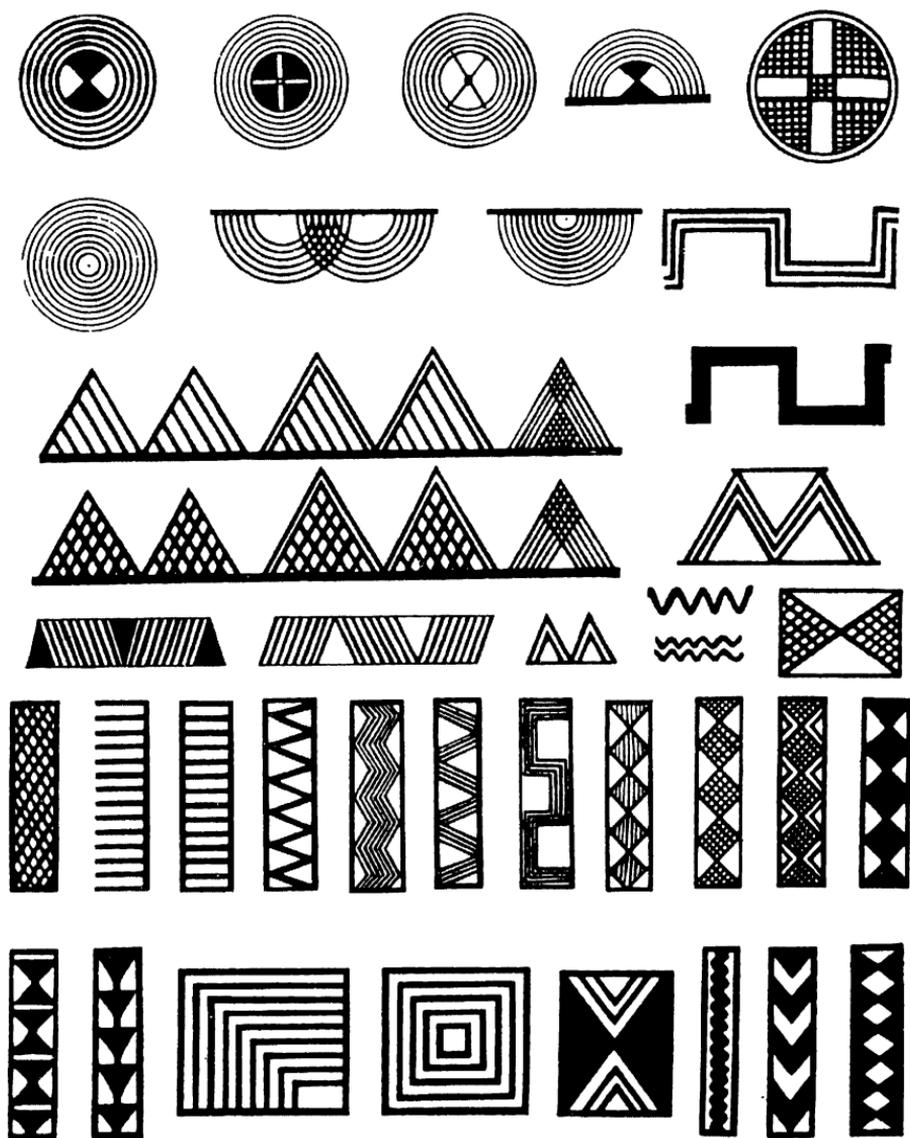
Ил. 28. Керамика типа Бубусти из одноименного округа

Ил. 29.1. Мармариани — керамика, декорированная в стиле Бубусти

Ил. 29.2. Мармариани — образцы орнамента лепной керамики

Ил. 29.3. Мармариани — мотивы орнамента керамики, изготовленной на гончарном круге

орнаментальные мотивы, воспроизводящие узоры на тканях, изделиях из кожи или древесной коры, употреблявшихся в повседневном обиходе пастушеских племен, то они делали это отнюдь не по принуждению своих новых хозяев, а вполне добровольно, повинувшись одному лишь

творческому импульсу, который заставлял их искать все новые и новые комбинации геометрических фигур, обогащая и разнообразя декоративное убранство своих сосудов. Определенную роль могли играть при этом и соображения коммерческого порядка, если предположить, что своеобразные изделия северных пришельцев пользовались определенным спросом среди населения Аттики и других прилегающих к ней районов, тогда как продукция афинских гончарных мастерских, в свою очередь, сбывалась тем же самым пришельцам, в ту пору, вероятно, уже понемногу начинавшим переходить к оседлому образу жизни. Контакты такого рода, если признать их исторической реальностью, предполагают, что отдельные группы дорийцев и северо-западных греков могли в течение XI–X вв. до н. э. передвигаться со своим скотом либо через территорию самой Аттики, либо вдоль западных ее границ через Беотию и Мегариду, держа путь либо в сторону Северного Пелопоннеса, либо в противоположном направлении. Об их присутствии в этом районе могут свидетельствовать помимо росписей протогеометрического и геометрического стилей и уже упоминавшихся изделий из бронзы также некоторые специфические формы лепной керамики с узором в виде процарапанных по глине кружков и полосок, найденной в могилах афинского Керамика, в Лэфканди и в некоторых других местах. Особый интерес среди изделий этого рода представляют примитивные колоколообразные идолы (или куклы — *ил. 30*), отдаленно напоминающие глиняные фигурки, происходящие из района Жуто Брдо в Сербии и некоторых других (Schachermeug, 1980, S. 201; Bouzek, 1985, p. 200 f.).

Основная идея Боузeka, заключающаяся в том, что как протогеометрическая, так и геометрическая вазопись в ее наиболее ясно выраженных «классических» формах была продуктом синтеза микенских художественных традиций и традиций примитивной культуры, привнесенной северо-западной волной грекоязычных племен, в состав которой могли входить и дорийцы, и другие этнические группы, объединяемые под общим названием «северо-западных греков», в целом вполне гармонирует с той широкой картиной распространения основных видов и форм расписной керамики в хронологических рамках периода темных веков, которую содержит IV том «Die Ägäische Frühzeit» Фр. Шахермайра (Schachermeug, 1980 — заметим, впрочем, что этот последний, в свою очередь, многое заимствует из более ранних работ Десборо).

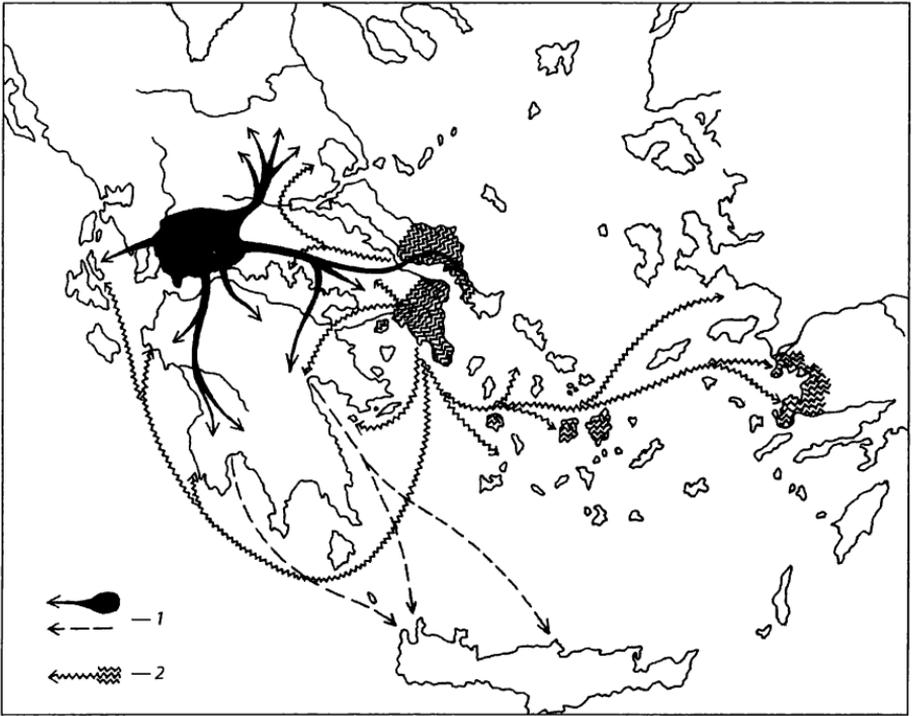
Основным центром, в котором происходила кристаллизация как протогеометрического, так и геометрического искусства, несомненно, была группа районов Средней Греции и Северного Пелопоннеса, расположенных по обе стороны от Истма, в том числе Аттика, Эвбея, Беотия, Коринф с его ближайшими окрестностями и Аргонида. Отсюда

Ил. 30. Аттические протогеометрические идолы (1–4 — Керамик) и их балканские параллели

продвижение протогеометрического и геометрического стиля шло в основном в восточном и юго-восточном направлении — на острова Эгейды, включая Крит и Додеканез, и во вновь основанные греческие колонии на западном побережье Малой Азии.

За пределами этой зоны чистого геометризма, в основном обращенной в сторону Эгейского моря и, видимо, тесно с ней связанной, остается целый ряд районов Пелопоннеса, Средней и Северной Греции, географически отрезанных от Эгейды. Сюда относятся Лакония, Мессения, Аркадия, Ахайя, Элида, Фокида, Локрида, внутренние области

Карта 10. Распространение «промежуточной» керамики (Zwischenware) — 1 и СМ стиля и его керамики — 2

Фессалии, весь Эпир (Desborough, 1972, p. 352; Coldstream, 1977, p. 103). Многие из названных здесь районов оставались в состоянии культурной изоляции вплоть до конца IX в. до н. э., когда на их территории начали появляться первые образцы настоящей геометрической керамики как местного, так и импортного происхождения. В течение всего предшествующего периода, охватывающего в общей сложности почти три столетия — XI–IX вв. до н. э., во всей этой части греческого мира использовались разные виды керамики, характерной общей чертой которых была крайняя бедность и примитивность живописного декора, чаще всего сведенного лишь к нескольким полоскам темного лака на светлом фоне, которыми было обведено тулово сосуда в самой широкой его части. Иногда к этим полоскам добавлялись еще волнистые или зигзагообразные линии, узор в виде бахромы, заштрихованные треугольники и т. п. Шахермайр объединяет все эти происходящие из разных мест керамические собрания под общим названием «промежуточная керамика» (Zwischenware — *ил. 31–33 и карта 10*), усматривая в ней важнейший

*Ил. 31. «Промежуточная» керамика:
1–8 — из Этолии; 9–12 — с Итаки*

Ил. 32. Северо-западная группа «промежуточной» керамики из Йолка, Фессалия

элемент археологической культуры северо-западногреческих пастушеских племен (Schachermeug, 1980, S. 234 ff.; 397 ff.). Проникновение этих племен в различные области Средней и Северной Греции, а также Пелопоннеса началось, по мнению Шахермайра, еще в конце ПЭ IIIС периода, т. е., согласно принятой этим автором периодизации послемикенской эпохи, около 1050 г. до н. э., и хронологически предшествовало продвижению на юг дорийцев (Ibid., S. 386 ff.). Однако даже в IX в.,

1

2

*Ил. 33. «Промежуточная» керамика:
1 — из Дельф; 2 — Ахайи*

когда дорийцы, по Шахермайру (Ibid., S. 413), уже, вне всякого сомнения, расселились по Пелопоннесу, так называемая «протогеометрическая» керамика, происходящая из южных и западных районов полуострова, включая Лаконию и Мессению, практически и в чисто техническом, и в художественном отношении продолжала оставаться на уровне все той же *Zwischenware*, далеко уступая изделиям гончарных мастерских Афин, Коринфа, Аргоса и других восточногреческих центров.

Таким образом, приход дорийцев сам по себе еще не способен был вывести эти районы из состояния культурной изоляции и творческого бесплодия, в котором они пребывали на протяжении всего периода темных веков. Все это становится вполне объяснимым, если вспомнить, что Западная Греция в основной своей части всегда оставалась за пределами зоны формирования и развития микенской культуры. Соответственно и слой микенского населения всегда был в этих районах крайне малочисленным. Он лишь ненадолго и, видимо, ненадолго увеличился в период массовой эмиграции микенских греков из областей, особенно пострадавших во время первого нашествия (или нашествий) северных варваров. Что касается Лаконии и Мессении, несомненно, принадлежавших к числу наиболее развитых в культурном отношении областей микенского мира, то они едва ли не более всех остальных пострадали от этой катастрофы, лишившись, как было уже сказано, большей части своего прежнего населения. Поэтому здесь не могли сложиться или же сложились лишь с большим опозданием условия для того ахейско-дорийского или ионийско-дорийского культурного синтеза, важнейшим порождением которого был в Аттике, Аργοлиде и других граничащих с ними районах Восточной Греции геометрический стиль вазовой живописи.

Из всего сказанного следует вывод, что по-настоящему дорийская культура смогла проявить себя лишь там, где оказались возможными ее более или менее активные контакты с культурой автохтонного ахейского или ахейско-ионийского населения Греции. За пределами этой географически ограниченной тесными рамками Эгейского бассейна зоны контактов специфические черты дорийской культуры остались практически невыявленными. Их почти без остатка растворила в себе как бы застывшая в своем развитии на уровне начальной фазы темных веков (СМ периода), достигшая крайней степени эстетической деградации культура западных областей греческого мира, археологически представленная в первую очередь так называемой промежуточной керамикой XI–X вв. до н. э. и ее более поздними модификациями. Дорийцы в самом деле прошли через западную и южную части Пелопоннеса, как некий мираж, не оставляя в занятых ими районах полуострова почти никаких ясно выраженных следов своего присутствия.

Еще в 1930 г. известный английский историк Дж. Майрз (Myres, 1930, p. 304. Ср.: Vitalis, 1930, S. 10) сетовал на то, что «в последнее время стало модой оценивать “приход” дорийцев скорее как период, чем как отдельное событие». Действительно в опубликованной спустя четыре года большой статье «Эпир и дорийское вторжение» другой английский исследователь Н. Хэммонд прямо указывает, что «мы должны ясно представлять себе, что дорийское вторжение заняло не один день и что они (т. е. дорийцы. — Ю. А.) не маршировали, подобно солдатам Персея». «Мы не ошибемся, — продолжает он, — если сравним их с их ближайшей современной параллелью — влахами и изобразим их медленное продвижение по (заранее) установленным путям через местности, способные обеспечить пищей их стада и семьи в разные времена года» (Hammond, 1934, p. 151). Характерно, что в этой ранней своей работе Хэммонд постоянно объединяет дорийцев с северо-западными греками, называя их всех, вместе взятых, «дорийцами» и лишь отмечая при этом, что, оказавшись на территории Пелопоннеса, они разделились на две ветви: восточных, или собственно дорийцев, и западных, что соответствует различию путей, по которым они двигались с севера на юг (Ibid., p. 164, 170 f.).

Действительно, воспринимаемая сквозь призму археологии историческая реальность периода миграций оказывается весьма далекой от тех надуманных мифологических схем, которые мы находим в сочинениях позднейших греческих поэтов и историков. Судя по всему, так называемое нашествие дорийцев отнюдь не было похоже на заранее запланированную, направляемую и организуемую из одного общего центра военную акцию, в которой участвовали большие массы вооруженных людей — армии или орды. Скорее их продвижение по территории Греции можно представить как постепенное, по всей видимости, очень медленное просачивание сравнительно немногочисленных родоплеменных групп пришельцев в пустоты, образовавшиеся между разрозненными островками сильно сократившегося в числе местного микенского населения. Подобным же образом в гораздо более поздние периоды истории Греции примитивные пастушеские племена албанцев и влахов спускались со своими стадами с гор и занимали обширные пространства, опустошенные крестоносцами, турками или венецианцами. Это сравнение широко использовалось теми авторами, которые были убеждены в том, что дорийцы не несут ответственности за уничтожение микенских культурных центров, которые могли погибнуть в силу каких угодно других причин, дорийцы же появились на сцене уже, если можно так выразиться, «под занавес» этой грандиозной исторической драмы лишь для того, чтобы заполнить политический вакуум, образовавшийся после крушения микенского миропорядка (см.: Vermeule, 1964, p. 279; Mylonas, 1966,

р. 232; Desborough, 1964, p. 250 ff.; 1972, p. 337, 352. Ср.: Buck, 1969, p. 284 ff.). Впрочем, даже и Э. Кирстен, полагающий, что дорийцы могли участвовать уже в самых первых набегах на территорию микенских государств и в конечном счете могут считаться виновниками их падения, склонен оценивать их вторжение в зону распространения микенской культуры как своего рода «подселение» (eine Unterwanderung) или «инфильтрацию» и «просачивание» (ein Einsickern) (ср.: Tomlinson, 1972, p. 54; Schachermeyr, 1980, S. 413 f.).

В конкретной исторической обстановке периода миграций процесс расселения новой волны грекоязычных племен на Пелопоннесе и за его пределами мог растянуться на весьма длительный отрезок времени, вероятно, составляющий в общей сложности не менее нескольких столетий. Начавшись, по всей видимости, еще в XIII в. до н. э., он едва ли успел полностью завершиться к концу XI в. и, скорее всего, продолжался также и в следующем, X в. (ср.: Rubinsohn, 1975, p. 118 f.). При крайней скудости и неясности свидетельств имеющихся археологических источников сейчас довольно трудно уловить сам момент перехода дорийцев и других северо-западных греков от их первоначального кочевого или полукочевого образа жизни к прочной оседлости. Признаки дорийского присутствия в зоне первоначального распространения протогеометрической и геометрической керамики, о которых говорилось выше, могут быть интерпретированы по-разному: и как свидетельство их многократных появлений на этой территории в процессе сезонных перекочевок с гор на равнину (это предположение вполне приемлемо как объяснение ситуации, сложившейся в Аттике и на Эвбее, где дорийцам, как известно, не удалось закрепиться), и как указание на уже наступившую оседлость. За пределами Центральной Греции, т. е. на большей части Пелопоннеса, исключая Аролиду, и в лежащих дальше к северу областях: Этолии, Локриде, Эпире, Западной Фессалии, представлявших в своей совокупности, как было уже указано, отсталый и почти совершенно изолированный от внешнего мира хинтерланд прибрежной зоны Эгеиды, эволюция материальной культуры, и прежде всего керамики, шла крайне замедленными темпами. Грани, отделяющие СМ период от ПГ и ПГ от Г, здесь были по этой причине очень нечеткими. В таких условиях было бы чрезвычайно трудно даже приблизительно определить момент появления новых этнических элементов, а тем более момент их оседания на данной территории⁵⁹. Лишь в тех очень немногих случаях,

⁵⁹ Попытка Шахермайра представить всю керамику темных веков на территории Северо-Западной Греции как вариации одного и того же типа гончарных изделий (Zwischenware), общий источник которых он помещает, как нам кажется, без особых

когда удастся установить факт непрерывного заселения того или иного места, начиная с какой-то поддающейся хотя бы приблизительной датировке точки отсчета в хронологических рамках темных веков, появляется возможность определения времени оседания на данной территории дорийцев или каких-то иных пришлых этнических элементов. В настоящий момент такими местами, по-видимому, могут считаться только Аргос и, может быть, Спарта. Основываясь на критериях такого рода, Десборо отнес заселение дорийцами Арголиды (Desborough, 1964, p. 281 ff.) приблизительно к 1075 г. до н. э., т. е. еще к СМ периоду, заселение же Южного и Западного Пелопоннеса, включая Спарту, сначала к концу XI в. до н. э., а позже (Desborough, 1972, p. 352) передвинул это событие уже к середине X в. По мнению Шахермайра (Schachermeyr, 1980, S. 219) дорийцам в Аргосе предшествовали какие-то северо-западногреческие племена, обосновавшиеся на этом месте еще в СМ период. Затем (уже в рамках ПГ периода или, согласно принятой этим автором периодизации, между 1000/950 и 900 гг. до н. э.) на смену им пришли дорийцы (ср.: Bouzek, 1969, S. 129; Snodgrass, 1971, p. 329 f.; Rubinsohn, 1975, p. 118 f.; Hägg, 1982, S. 299 f.). По этой же схеме происходило, согласно Шахермайру (Schachermeyr, 1980, S. 227 f.), и заселение Лаконии. Дорийцы, если следовать показаниям керамического материала, прочно утвердились здесь в течение ПГ или, может быть, даже Г периода, т. е. где-то около 900 г. или уже после этой даты (ср.: Cartledge, 1979, p. 92; Kirsten, 1983, S. 395 ff.).

Несмотря на общую «смазанность» и неясность картины дорийского расселения на Пелопоннесе, Крите и других островах Южной Эгеиды, имеющиеся археологические данные все же позволяют говорить о разновременном, разделенном иногда весьма значительными хронологическими интервалами, прибытии отдельных родоплеменных групп дорийцев на территорию областей, занятых ими в последующее время, а также о весьма длительной, по всей видимости, продолжавшейся вплоть до самого конца периода темных веков культурной разобщенности этих групп. Более или менее прочные культурные контакты между Арголидой и Лаконией, в частности, были установлены, насколько позволяет судить керамический материал, происходящий из этих двух районов, лишь в середине VIII в. до н. э. (Cartledge, 1979, p. 109).

к тому оснований, в Этолии (Schachermeyr, 1980, S. 249 ff.), явно упрощает существо ситуации. В действительности, как это было показано достаточно ясно уже в книге Десборо (Desborough, 1972, p. 350 ff.), в этой части греческого мира наблюдался феномен параллельного развития форм сосудов и стилей росписи, восходящих, как и аттическая или аргосская керамика XI–X вв. до н. э., к одним и тем же микенским прототипам.

Все это хорошо согласуется с уже изложенной выше концепцией, согласно которой дорийцы, как и другие северо-западные греки, прежде чем перейти к прочной оседлости, долгое время кочевали по горам и равнинам Средней и Северной Греции, а также Пелопоннеса. Движение всей этой массы пастушеских племен, естественно, носило стихийный, неупорядоченный характер и едва ли могло быть скоординировано и организовано из какого-то одного общего центра. Именно поэтому отдельные группы кочевников переходили к оседлому образу жизни сообразно с обстоятельствами, сложившимися в том или ином районе, в разное время и разными путями и в дальнейшем продолжали вести в значительной мере обособленное существование, не вступая в контакты даже со своими соплеменниками, поселившимися в какой-нибудь другой местности.

4. ДОРИЙСКИЙ ЭТНОС

Нетрудно заметить, что эта концепция, хотя в целом она и подтверждается археологическими данными, находится в явном противоречии с широко распространенным и в конечном счете восходящим к античной исторической традиции представлением о самих дорийцах как прочно спаянной внутренним единством группе из трех племен, существовавшей еще до так называемого «возвращения Гераклидов» и принимавшей участие в этом прославленном предприятии как некое четко оформленное целое. Представление это базируется на следующих основных фактах: 1) то ли действительная, то ли мнимая общность происхождения всех дорийцев, достаточно ясно осознаваемая как самими дорийцами, так и другими греками и обычно ассоциирующаяся с мыслью о некоей общей для них всех прародине, по-разному локализуемой на карте Греции как античными, так и современными авторами; 2) унифицированная трибальная организация большинства материковых и островных дорийских государств, основой которой в каждом из них были три филы: Гиллеев, Диманов и Памфилов (Szanto, 1901, S. 4; Busolt, 1926, S. 744 ff.; Vitalis, 1930, S. 48 f.; Meyer, 1937, S. 237; Latte, 1941, S. 996 f.; Willetts, 1955, p. 230 ff.; Schachermeyr, 1980, S. 404, 414; Томсон, 1958, с. 99); 3) отмеченная уже древними общность диалекта, выделявшая дорийцев среди других главных и второстепенных ветвей греческой народности: ионийской, ахейско-эолийской и др.; 4) общность некоторых культов и связанных с ними празднеств, например Карней, Гиакинфий и др., также присущая большинству существовавших в античную эпоху дорийских полисов (Nilsson, 1906; 1976; S. 303 ff.; Sarkady, 1969).

Однако все эти «свидетельства» изначального единства дорийского этноса могли появиться и в сравнительно позднее время, после того как дорийцы заселили большую часть территории Пелопоннеса и создали там свои государства. Уже Геродот склонен был думать, что сам этникон — дорийцы — получил общее признание только после прибытия этого племени на Пелопоннес (Hdt. I, 56, 2). Завершающийся этим утверждением экскурс о скитаниях дорийцев до их прихода на «широкий остров Пелопа» явно скоординирован с известным генеалогическим мифом об Эллине и его сыновьях, согласно которому прародина всех вообще греков находилась в Южной Фессалии, во Фтиотиде (ср.: Thus. I, 3, 2). Отталкиваясь от этой, по-видимому, общепринятой в его время условности, Геродот помещает прародину собственно дорийцев где-то на дальнем севере то ли в районе Оссы и Олимпа, то ли в северных предгорьях Пинда, обращенных в сторону Македонии (в то время, замечает историк, будущие дорийцы еще назывались «македнами»). Дорида, в те времена называвшаяся Дриопидой, была, если следовать Геродоту, не родиной дорийцев, а лишь местом их последней стоянки на пути на юг, в сторону Пелопоннеса. Перечисляя основные вехи, отмечающие маршрут передвижений дорийцев по Северной и Средней Греции (ср. несколько отличающуюся подборку топонимов в другом месте «Истории» — VIII, 43), Геродот, видимо, хотел объяснить таким образом читателю, на чем основана прочно закрепившаяся за ними репутация ἔθνος πολυλάωντων ἄρτα. В принципе, это представление вполне соответствует широко распространенному в современной научной литературе мнению, согласно которому в период, предшествующий их поселению на Пелопоннесе, дорийцы представляли собой конгломерат кочевых или полукочевых скотоводческих племен. Весьма вероятно, что конгломерат этот, как и многие другие блуждающие племенные сообщества, был гетерогенным по своему составу (на крайнюю разнородность его основных структурных элементов ясно указывает название по крайней мере одной из трех дорийских фил — Памфилы). Но в этом случае сам собой отпадает вопрос об общей прародине всех дорийцев, потому что такой прародины у них просто могло и не быть, и на его место придется поставить другой, более оправданный в этой ситуации вопрос о том, когда и где сформировалось известное нам по письменным источникам, начиная уже с Гомера и Гесиода, объединение трех фил.

Большинство авторов, так или иначе касавшихся этой проблемы (часть из них названа выше), считало и до сих пор продолжает считать, сообразуясь с показаниями античной традиции, что союз этот сложился еще до прихода дорийцев на Пелопоннес где-то на северных или северо-западных окраинах балканской Греции. Так, Шахермайр вы-

деляет дорийцев из числа других северо-западных греков прежде всего на том основании, что у них еще до начала их продвижения на юг возникла «правильная племенная организация», в состав которой вошли сначала только филы Гиллеев и Диманов, к которым несколько позже присоединились «другие пастушеские элементы», образовавшие третью филу Памфилов. В пользу длительной племенной общности всех дорийцев говорит, по мнению того же автора, «общий диалект и общая гордость своим дорийским именем» (Schachermeyr, 1980, S. 404). Несколько ниже высказывается предположение о том, что объединение трех фил сложилось на границе Македонии и Эпира в районе Бубусти, где в это же время (в XIII–XII вв. до н. э.) развился своеобразный стиль вазовой живописи (см. *ил.* 27–29 на с. 118 слл., — как уже говорилось прежде, Шахермайр считает его прямым предшественником протогеометрического стиля), отличающийся, так же как и трибальная система дорийцев, особой строгостью и дисциплинированностью (Strenge und Straffheit — *Ibid.*, S. 414)⁶⁰.

Прямо противоположная гипотеза была выдвинута в свое время А. Тойнби, который развил дальше мысль, высказанную задолго до этого К. Ю. Беллохом. В понимании Тойнби, дорийский этнос с характерным для него делением каждой полисной общины на три филы впервые по-настоящему сформировался лишь после заселения северо-западными греками так называемой «азиатской Дориды» в основанных там колониях. Оттуда дорийский вариант полиса вместе с его трибальной организацией и общеплеменным названием «дорийцы» был перенят той частью северных пришельцев, которая еще до этого обосновалась на Пелопоннесе и на Крите (Тоунбее, 1969, р. 43 ff.). Концепция Тойнби, как и многие другие его построения, включает в себе известный элемент научного авантюризма и едва ли может быть принята целиком. Явно надуманной кажется его попытка вывести само имя дорийцев из азиатской Дориды⁶¹.

⁶⁰ Шахермайр нигде даже не пытается объяснить, как могли дорийцы сохранить свою четкую трехплеменную структуру во время своих длительных скитаний по Северной и Средней Греции, оставаясь при этом «горными пастухами» (Berghirten), от которых сам их образ жизни и условия ведения хозяйства требовали максимального рассредоточения, а не концентрации. Это вопрос оставляет без внимания также и Кирстен, особенно настаивающий на том, что продвижение дорийцев с северо-запада на юго-восток носило характер постепенного «просачивания» небольших кочевых групп в местности, занятые более развитым в культурном отношении населением. В представлении Хэммонда (Hammond, 1934, р. 156 ff.), отдельные дорийские филы пришли на Пелопоннес по разным путям: Гиллеи через Истм, а Диманы через Коринфский залив из Навпакта. Остается неясным, где они после этого могли вновь воссоединиться (ср.: Tomlinson, 1972, р. 54 f.).

⁶¹ Название местности Δορίς Тойнби считает производным от δόρυ в сравнительно редком для этого слова значении «впадина ладони» и отсюда «вообще впадина,

Более правдоподобной все же следует признать и сейчас еще разделяемое большинством историков мнение, согласно которому этот этникон непосредственно связан с другой Доридой, расположенной в Средней Греции и считавшейся, как было уже сказано, «метрополией» Спарты и всех вообще дорийских полисов Пелопоннеса, хотя что здесь первично и что вторично — этникон или топоним, пока остается неясным (из новейших работ см. в особенности: Kirsten, 1983, S. 366 f.). Мысль о приоритете малоазиатских колоний перед европейскими греками в процессе становления государства полисного типа, хотя ее разделяют с Тойнби также и некоторые другие авторы (Hasebroeck, 1931, S. 155 f.; Akurgal, 1962, S. 18; Ehrenberg, 1965, S. 10 f.; Bengtson, 1969, S. 59 f. Cp.: Starr, 1961, p. 335; Hammond, 1975, p. 14 ff.), все же не может считаться неоспоримо доказанной. Конечно, логичнее было бы предположить, что колонии в своем политическом развитии шли по стопам метрополий, а не наоборот. За рациональное зерно в концепции Тойнби, видимо, можно принять его догадку, впрочем, опять-таки не принадлежащую ему лично (впервые она была высказана еще М. Вебером и впоследствии не раз повторялась в научной литературе — см.: Weber, 1921, S. 96; 1923, S. 223; Heuss, 1969, S. 60, Anm. 10; Roussel, 1976, p. 5 sq.; 311), о том, что строго сбалансированная и, можно сказать, математически выверенная система из трех дорийских фил, так же как и типологически сходное с ней объединение четырех ионийских фил, могла возникнуть лишь в тесной органической связи с нарождающимся дорийским полисом как его структурная основа. По всей видимости, система эта сформировалась уже после прихода дорийцев на Пелопоннес, и, что кажется наиболее вероятным, первоначально эта форма политической организации была «открыта» в каком-то одном определенном месте, откуда она в дальнейшем распространилась в другие районы полуострова, занятые дорийцами, а также и на противоположащее побережье Эгейского моря, в азиатскую Дориду. Скорее всего, этой «колыбелью» общедорийской трибальной организации был Аргос, считавшийся «метрополией» большинства дорийских полисов, расположенных как в Европе, так и в Азии (Busolt, 1893, I, S. 210 ff.)⁶², и к тому же поддерживавший довольно тесные кон-

полость» (Toynbee, 1969, p. 46 f.). Если даже эта этимология соответствует действительности, название Δωρίς в значении «полое место» кажется более или менее подходящим только в применении к европейской Дориде, которая действительно представляла собой замкнутую со всех сторон горную долину, но никак не к азиатской, рельеф которой отличался большой сложностью, включая глубокие морские фьорды, далеко выдающиеся в море полуострова и большие острова вроде Коса и Родоса.

⁶² Руссель (Roussel, 1976, p. 224 sqq.), как нам кажется, справедливо связывает институционализацию трех фил с зарождением легенды о «возвращении Геракли-

такты с Аттикой (о них свидетельствуют в первую очередь археологические данные), где аналогичная форма устройства гражданского коллектива полиса, возможно, существовала в еще более раннее время.

Разумеется, какая-то естественно выросшая разновидность трибализма, или родоплеменного строя, была присуща дорийцам, как и всем вообще грекам, еще и в период их блужданий по горам и горным долинам северной периферии микенского мира⁶³. Но, как и всякая органически сложившаяся система, она была, по-видимому, намного более аморфной и вместе с тем лабильной, подвижной. Самое же главное ее отличие от того, что будет после, заключалось в том, что она не была еще унифицирована и не подчинялась единообразным принципам числовой симметрии, принятой большинством дорийских государств независимо от их местонахождения. Первоначально каждая дорийская племенная, а затем (после перехода к оседлости) и территориальная община, по-видимому, имела свой собственный набор гентильных союзов (фил и фратрий), которые могли встречаться и в других местах, но каждый раз уже в иных не повторяющихся комбинациях. Приблизительно такую ситуацию мы обнаруживаем уже в классическое и эллинистическое время по крайней мере в одном из районов дорийской Греции, а именно на Крите. Насколько позволяет судить дошедший до нас репрезентативный эпиграфический материал, три дорийские филы и вместе с ними многие другие, как принято считать, недорийские, состоявшие из представителей местного ахейско-минойского населения, гентильные объединения были беспорядочно рассеяны по всем критским полисам, так что за редкими исключениями в каждом из них могла существовать только одна дорийская фила и несколько недорийских (Busolt, Swoboda, 1926, II, S. 745; Latte, 1941, S. 997; Willetts, 1955, p. 254, n. 1). Можно, конечно, предположить, что эта парадоксальная ситуация возникла в результате раздельного поселения Гиллеев, Диманов и Памфилов в период освоения дорийцами территории острова. Более правдоподобной нам кажется, однако, другая гипотеза: в то время, когда первые «десантные» группы дорийцев прибыли на Крит то ли из Арголиды, то ли из какого-то другого района Пелопоннеса, трибальная система, включающая в свой состав все только что названные филы,

дов», полагая, что скорее, чем где бы то ни было, оба эти события могли произойти в Аргосе.

⁶³ Основанием для реконструкции древнейших прототипов дорийских, ионийских и других фил и фратрий могли бы стать гентильные организации отсталых племен Западной и Северной Греции: этолийцев, акарнанов, эпиротов, македонян и пр., если бы они были нам лучше известны по эпиграфическим и иным источникам (ср.: Roussel, 1976, p. 6).

еще не существовала⁶⁴. Не исключено, что многие из так называемых добавочных фил, обычно считающихся недорийскими, в действительности были такими же гентильными союзами дорийцев, как и филы Гиллеев, Диманов и Памфилов, и так же, как и они, были «транспортированы» на Крит с материка. По крайней мере, одна из этих фил — фила Эталеев (Αἰθαλεῖς), засвидетельствованная в четырех критских полисах: Малле, Дрере, Гортине и Кноссе, была известна также и в Аргосе (Latte, 1941, S. 998).

Итак, похоже, что правильный ответ на вопрос о происхождении дорийской трибальной организации и, видимо, также самих дорийцев следует искать, как это обычно бывает, где-то посередине между двумя крайностями, представленными гипотезами Шахермайра, с одной стороны, и Тойнби — с другой. Если справедлива разделяемая сейчас многими авторами, не исключая и названных только что Тойнби и Шахермайра, мысль о том, что переселение дорийцев было в сущности лишь частью более широкой волны миграционного движения северо-западной ветви греческой народности, причем само это движение носило характер не одноразового массивированного вторжения более или менее крупной орды или нескольких орд воинственных варваров на территорию Средней и Южной Греции, а постепенного, продолжавшегося в течение ряда столетий просачивания разрозненных пастушеских племен в пределы ранее недоступной им зоны культивируемого земледелия, то логично было бы предположить, что окончательное самоопределение дорийского этноса и его обособление не только от искони чуждых ему ионийцев и аркадских ахейцев, но и от близко родственных северо-западных греков произошло в одном из районов Пелопоннеса, скорее всего в Арголиде (ил. 34–35), очевидно, спустя какое-то время после того, как северные пришельцы перешли к прочной оседлости и хорошо освоились в новых для них местах.

Исторический приоритет Аргоса среди других дорийских государств Пелопоннеса не вызывает особых сомнений. В его пользу говорят и данные античной легендарной традиции, в первую очередь в данном случае, несомненно, заслуживающее внимания «свидетельство» легенды о «возвращении Гераклидов», согласно которой основатель дорийского Аргоса Темен считался старшим среди представителей третьего

⁶⁴ Этому предположению как будто противоречит эпитет *τριχάμης*, выделяющий дорийцев среди других народов Крита в известном пассаже «Одиссеи» (XIX, 175). Однако, если даже мы отвергнем, видимо, также имеющий право на существование второй перевод этого эпитета — «кудрявые», «волосатые» (от *τριξ*, *τριχός*), остается еще возможность его чисто автоматического использования в уже застывшей к концу VIII в. до н. э., когда создавалась гомеровская поэма, формуле «троплеменные дорийцы».

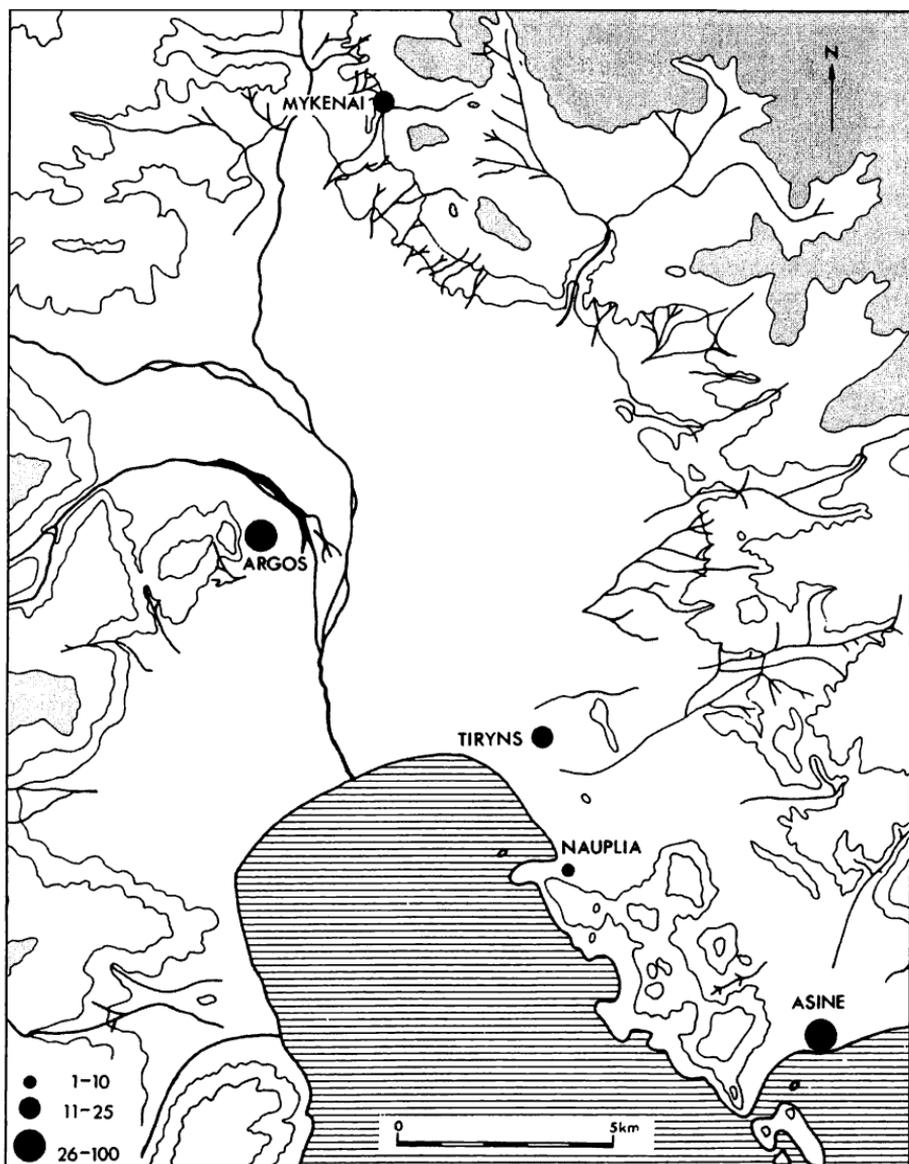
поколения потомков Геракла. Показательно, что даже спартанцы, постаравшиеся отредактировать текст легенды в своих собственных интересах (на это указывает прежде всего новелла о мошеннической проделке Кресфонта во время знаменитой жеребьевки при разделе между Гераклидами трех главных «доменов» Пелопоннеса), не решились оспаривать первенство династии Теменидов среди других дорийских династий. Археологические находки (прежде всего субмикенская и протогеометрическая керамика — *ил. 3б*) позволяют утверждать, что дорийское поселение (или группа поселений) в Аргосе возникло намного раньше, чем в Спарте⁶⁵, чего, по-видимому, и следовало ожидать, учитывая различия географического положения Лаконии и Арголиды. Кроме того, те же находки показывают, что уже в XI–X вв. до н. э. Арголида заметно опережала в своем культурном развитии все прочие области Пелопоннеса. В отличие от Лаконии, Мессении, Элиды, Ахайи и Аркадии, которые в течение всего этого периода и даже еще позже пребывали в состоянии затяжной стагнации, Арголида вместе с районом Истма вошла в состав общегреческого культурного сообщества, которое в это время начало формироваться в прибрежной полосе и на островах Эгейского бассейна. Было бы вполне закономерно, если бы этническое самосознание дорийцев впервые начало пробуждаться именно в этой части Пелопоннеса, входившей в зону наиболее оживленных контактов между представителями различных ветвей греческой народности. Из этого первоначального центра идея дорийского единства посредством своего рода идеологической инфекции постепенно распространилась также и на другие районы полуострова, но не на все, а только на те, где к тому времени уже начала складываться новая форма политической организации — полис. Показательно, что дорийцами стали себя считать, с одной стороны, граждане тех пелопоннесских и не пелопоннесских общин, которые были так или иначе связаны с Аргосом, частью находясь от него в прямой зависимости, как малые полисы Арголиды, Коринф, Сикион, Мегары и Эгина, частью считаясь его колониями, как некоторые полисы азиатской Дориды и Крита, с другой же стороны, спартанцы, в то время (IX–VIII вв. до н. э.) уже осуществлявшие энергичную экспансионистскую политику в Лаконии и Мессении и тем самым вовлеченные в длительное соперничество с Аргосом. Для них приобщение к дорийскому племени было в первую очередь делом политического

⁶⁵ Некоторые авторы склонны даже считать, что дорийцы, основавшие Спарту, пришли в долину Еврота из Арголиды (см., например: Nogvin, 1939, S. 250; Rubinson, 1975, p. 131). Нам эта догадка кажется маловероятной, если учесть то состояние культурной изоляции, в котором находилась Лакония в период предполагаемого основания Спарты, т. е. приблизительно в конце X в. до н. э.

Ил. 34. Субмикенские погребения в Арголиде

престижа, ибо только так они могли доказать другим грекам, что ни в чем не уступают своему главному противнику. В то же время за пределами дорийского сообщества оказались некоторые районы Пелопоннеса, хотя и заселенные родственными дорийцам племенами северо-западных

Ил. 35. Протогеометрические погребения в Арголиде

греков, но в отличие от них еще не достигшие в своем развитии стадии полиса. Сюда относятся Ахайя, Элида, Трифилия и, возможно, также Мессения, которая, как считают некоторые авторы, была по-настоящему доризирована только после завоевания ее спартанцами.

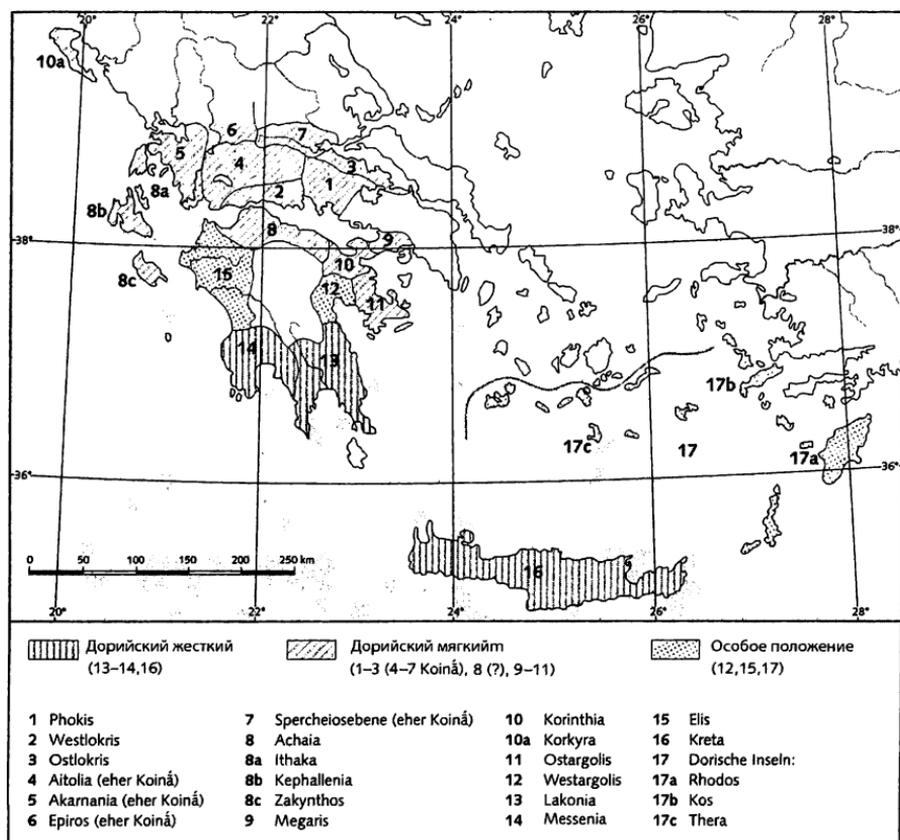

Ил. 36. Образцы керамики Арголиты периода темных веков:

1, 3, 4 — «промежуточная» с южного кладбища Аргоса; 2 — крышка вазы в виде иглы, там же; 5–7 — субмикенская, там же; 8, 9 — «промежуточная» из Азины; 10–13 — протогеометрическая, там же

Как было уже сказано, конкретными проявлениями этнического своеобразия дорийцев и их, так сказать, неперемненными атрибутами обычно считаются специфическая форма трибальной организации, некоторые сравнительно немногочисленные культы и празднества и соответствующие им месяцы календаря и, наконец, особый дорийский диалект. Что касается двух первых отличительных признаков дорийского этноса, то они вполне могли появиться у различных разделенных иногда довольно большими расстояниями его ветвей в результате, как мы это и предположили уже ранее, диффузии, исходящей из какого-то одного центра, где эти признаки первоначально возникли. Но если мы попытаемся таким же способом объяснить и засвидетельствованные позднейшими в основном эпиграфическими источниками широкое распространение дорийского диалекта, то рискуем оказаться в довольно-таки затруднительном положении. Гипотеза «идеологической инфекции», к которой мы прибегли выше, здесь вряд ли способна нам помочь, поскольку продвижение в различных направлениях той или иной языковой формы едва ли может осуществиться при отсутствии ее живых носителей, т. е., попросту говоря, людей, для которых данный диалект является родным языком.

А. Тойнби устраняет эту помеху, стоящую на пути его концепции, чрезвычайно простым способом. В его понимании, особый дорийский диалект, общий для всех дорийцев независимо от места их проживания, есть не что иное, как фикция, лишенная всякого конкретного содержания и возникшая в воображении современных лингвистов, пытавшихся таким образом привести в соответствие известные им разновидности греческого языка с сообщениями античной полулегендарной традиции о расселении основных ветвей греческой народности. В действительности, как думает Тойнби, жители дорийских полисов говорили на том же самом северо-западногреческом диалекте (или, точнее, диалектах), на котором говорили и их ближайшие соседи по Пелопоннесу — обитатели Ахайи и Элиды и более удаленные представители той же языковой группы: этолийцы, акарнаны, локры, фокейцы, эпироты (Тоупбее, 1969, р. 38 ff.). Этот аргумент может показаться «слишком сильным» лишь тем ученым (в основном историкам, а не лингвистам), которые все еще остаются в плену привычной, унаследованной от античной эпохи трехдиалектной системы греческого языка, согласно которой он искони делился на три основные ветви: ионийскую, эолийскую, или ахейско-эолийскую, и дорийскую. В современной лингвистике был выработан целый ряд довольно сильно различающихся между собой схем, создатели которых пытались так или иначе отразить всю сложность и многообразие путей развития греческого языка во II—I тыс. до н. э. (см. их

Карта 11. Распространение дорийско-северо-западногреческих диалектов

суммарную сводку в книге Schmitt, 1977, S. 129 ff.). Во всех этих схемах дорийский диалект неизменно объединяется с Северо-Западногреческими диалектами в одну общую группу западных или (у некоторых авторов) северных диалектов (карта 11). В некоторых работах вся эта группа фигурирует под условным наименованием «дорийские диалекты». Фонетическая, морфологическая и иная специфика собственно дорийских диалектов до сих пор остается практически невыявленной, что затрудняет проведение четкой разграничительной линии между этой, как принято думать, особой разновидностью и всей остальной массой западногреческих диалектов. По существу ни в одной из предпринятых в последнее время попыток классификации западных диалектов эта специфика (если даже она существует) вообще не учитывается и разграничение между различными их подвидами основывается совсем на дру-

гих принципах. Так, чешский лингвист Бартонек указывает в своей работе, специально посвященной этой проблеме (Bartoněk, 1972, p. 209), что «Взаимное сравнение западных греческих диалектов классической эры... создает впечатление, что дорийский (диалект. — Ю. А.) был в конце II тыс. до н. э. более или менее единообразным диалектом, по крайней мере, постольку, поскольку это относилось к (его) фонологическим и морфологическим чертам». Процесс дифференциации дорийских или западногреческих диалектов начался, по мнению того же автора, только около 1000 г. до н. э., т. е. в то время, когда дорийцы уже расселились на Пелопоннесе. Его основным результатом было разделение всех дорийских диалектов на две группы: северную группу «мягкого дорийского диалекта» (*mild Doric*), для которой было характерно так называемое «компенсаторное удлинение» гласных, перенятое дорийцами у их предшественников — микенских греков, и южную группу строгого дорийского диалекта (*strict Doric*), которой эта черта была не свойственна. В состав первой группы Бартонек включает диалекты Акарнании, Этолии, Западной и Восточной Локриды, Фокиды, района Истма с Коринфом и Мегарами и Восточной Арголиды, в состав второй — диалекты Западной Арголиды с долиной реки Инаха, Ахайи, Лаконии, Мессении, Крита и других островов Южной Эгеиды⁶⁶. Особое положение как бы на стыке этих двух групп занимает, по мнению того же автора, диалект Элиды (*Ibid.*, p. 97 ff.; 211 ff.). Как мы видим по крайней мере в одном достаточно важном своем аспекте концепция Тойнби находит веское подтверждение в данных современной лингвистики. Встав на его точку зрения, мы можем рассматривать собственно дорийцев как общность скорее культурно-политического, чем чисто этнического порядка.

* * *

Раздел своей книги, посвященный дорийской проблеме, Тойнби заканчивает цитатой из У. Лифа, который писал еще в 1915 г.: «Когда я говорю... о “Дорийском” вторжении, я использую этот термин, подразумевая, в первую очередь, передвижение, которое привело на Пелопоннес новые примитивные племена, которые впоследствии в Спарте, Коринфе и Аргосе были названы “дорийцами”, но он (т. е. этот термин. — Ю. А.) должен охватывать также, по крайней мере, этолийцев, которые в это или около этого же времени заняли Элиду; и в еще более

⁶⁶ Обособление отдельных локальных диалектов внутри каждой из этих групп, по-видимому, произошло уже в течение архаического периода. Так, особый лаконский диалект сформировался едва ли ранее VIII в. до н. э. (Cartledge, 1979, p. 102).

общем смысле он может быть принят как обозначение всей великой волны (миграций), которая потрясла Ахейскую державу, включая даже продвижение беотийцев из Фессалии на юг. Используемое в этом смысле словосочетание «дорийское вторжение» представляет собой не более, чем стенографическую формулу для обозначения всего великого переселения народов (Völkerwanderung) с севера и северо-запада, которое изменило облик Греции в конце XII и, вероятно, в течение XI в.» (Leaf, 1915, p. 333. Ср.: Hammond, 1934, p. 164, 170 f.; Toynbee, 1969, p. 20 ff.; Полякова, 1983, с. 102). Сближение так называемого «дорийского вторжения» с Великим переселением народов, ознаменовавшим переход от античности к средневековью (аналогия, которую охотно используют помимо Лифа также и многие другие авторы), вероятно, оправдано лишь отчасти и в целом способно мистифицировать читателя. Как было уже замечено, передвижения крупных племенных масс по территории Греции, более или менее соответствующие формуле «Великое переселение народов», были характерны лишь для периода крушения микенского миропорядка (конец XIII–XII вв. до н. э.)⁶⁷. «Дорийское завоевание», увенчавшееся возникновением первых дорийских поселений на Пелопоннесе, на Крите, Родосе и в других местах, носило уже иной характер, представляя собой продолжавшееся никак не менее двух столетий (XI–X вв. до н. э.), а может быть, даже и более того, хаотичное передвижение разрозненных родоплеменных групп северо-западных греков, т. е. выходцев из Этолии, Эпира, Македонии и Западной Фессалии, кочевавших со своими стадами по всей территории балканской Греции и постепенно переходивших к оседлому образу жизни и регулярным занятиям земледелием на опустошенных и в значительной мере покинутых своими прежними обитателями землях уже не существующих более микенских государств.

Тем не менее Лиф, безусловно, был прав, акцентируя внимание читателя на условности самого термина «дорийское вторжение», вытекающей из того, что миграции, завершившиеся, видимо, после целого ряда перипетий, которые остались неизвестны авторам сочиненной много позже легенды о «возвращении Гераклидов», основанием первых до-

⁶⁷ Р. Томлинсон (Tomlinson, 1972, p. 54 ff.) сравнивает варварские орды, атакующие микенские цитадели в XIII–XII вв. до н. э., с опустошавшими территорию Западной Римской империи полчищами Алариха, Гензериха, Атилы, отмечая крайнюю непрочность и эфемерность как тех, так и других, которые вели их к распаду почти сразу же вслед за достижением ими первых крупных успехов. Поэтому массовые опустошительные набеги племенной орды дорийцев на ахейские государства быстро сменились (после гибели этих государств) беспорядочным продвижением на юг небольших разрозненных групп переселенцев.

рийских полисов — Аргоса, Спарты, Коринфа и других, — были лишь частью гораздо более широкого и сложного демографического процесса, конечным результатом которого действительно было радикальное изменение всего облика греческого мира. Выражение «дорийское вторжение», или «дорийское завоевание», должно расцениваться как в достаточной мере условная формула еще и потому, что сами дорийцы выделились как особая этническая общность из крайне пестрой и неоднородной массы северо-западногреческих племен лишь в сравнительно позднее время (окончательно этот процесс завершился, по-видимому, лишь в VIII–VII вв. до н. э.). Справедливость основной идеи Лифа вполне подтверждается тем фактическим материалом, который нам удалось собрать в этой главе. Развивая дальше это важное положение, вероятно, следовало бы еще добавить, что, поскольку дорийцы пришли на Пелопоннес, на Крит и т. д. не в виде сплоченного племенного сообщества с уже устоявшимися общими для них всех социальными институтами, формами материальной культуры, диалекта и т. п., а в виде разрозненных пастушеских кланов и триб⁶⁸, каждая из которых имела свою особую судьбу, свой маршрут скитаний и прочее, историческое своеобразие отдельных дорийских государств, особенности путей их развития не могут быть объяснены исходя из того, что мы можем сейчас предположить, размышляя о их общем историческом прошлом. В каждом конкретном случае истоки этого своеобразия следует искать в том особом стечении географических и исторических обстоятельств, которое содействовало становлению данного конкретного государства.

⁶⁸ О первоначальном предшествующем завоеванию Пелопоннеса единстве всех дорийцев см.: Meyer, 1893, S. 267. Ср.: Tomlinson, 1972, p. 54 ff.

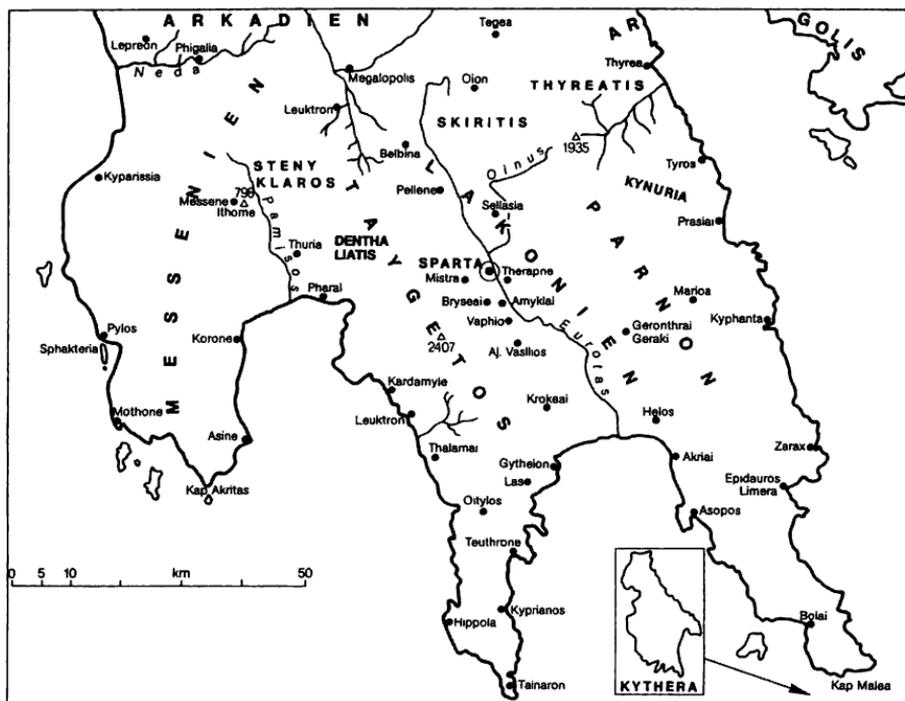
Глава II

ДОРИЙЦЫ В ЛАКОНИИ. ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА МЕСТЕ СПАРТЫ (в свете письменной традиции и археологических данных)

1. ПРЕДАНИЕ О ДОРИЙСКОМ ЗАВОЕВАНИИ ЛАКОНИИ

В греческой историографии мы находим две явно противоречащие друг другу версии предания о завоевании дорийцами Лаконии. Согласно одной из них, дорийцы под предводительством то ли братьев-близнецов Еврисфена и Прокла, то ли еще бывшего в то время в живых их отца Аристодема овладели сразу всей территорией Лаконии от северных отрогов Тайгета, отделявших ее от Аркадии, вплоть до мысов Тенар и Малая, образующих крайние южные оконечности Пелопоннеса (*карта 12*).

По другой версии, завоевание Лаконии продолжалось никак не менее двух или даже трех столетий. Закрепившись сначала в центральной части долины Еврота на том месте, где позже был основан город Спарта — столица Лакедемонского государства, дорийцы начали постепенно расширять свои владения сначала в северном, а затем в южном направлении, преодолевая упорное сопротивление местного, по всей видимости, в основной своей части ахейского населения. Особенно долго боролись за свою независимость ближайшие соседи спартанцев на юге — обитатели города Амиклы. После присоединения Амикл спартанцы, видимо, уже без большого труда покорили всю Южную Лаконию с городом Гелосом недалеко от устья Еврота и, таким образом, проложили себе дорогу к морю. Произошло это уже в VIII в. до н. э. (приблизительно в середине этого столетия и, следовательно, согласно той же традиционной хронологии, незадолго до начала I Мессенской войны).

Карта 12. Южный Пелопоннес

Первая из этих двух версий предания, сводящая заселение дорийцами Лаконии к одной стремительной военной кампании, несомненно, возникла в тесной связи с легендой о «возвращении Гераклидов». Придерживающиеся ее авторы (в основном мы видим среди них писателей IV в. до н. э.: Платона, Исократ, Эфора)¹ явно ориентировались на известную историю о разделе Пелопоннеса по жребию на три части между потомками Геракла — родоначальниками четырех царских династий, правивших в Аргосе, Спарте и Мессении. Хотя в самой легенде обо всем этом говорится очень скупо, было бы логично предположить, что Гераклиды сначала совместными усилиями отвоевали у ахейцев весь Пелопоннес или по крайней мере большую его часть, а потом уже устроили знаменитую жеребьевку (так, во всяком случае, изображает последовательность событий Аполлодор — Apollod. II, 8).

¹ Впрочем, уже Пиндар (Pind. Pyth. I, 64) видел главную цель похода Гераклидов на Лаконию в захвате Амики, вероятно, полагая, что, завладев этим важным населенным пунктом, они должны были обеспечить себе господство над всей этой частью Пелопоннеса.

Наиболее обстоятельным изложением этой версии предания может считаться рассказ Эфора, сохранившийся в передаче Страбона (Ephor.-Strab., С. 364–365). По сообщению Эфора, Лаконию выдал Гераклидам некий Филоном (вероятно, наместник Тисамена, которому до прихода дорийцев принадлежал весь Пелопоннес). В благодарность за это Гераклиды отдали ему в управление Амиклы. Сами Гераклиды — Еврисфен и Прокл — сделали своей резиденцией Спарту и оттуда управляли всей остальной Лаконией через своих наместников-царей, которых они посылали в другие лаконские города, причем вся страна была разделена на шесть округов. Далее Эфор сообщает, что жители этих окрестных зависимых от Спарты городов уже тогда именовались «периеками», хотя положение их первоначально почти ничем не отличалось от положения самих спартиатов (по словам историка, они могли принимать участие в делах государства и занимать различные должности). Однако в дальнейшем их положение резко изменилось в худшую сторону. Агис, сын Еврисфена, лишил периеков их прав и обязал платить Спарте дань. Все прочие подчинились этому повелению. Одни лишь жители приморского города Гелоса подняли восстание, были побеждены спартиатами и превращены в рабов-илотов.

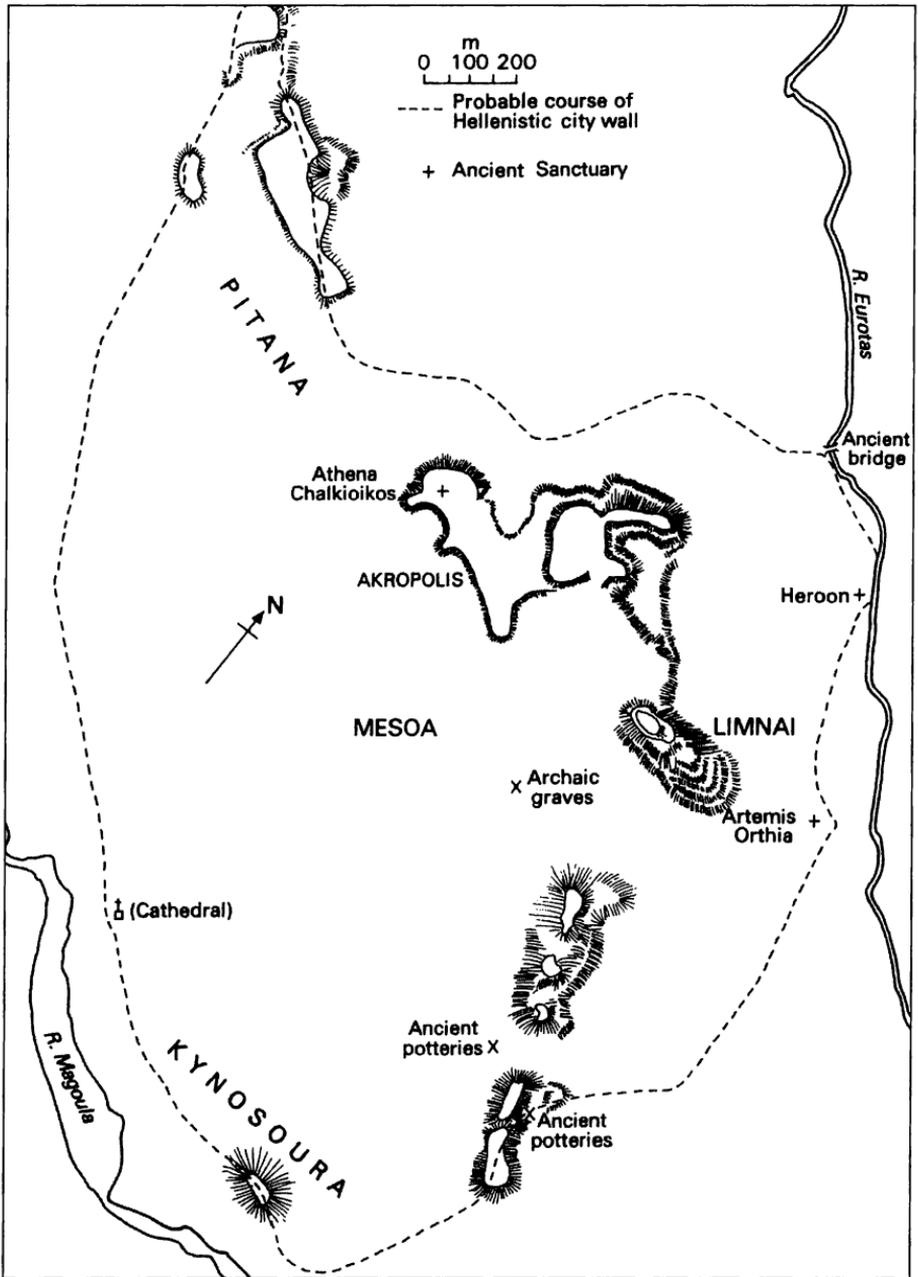
Другой вариант предания, в котором территориальный рост Спартанского государства представлен не как однозначный, занявший сравнительно короткое время акт завоевания, а как длительный и сложный процесс военной экспансии, дошел до нас в изложении Павсания, автора знаменитого «Описания Эллады» (Paus. III, 2, 2–7; 7, 2–5). Хотя и относящееся к довольно позднему времени (II в. н. э.), это сочинение, безусловно, не заслуживает того пренебрежительного отношения, которое нередко выказывают к нему современные историки (см., например, Starr, 1965, p. 258 ff. Ср.: Jacoby, 1943; Huxley, 1962). Вполне вероятно, что свою информацию по истории ранней Спарты Павсаний черпал из каких-то местных лаконских источников, может быть из какого-нибудь хронографического сочинения, содержавшего исторические комментарии к спискам царей из династий Агиадов и Еврипонтидов и опиравшегося на местную фольклорную традицию. Во всяком случае, сам рассказ Павсания о спартанском завоевании Лаконии производит гораздо более правдоподобное впечатление, чем эффектная, но явно фантастическая картина, созданная Эфором.

Исходя из всего того, что было уже сказано о характере и продолжительности племенных миграций в XII–X вв. до н. э., следует признать совершенно невероятными домыслы Эфора о создании сразу же вслед за приходом дорийцев в долину Еврота большого централизованного государства, охватывавшего всю Лаконию и имевшего четко оформлен-

ную административную структуру, которой, нелишне будет заметить, не обладал даже и классический Лакедемон в V–IV вв. до н. э. Трудно поверить также и в столь раннее, как пытается уверить нас Эфор, образование трех основных классов спартанского общества: спартиатов, илотов и периеков.

Небольшие разрозненные группы дорийских переселенцев, по-видимому, селились на территории Лаконии вразброс и иногда на большом удалении друг от друга, сообразуясь лишь с условиями местности: наличием массивов плодородной земли, проточной воды, корма для скота и т. п. Основанные ими поселения первоначально, скорее всего, нигде не образовывали сплошных протяженных зон с преимущественно дорийским населением и были очень слабо между собой связаны не только в политическом, но также в экономическом и культурном отношении. В своем подавляющем большинстве эти поселения, по всей видимости, были открытыми, неукрепленными деревнями-комами, хотя некоторые из них могли располагаться в местах, укрепленных самой природой, — на обрывистых холмах и возвышенностях. О том, что образ жизни первых дорийских поселенцев в Лаконии был именно таков, лучше всего свидетельствует пример Спарты, которая еще во времена Фукидида оставалась «несиноикизированным полисом» и «была заселена по древнему обычаю Эллады по деревням» (Thuc. I, 10, 2: οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως... κατὰ κώμας δὲ τῶ παλαιῶ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης). Нам известны названия четырех древнейших спартанских ком: Питана, Лимны, Месоа и Киносурa (*карта 13*), из которых, очевидно, состояло первоначальное гнездо поселений, основанных дорийцами на правом берегу Еврота на месте будущего полиса — Спарты (Toynbee, 1969, p. 171; Busolt, 1972, II, S. 645 f.; Cartledge, 1979, p. 106; Kirsten, 1983, S. 370 ff.). Впоследствии (вероятно, в IX или VIII в. до н. э.) к ним были присоединены Амиклы, вошедшие в состав спартанского полиса в качестве его пятого территориального округа (Cartledge, 1979, p. 107 f. Ср.: Busolt, 1972, S. 645). Не исключено, что другие группы дорийцев, пришедшие то ли одновременно с теми, которые поселились в Спарте, то ли после них, обосновались в других частях долины Еврота либо к северу от Спарты, либо, наоборот, к югу от нее в обоих случаях, вероятно, вперемешку с уже существовавшими на этой территории ахейскими общинами.

Склонность первых дорийских поселенцев Лаконии к жизни в неукрепленных деревнях типа древних спартанских ком может восприниматься либо как свидетельство присущего им сознания своего военного превосходства над местным додорийским населением (так и в гораздо более поздние времена спартанцы отказывались обносить стеной свой

Карта 13. Локализация спартанских ком

город, выказывая тем самым гордое пренебрежение к численно намного превосходившим их периекам и илотам), либо как доказательство крайней малочисленности этого населения, в силу этого не представлявшего для пришельцев сколько-нибудь серьезной угрозы. Это последнее предположение как будто неплохо согласуется с имеющимися в наличии показаниями археологических источников, зарегистрировавших резкий демографический спад на всей территории Лаконии в XII–XI вв. до н. э., спад, который, по мнению некоторых авторов, привел едва ли не к абсолютному обезлюдению всей этой части Пелопоннеса. Эта чрезмерно пессимистическая оценка ситуации, предшествовавшей приходу дорийцев в долину Еврота, однако, оказывается в явном противоречии с недвусмысленными свидетельствами античной традиции, показывающими, что человеческая жизнь в этом районе никогда полностью не прерывалась.

Правда, письменные источники сообщают о довольно значительном оттоке населения из Лаконии, приходящемся, по всей видимости, в основном на XII–XI вв. до н. э., хотя отдельные миграции и вывод колоний за пределы Пелопоннеса продолжались также и в еще более позднее время, т. е. в X–IX вв. до н. э. По данным античной традиции, лаконскими эмигрантами были основаны поселения в Ахайе (Патры — Paus. III, 2, 1)², а также на Крите и на Кипре. Так, в основании кипрских городов Лапаф и Керинья принимали участие выходцы из лаконских Терапн, что позволяет датировать обе эти колонии XII или даже концом XIII в. до н. э., когда, по всей видимости, погибли Терапны. На Кипре существовал даже город, носивший гордое имя Лакедемон, вероятно, также основанный ахейскими колонистами из Лаконии. В других случаях не удается провести четкую грань между ахейскими и дорийскими колониями, выведенными из Лаконии, что затрудняет, в частности, возможность их точной датировки. При почти полном отсутствии археологического материала трудно сказать что-либо определенное, например, о времени основания Литта, или Ликта, на Крите, поселений на Фере и Мелосе и др.

Тем не менее мы располагаем достаточными данными для того, чтобы утверждать, что весьма значительная часть додорийского, ахейского, населения оставалась на территории Лаконии на протяжении всего периода темных веков, а также и после его окончания. Согласно обеим дошедшим до нас версиям предания о дорийском завоевании Лаконии — версии Эфора и версии Павсания, дорийцы, пришедшие откуда-то с севера

² Павсаний (Ibid.) упоминает о помощи, будто бы оказанной лакедемонянами Гра, правнуку Ореста, основавшему колонии в азиатской Эолиде.

в долину Еврота, нашли там многочисленное туземное население, которое частью добровольно покорилось пришельцам, частью вступило с ними в борьбу. В результате одна его часть, а именно та, которая сразу и добровольно признала власть завоевателей, сохранила свою свободу и вошла в состав Лакедемонского государства на положении так называемых периеков, другая же после более или менее продолжительной борьбы была вынуждена подчиниться силе оружия и образовала основную массу спартанских рабов-илотов. Причем, по версии Эфора, все это произошло уже при втором царе из династии Агиадов — Агисе I, тогда как, согласно более правдоподобной версии Павсания, первые илоты из числа жителей разрушенного спартанцами приморского города Гелоса появились лишь при девятом царе из той же династии — Алкамене (Paus. III, 2, 7)³. Предание, связывающее термин ἑλωτες с названием лаконского города Ἐλος, восходит, по всей видимости, к известному писателю-логографу V в. до н. э. Гелланику Лесбосскому (Hellenic. 188 = FGrHist, I, p. 104). Современные ученые в большинстве своем отвергают эту этимологию, исходя из чисто лингвистических соображений. Этнокон, соответствующий топониму Ἐλος, скорее всего, имел бы форму Ἐλεῶται или, может быть, Ἐλεῖοι, но никак не Ἐλωτες. Более вероятным кажется другое происхождение этого слова — от глагола ἐλεῖν — ἄλλοχεῖσται («захватывать», «брать в плен»). Термин ἑλωτες можно понять как Part. Perf. Pass. от этого глагола со значением «пленник» (о расселении основной массы лаконских илотов вблизи Гелоса см.: Bintliff, 1977; Cartledge, 1979, p. 97). Каково бы ни было, однако, происхождение слова «илоты», в современной научной литературе достаточно прочно утвердился унаследованный от античной эпохи взгляд на эту категорию зависимого населения как на потомков поработанных дорийскими завоевателями лаконских ахейцев, хотя сам процесс становления спартанской илотии сейчас может быть реконструирован лишь в самых приблизительных своих очертаниях (Лурье, 1940, с. 173 сл.). Что касается периеков, то, по мнению современных историков, состав этой социальной группы мог быть довольно пестрым. Скорее всего, она включала в себя три основных элемента: 1) спартанских колонистов, сильно ограниченных в своих гражданских правах по сравнению с жителями метрополии; 2) переселенцев из других районов Пелопоннеса, например из Арголиды, которым спартанцы предоставили место для поселения на своей

³ Впрочем, согласно тому же автору (Paus. III, 2, 5), еще до этого (при Архелаяе, пятом царе из династии Агиадов) спартанцы обратили в рабство жителей пограничного с Аркадией города Эгиса. Неясно, однако, были они обычными рабами или же уже имели статус илотов.

территории, и, наконец, 3) граждан древних лаконских полисов, возможно, существовавших еще до начала дорийского вторжения, которые добровольно или после непродолжительного сопротивления признали над собой власть Спарты и вошли в состав Лакедемонской федерации на правах одновременно союзников и подданных полиса-гегемона (Forrest, 1969, p. 30 ff.; Oliva, 1971, p. 55 ff.; Cartledge, 1979, p. 178 ff., 1995). Установить точное процентное соотношение между этими тремя категориями переицеков не представляется возможным. Тем не менее наиболее вероятным можно считать предположение, согласно которому основную их массу составляли остатки ахейского или, может быть, смешанного ахейско-дорийского населения Лаконии, существовавшего еще до окончательного завоевания Спартой всей этой части Пелопоннеса. Косвенным подтверждением справедливости довольно часто высказываемой догадки о длительном сосуществовании пришлого дорийского и коренного ахейского населения Лаконии в условиях относительного политического равновесия и культурного взаимодействия этих двух этнических групп могут служить дошедшие до нас скудные, но вместе с тем довольно красноречивые лингвистические данные и некоторые сведения из истории лаконских культов. Хотя спартанский вариант дорийского или, точнее, северо-западногреческого диалекта на долгое время стал общепринятым официальным языком всего Лакедемонского государства, о чем мы можем судить по многочисленным, хотя в массе своей довольно поздним (уже эллинистического и римского времени) лаконским надписям (Bourguet, 1927), отдельные реликты дорийского языкового субстрата встречаются в эпиграфических текстах еще в VI–V вв. до н. э. (Solmsen, 1907; Kiechle, 1963, S. 14. 102 f.). Так, ахейская (близкая к аркадской и микенской) форма имени Посейдон — Ποσειδών вместо обычного дорийского Ποτειδών зафиксирована в нескольких надписях архаического и классического периодов, найденных в святилище этого божества на мысе Тенар, в районе Гелоса и Фурий, и неподалеку от Амикл (Jeffery, 1961, p. 200, no. 34). Сами места находок этих надписей (святилище Посейдона на Тенаре служило убежищем для беглых илотов; вокруг Гелоса и Фурий, по всей видимости, концентрировалась основная масса порабощенного населения Лаконии; Амиклы, вероятно, оставались по преимуществу ахейским поселением также и после их инкорпорации в состав спартанской гражданской общины) показывают, что в своем более или менее чистом виде элементы древней ахейской речи, как и связанные с ними верования, могли сохраняться среди различных социальных слоев спартанского общества, являющихся остатками до-дорийского этнического субстрата (о языке илотов см.: Toynbee, 1969, p. 164, n. 4). В самой Спарте вплоть до римского времени пользовались

широким почитанием официально признанные додорийские и даже догреческие культы, в том числе культы Менелая и Елены, имевших общее святилище в так называемом Менелайоне, культы Агамемнона и Клитемнестры, Ореста, Диоскуров, древнейший культ Гиакинфа, особо почитавшийся в соседних со Спартою Амиклах, и др. (Kiechle, 1963, p. 95 ff.; Тоунбе, 1969, p. 168).

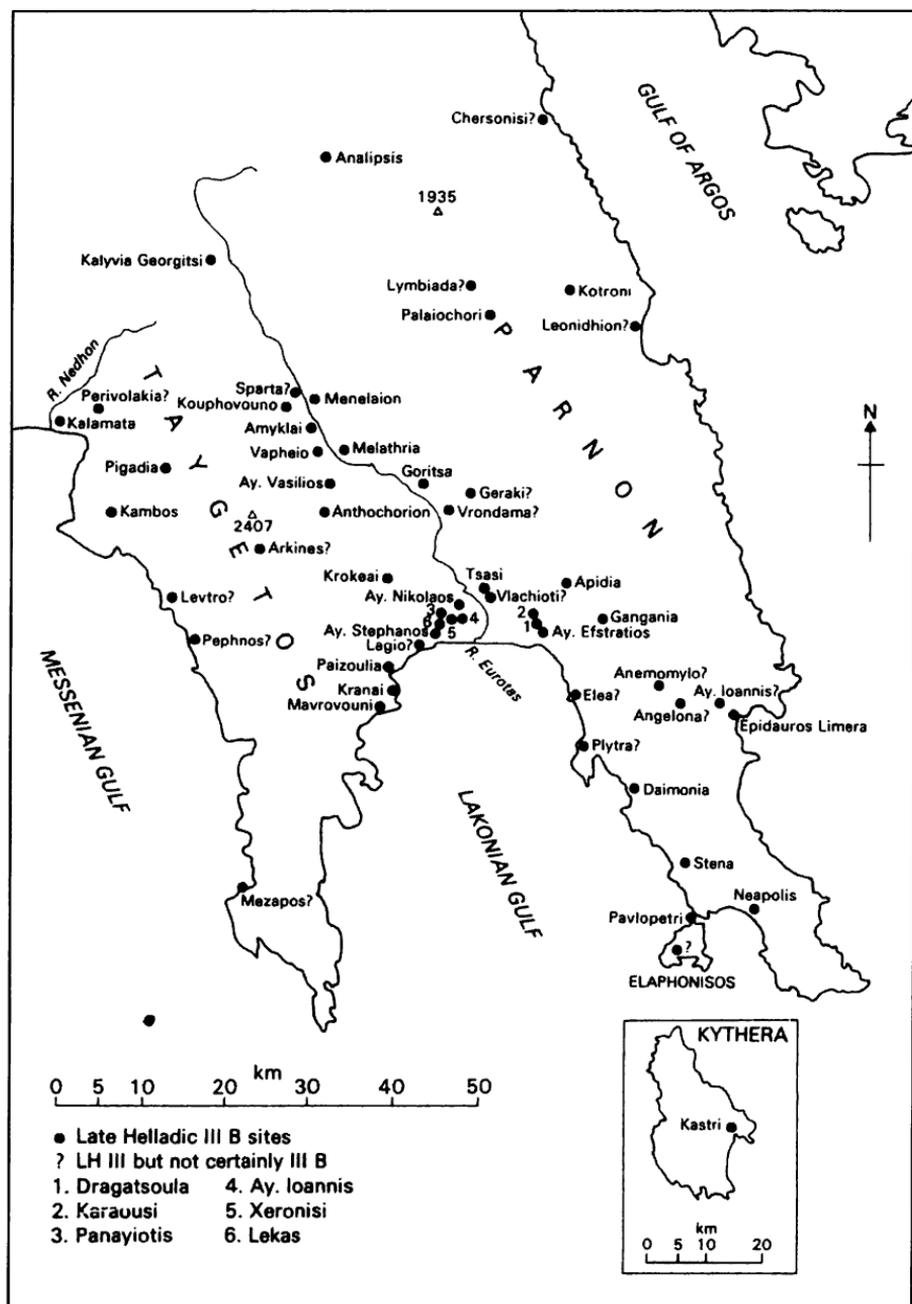
Итак, основываясь только на данных письменной традиции, мы вправе сделать вывод, что ситуация, сложившаяся в Лаконии после прихода дорийцев, характеризовалась длительным, продолжавшимся никак не менее полутора столетий сосуществованием северных пришельцев с остатками коренного ахейского населения страны. Это последнее, хотя и сильно сократившееся в числе за несколько веков послемикенского упадка и регресса, все же имело еще достаточно сил для того, чтобы удерживать в своих руках такие важные ключевые пункты, как Амиклы и Гелос, от обладания которыми в конечном счете зависел исход борьбы за господство над долиной Еврота (ср.: Kirsten, 1983, S. 396 f.) Взятое во всей своей совокупности население Лаконии в этот промежуточный период, очевидно, представляло собой довольно пестрый и разнородный этнический конгломерат, в состав которого наряду с чисто дорийскими или чисто ахейскими общинами могли входить и смешанные ахейско-дорийские общины, и некоторые другие этнические элементы, не связанные прямо с какой-либо из этих двух основных групп. Примером такого рода случайных вкраплений может служить загадочный народ миниев, первоначально, согласно сообщению Геродота (Hdt. IV, 145–149), обитавший где-то в отрогах Тайгета, затем инкорпорированный в состав гражданской общины спартиатов, а еще позже частично выселившийся из Лаконии на остров Фера и в другие места.

2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

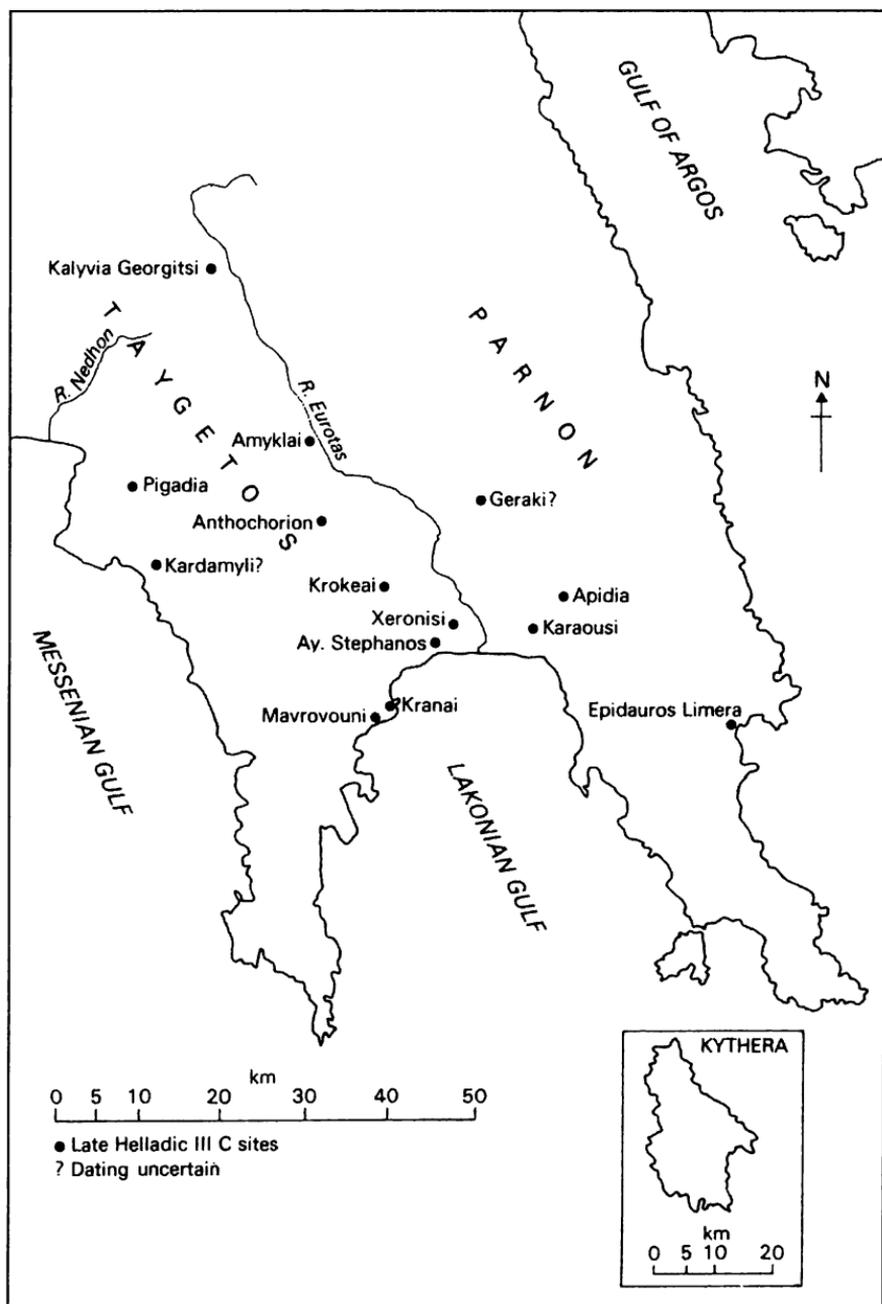
Посмотрим теперь, в какой мере эта воссозданная на основе сравнительного анализа письменных источников картина дорийского проникновения в Лаконию подтверждается или, напротив, опровергается археологическими данными. Как было уже отмечено, имеющийся в нашем распоряжении пока еще довольно скудный археологический материал позволяет считать Лаконию, как и весь вообще Южный Пелопоннес, одним из тех районов Греции, которые особенно сильно пострадали уже на начальных этапах миграционного движения в конце XIII–XII вв. до н. э. Правда, до сих пор следы разрушений, которые можно было бы с уверенностью датировать этим временем, удалось обнаружить лишь

в одном месте — на небольшой возвышенности на левом берегу Еврота, примерно напротив «классической» Спарты, там, где в позднейшие времена стояло святилище Менелая и Елены (Менелайон). Находившаяся здесь довольно крупная микенская постройка — так называемый «господский дом» (mansion) была уничтожена пожаром вместе с окружающим его поселением по-видимому, в конце XIII в. до н. э., т. е. примерно в то же самое время, когда погиб и «дворец Нестора» в Пилосе, серьезно пострадали цитадели Микен и Тирифа и некоторые другие политические центры Микенской Греции (Bintliff, 1977, II, p. 411), хотя мы пока еще не знаем, существовала ли непосредственная связь между этой изолированной и, может быть, вызванной какими-то случайными причинами катастрофой и аналогичными событиями, происходившими в других местах (ср.: Cartledge, 1979, p. 66). Как бы то ни было, основные черты кризисной ситуации, характеризующие последнее столетие истории микенской цивилизации, выступают в Лаконии не менее, а может быть, и более ясно, чем в других районах тогдашнего греческого мира. Археология свидетельствует о резком сокращении численности населения уже в хронологических рамках XII в. до н. э. По данным Картлidge (Ibid., p. 68), из тридцати девяти поселений, существовавших на территории Лаконии в ПЭ IIIВ периоде, в следующем ПЭ IIIС периоде осталось не более пятнадцати (из них только семь засвидетельствованы более или менее надежно — карты 14, 15).

Выше мы уже попытались дать общую оценку обстановки, сложившейся в Греции в конце микенской эпохи, рассмотрев и взвесив наиболее правдоподобные объяснения причин, обусловивших ширококомасштабный кризис, а затем упадок и гибель микенской государственности и культуры. Исходя из уже сформулированной в первом разделе гипотезы события в Лаконии могут быть интерпретированы как одно из проявлений первой волны племенных миграций, сопровождавшейся опустошениями обширных территорий в основной сельскохозяйственной зоне микенских государств и массовым оттоком населения из наиболее пострадавших от этого вторжения районов. Кто были непосредственные участники этого вторжения или серии вторжений, мы не знаем, хотя ничто не мешает нам предположить, что это были по преимуществу бродячие пастушеские племена, говорившие на различных северо-западногреческих диалектах, но, видимо, еще не дорийцы, так как особый дорийский этнос в то время еще не существовал. Основная их масса, разграбив и опустошив все, что было в пределах ее досягаемости, затем вернулась к своему обычному кочевому образу жизни, и лишь небольшие группы пришельцев (разрозненные сегменты кочевой орды) осели в среде местного еще оставшегося микенским по языку

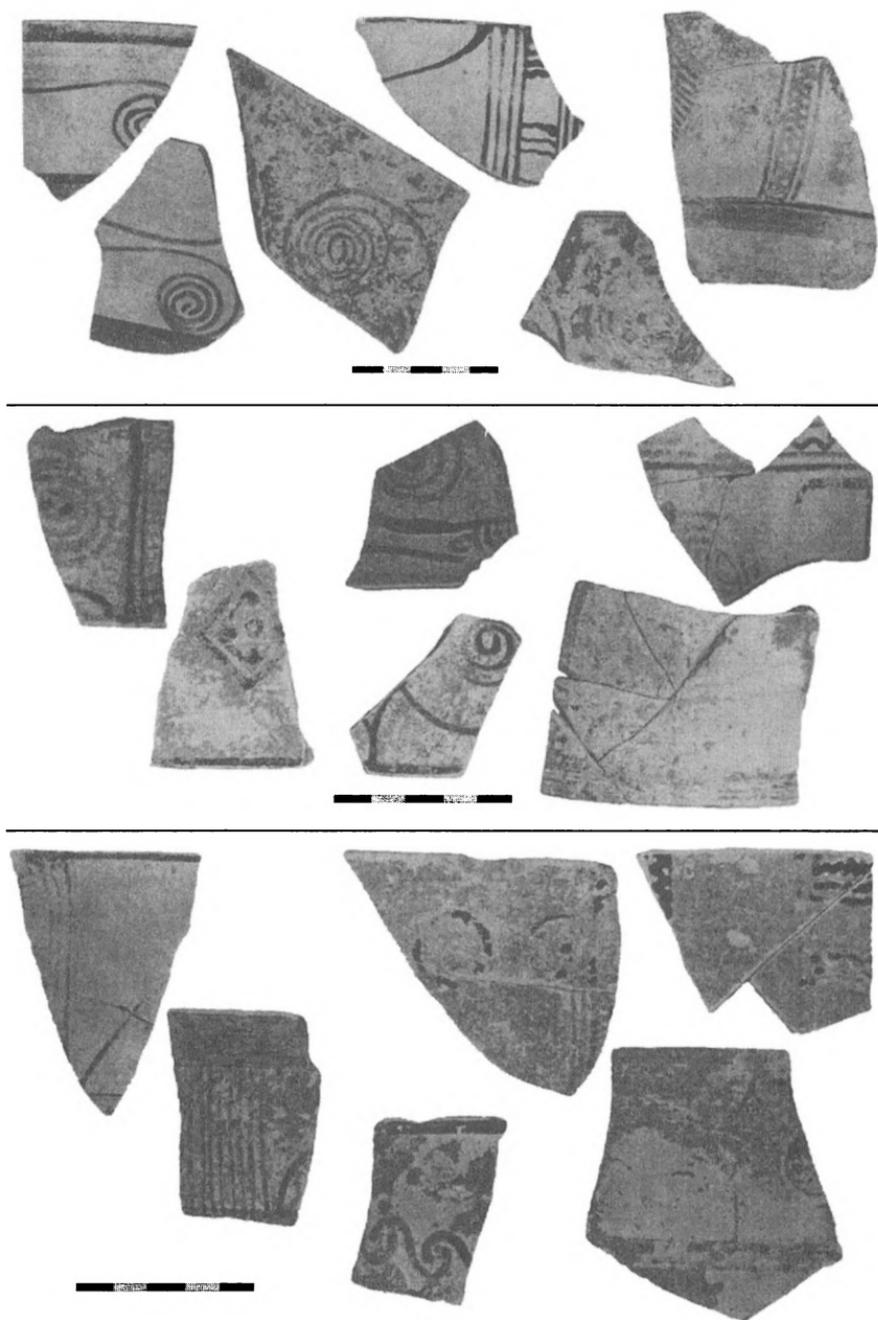
Карта 14. Лакония ПЭ III B периода

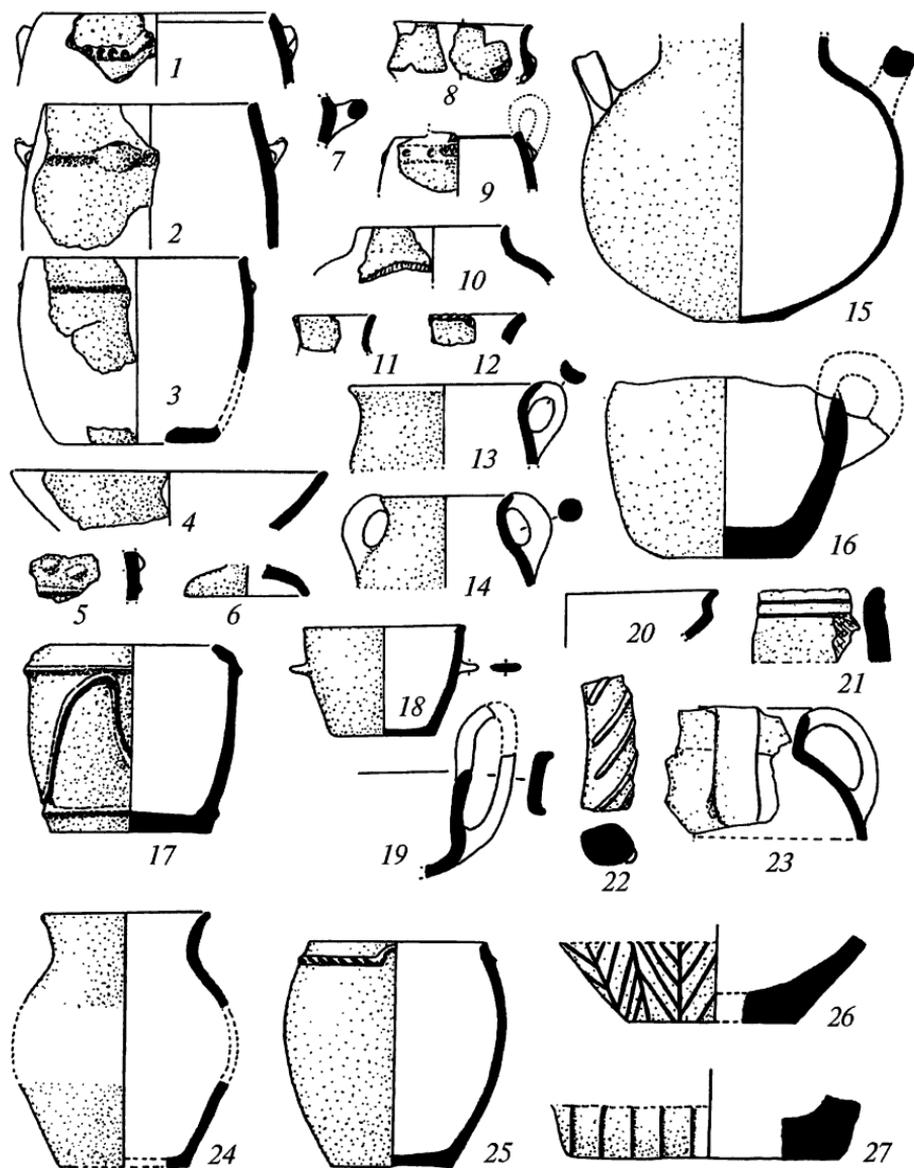
Карта 15. Лакония ПЭ ПС периода

и культуре населения, о чем может свидетельствовать, в частности, находка довольно значительного скопления обломков грубой лепной керамики типа так называемой варварской посуды (ил. 37, 38, см. также ил. 12) в развалинах уже упоминавшейся микенской виллы, или небольшого дворца, в Менелайоне (Catling, 1981, p. 71 ff.; Bouzek, 1985, p. 183 ff.). Засвидетельствованная археологически эмиграция ахейского населения с территории Лаконии, как и всего вообще Пелопоннеса, как было уже сказано, находит частичное подтверждение в данных письменных источников.

XI–X в. до н. э., охватывающие СМ и ПГ периоды, с полным основанием признаются самой мрачной и тяжелой полосой в истории Южного Пелопоннеса. Суммарная оценка чрезвычайно скудного археологического материала, дошедшего до нас от этого времени, убеждает в том, что, как выразился П. Картлидж (Cartledge, 1979, p. 92), «определение (label) “темный век”, которое Снодграс применил ко всей Греции в промежутке, по крайней мере, с 1100 по 850 г., нигде более не соответствует действительности в такой же мере, как в Лаконии» (см. также Desborough, 1972, p. 83 ff.; 240 ff.). В некоторые моменты данные раскопок, а точнее, их почти полное отсутствие создают впечатление едва ли не окончательного замирания человеческой жизни на всей территории этого района, впечатление абсолютного безлюдья. Жизнь едва заметно теплится всего в одном-двух местах. По словам Десборо (Ibid., p. 242), основной археологический материал, оставшийся от этого времени, происходит не из поселений и могильников, которые почти полностью отсутствуют, а всего из двух святилищ: Аполлона и Гиакинфа в Амиклах и Артемиды Орфии в Спарте. Впрочем, тут же выясняется, что найденная в этих двух местах ПГ керамика в основной своей части оказывается вне рамок рассматриваемого периода и может быть отнесена только к IX в. до н. э. По данным Боузека (Bouzek, 1969, S. 51), теперь, правда, уже в значительной степени устаревшим, для всего СМ периода в Лаконии удалось установить местоположение лишь одного-единственного поселения. В следующем ПГ периоде это число возрастает, если следовать указанию Десборо (Desborough, 1972, p. 242), до двух поселений, известных лишь по некоторому количеству керамического материала, собранного на поверхности земли. Спустя семь лет Картлидж называет уже другую цифру — девять (Cartledge, 1979, p. 92), базирующуюся опять-таки на по большей части случайных находках подъемного материала. Но, судя даже и по этой максимальной цифре, население Лаконии в конце XI–X вв. до н. э. все еще оставалось крайне малочисленным, не достигая даже уровня конца микенской эпохи (см. карту 16).

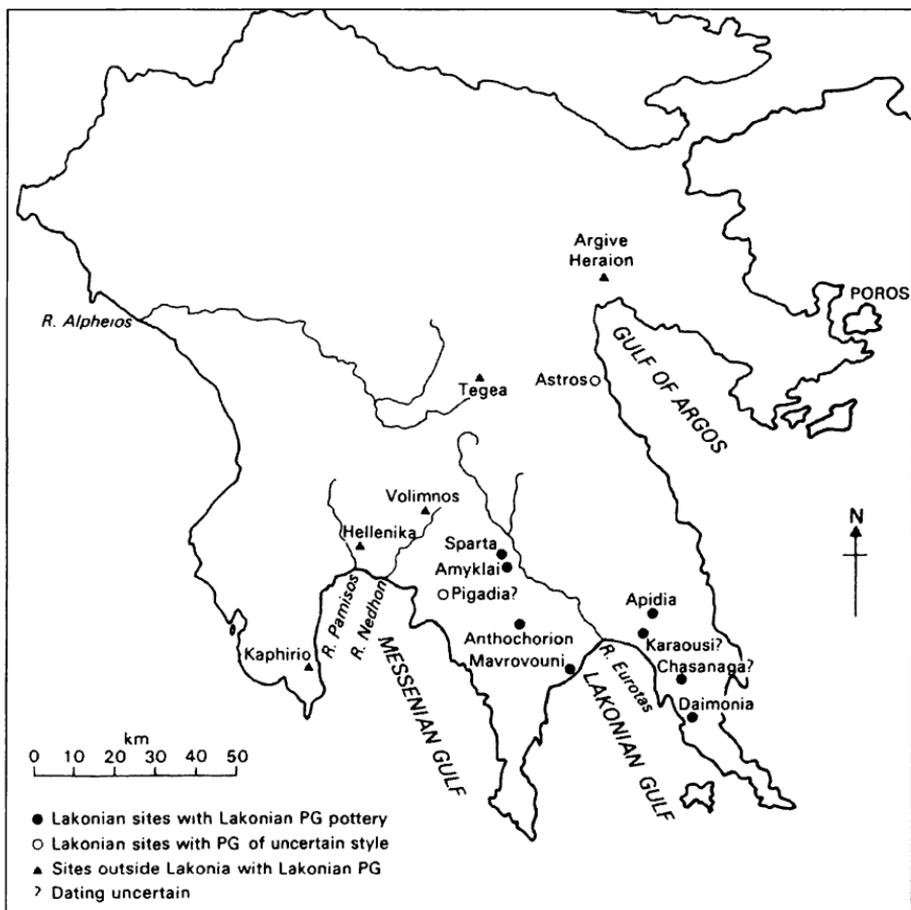

Ил. 37. «Варварская» керамика из Менелайона

Ил. 38. Пелопоннеская «варварская» керамика:

1–14 – Тиринф; 15, 16, 20–23, 26, 27 – Эгира; 17–19, 25 – Кораку;
24 – Афины, Агора

Карта 16. Лакония протогеометрического периода

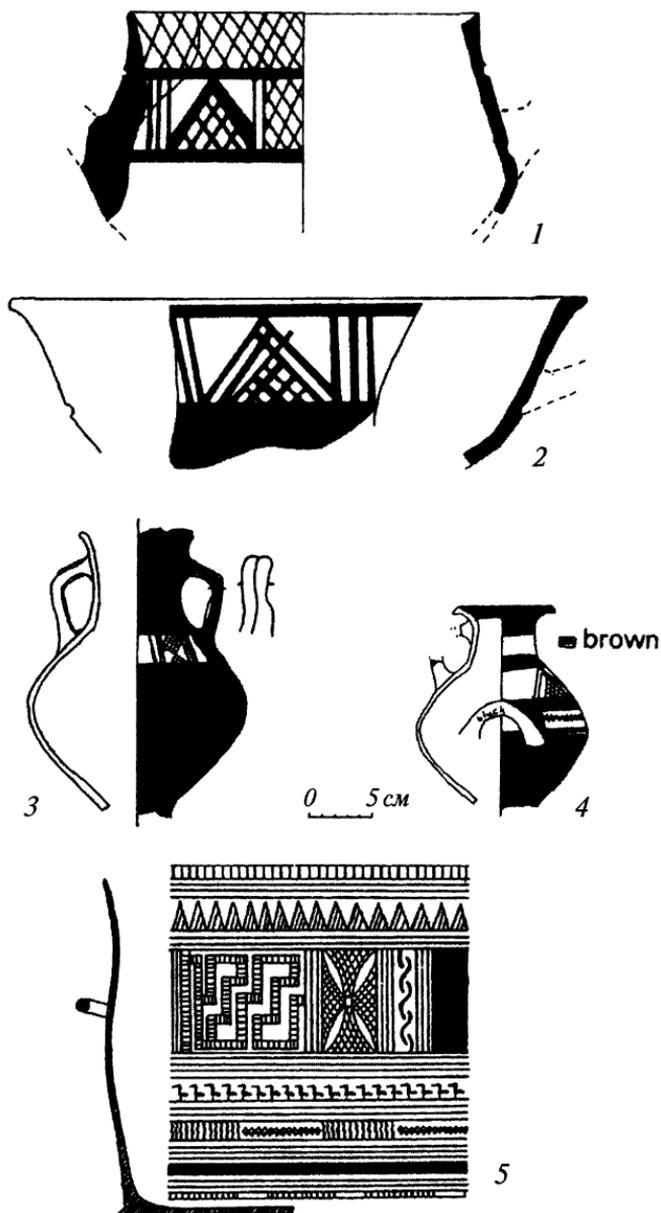
Наиболее важным, можно сказать ключевым, пунктом для всего периода темных веков до сих пор остаются на территории Лаконии Амиклы — древний культовый центр в 5 км к югу от Спарты. Находившиеся здесь святилище Аполлона и Гиакинфа обнаружить не удалось. Немецкая археологическая экспедиция под руководством Э. Бушора, работавшая здесь еще в начале века, нашла только большую свалку культовой и бытовой утвари. По сделанным здесь находкам можно судить об общей продолжительности и ритме жизнедеятельности святилища (Buschor, von Massow, 1927). Раскопки показали, что Амиклы сохраняли свое религиозное значение вплоть до самого конца микенской эпохи. Об этом свидетельствуют прежде всего вотивные глиняные фигурки

женского божества и животных (лошадей и коров), датируемые в основном ПЭ ШС периодом (Desborough, 1952, p. 284; 1972, p. 83 f.). Как склонен думать Десборо, почитание Гиакинфа и, вероятно, также других связанных с ним божеств не прерывалось в Амиклах также и в последующий СМ период. Сам он, однако, признает, что его убежденность в том, что дело обстояло именно так, а не иначе, основана не на археологических данных ввиду их полного отсутствия, а на поздних свидетельствах письменной традиции (Desborough, 1972, p. 84). Непосредственно вслед за слоем, содержащим поздний микенский материал, в Амиклах идет слой ПГ периода, отстоящий от своего предшественника, насколько можно судить по сделанным здесь находкам, не меньше чем на целую сотню лет (Ibid., p. 240). Отметив это чрезвычайно важное обстоятельство, Десборо тут же осторожно указывает, что «было бы нереалистично предполагать на этом основании, что здесь имел место сплошной пробел в обитании». Полное отсутствие следов культовой деятельности, которые можно было бы отнести к промежутку между ПЭ ШС и ПГ периодами, может быть, в его понимании, объяснено тем, что в это время единственной формой почитания божества здесь были простые возлияния. Объяснение это представляется нам не особенно убедительным, и, может быть, ближе к истине стоит Картлидж, высказывающий более прозаичную, но вместе с тем и более правдоподобную догадку, согласно которой отложения СМ периода могли оказаться где-нибудь в другом месте просто потому, что свалка могла время от времени менять свое местоположение. Еще один аналогичный перерыв в ее использовании зафиксирован и в слоях Г периода, в которых представлена только позднегеометрическая керамика, но совершенно отсутствует раннегеометрическая (Cartledge, 1979, p. 82).

Интересно, что среди керамики ПГ слоя в амиклейской свалке были обнаружены отдельные черепки позднемикенского времени, а также относящиеся к этому же периоду женская статуэтка и обломок глиняной фигурки животного (Buschor, 1927, S. 10; Desborough, 1952, p. 284; 1972, p. 241; Cartledge, 1979, p. 82; ср.: p. 84). Эти находки могут восприниматься, с одной стороны, как свидетельство преемственности культовой практики, подтверждающее мысль Десборо, на которую мы ссылались выше, с другой же — как явный признак отмирания целой отрасли лаконского ремесла — короластики: посетители святилища в Амиклах еще продолжали воздавать божеству почести, освященные традицией, но, не располагая необходимыми для этого посвятельными дарами, вынуждены были попросту заимствовать их на ближайшей свалке или в каких-нибудь забытых хранилищах культовой утвари.

Наиболее очевидной инновацией в археологической культуре Лаконии XI–IX вв. до н. э., безусловно, должен быть признан местный

вариант протогеометрического стиля, представленный несколькими десятками сильно фрагментированных сосудов и отдельными черепками, найденными во время раскопок в Амиклах, в Спарте и еще в пяти-шести местах, где этот материал был собран прямо на поверхности земли (ил. 39). Уже при беглом знакомстве с этими находками по немногочисленным имеющимся сейчас публикациям перед нами неизбежно встает вопрос: как расценивать весь этот керамический комплекс — как результат спонтанного развития местного гончарного ремесла или же как проявление культурной диффузии, исходящей из каких-то других, возможно, географически сильно удаленных от Лаконии центров гончарного производства? Суждения наиболее авторитетных специалистов, пытавшихся так или иначе ответить на этот вопрос, довольно сильно между собой различаются. Так, В. Десборо, суммируя свои наблюдения над керамическим материалом из Амикл, делает вывод, что в целом лаконский ПГ стиль, «хотя он и включает в себя некоторые черты и мотивы, обнаруженные за пределами Лаконии, чрезвычайно индивидуален и не имеет никаких ясно выраженных связей с какими-либо другими стилями из числа ранее рассматривавшихся» (Desborough, 1972, p. 241; ср.: 1952, p. 288). Наиболее примечательными особенностями лаконской ПГ вазописи Десборо считает широкое использование горизонтальных бороздок, отделяющих края сосуда (в наиболее часто встречающихся открытых вазах типа скифосов, кратеров и кубков) от его тулова, а также отдельные декоративные зоны друг от друга, и специфический с сильным металлическим глянцем черный или темно-коричневый лак. Эти же особенности присущи также и большей части ПГ керамики, найденной при раскопках древнейших спартанских святилищ — храмов Артемиды Орфии, Афины Халкиойкос и др. (Ibid.). Ярко выраженное своеобразие лаконского ПГ стиля может быть, по мнению Десборо, объяснено лишь тем, что в течение всего этого периода, т. е. в X–IX вв. до н. э. (согласно разработанной этим же автором хронологии), Лакония пребывала в состоянии длительной культурной изоляции. Ограниченные связи поддерживались лишь с отдельными районами Западной Греции: Элидой, Ахайей, островом Итака и Этолией. В то же время до сих пор не удалось обнаружить почти никаких признаков контактов с основным ареалом распространения ПГ и Г стилей в прибрежной полосе Эгеиды (Ibid., p. 255, 257. Ср.: там же о Мессении). Несколько раньше во многом сходная мысль была высказана Дж. Колдстримом, который писал в своей фундаментальной работе о геометрической вазовой живописи (Coldstream, 1968, p. 340): «...очевидно, мыс Малей был труднопреодолимой преградой для протогеометрического мореплавания, разделяя береговую полосу

Ил. 39. Лаконская протогеометрическая (1–4) и геометрическая (5) керамика из:

1–2 — Амикл; 3–4 — Стены, близ Гитиона; 5 — Артемиды Орфии, Спарта

Греции на две части, очень слабо между собой связанные» (см. также Coldstream, 1977, p. 152, 157).

П. Картлидж вслед за Десборо настаивает на сугубой специфичности лаконской ПГ керамики, выделяющей ее среди всех прочих керамических комплексов Западной Греции (см.: Cartledge, 1979, p. 87: «Лаконский ПГ стиль остается законом для самого себя»), хотя здесь же им отмечен ряд признаков, которые могут считаться «точками соприкосновения» лаконской вазописи с другими ее «школами», как, например, мотивы бороздок и пересекающейся штриховки (ближайшие параллели дает керамика из Нихории в Юго-Восточной Мессении), особая приверженность к этому типу орнамента, характерная для росписей сосудов из Ахайи, с Итаки и из Этолии, мотив единичного треугольника, встречающийся в Дервени в Ахайе и находящийся параллели также в Медеоне (Фокида) и в Аэте (Итака), мотив заштрихованных треугольников, заключенных в метопы, зафиксированный в Ахайе, и т. д. Свой анализ стилистических и чисто технических особенностей лаконской ПГ керамики Картлидж завершает следующим умозаключением (Ibid., p. 87 f.): «...лаконский ПГ стиль не может быть выведен просто или из предшествующего микенского стиля в самой Лаконии, или из какого-либо другого современного ему ПГ стиля. Контакты с “западногреческой группой” могли быть необходимы, но этого условия было недостаточно для его возникновения. Следует постулировать какой-либо дополнительный фактор или факторы. И нельзя считать совершенно легкомысленным или (если угодно Хукеру) просто реакционным предположение о том, что если бы нам не было сказано, что некие пришельцы проложили путь в Лаконию спустя какое-то время после 1200 г., мы должны были бы их изобрести, чтобы тем самым объяснить появление их керамики. А так как этот стиль не мог возникнуть в самой Лаконии в обстановке полной изоляции, наиболее экономичной гипотезой, с археологической точки зрения, было бы связать пришельцев с этим новым стилем керамики, чтобы объяснить как протогеометрические, так и западногреческие его элементы. Легче всего это сделать, выдвинув утверждение, что именно Западная Греция была тем ареалом, где они познакомились как с техникой ПГ стиля вообще, так и со специфическими местными видами сосудов и декоративными мотивами».

К сформулированной таким образом точке зрения Картлиджа довольно близка позиция Шахермайра, обрисованная в IV томе его «Ägäische Frühzeit» (Schachermeyr, 1980, S. 227 ff.). Согласно оценке маститого австрийского исследователя, лаконская ПГ представляет собой во всей совокупности сложный гетерогенный комплекс, впрочем, довольно четко распадающийся на два основных компонента: 1) сосуды,

расписанные в аттической манере проведенными циркулем концентрическими кругами или полукругами (Шахермайр считает, что этот вид орнамента мог проникнуть в долину Еврота либо непосредственно из Афин, либо через какие-то промежуточные «инстанции», например Коринф и Арголиду), и 2) сосуды, по-преимуществу открытые, типа скифосов или кратеров с горлом в виде воротника (Kragenhalse), украшенные в подавляющем большинстве треугольными или прямоугольными панелями, заполненными диагональной пересекающейся штриховкой (как правило, этот орнамент покрывает верхнюю половину тулова сосуда). Орнаментальным мотивам этого рода Шахермайр приписывает, безусловно, северное происхождение, не уточняя, однако, какие именно районы северной периферии греческого мира он имеет в виду — (von irgendwoher aus Norden. Ср.: Ibid., S. 228 о лаконской Zwischenware и росписях геометрического стиля, а также Kirsten, 1983, S. 394). В отличие от Картлиджа, Шахермайр обращает внимание на важный парадокс, на первый взгляд, находящийся в прямом противоречии с его концепцией: ПГ керамика из Амикл по существу ничем не отличается от считающейся синхронной керамики, найденной на территории Спарты, хотя, если следовать античной традиции, которую с доверием принимает большинство современных историков, Амиклы в течение длительного времени (возможно, вплоть до середины VIII в. до н. э.) оставались главным оплотом сопротивления местного ахейского населения Лаконии завоевателям-дорийцам. Шахермайр, как, очевидно, ему представляется, обходит это затруднение, подвергнув свидетельство традиции весьма решительной корректировке с помощью археологических данных. В результате этой операции он приходит к выводу, что в то время, когда в Лаконии появились первые группы дорийцев (сам этот момент в данном разделе работы Шахермайра никак не оговорен), в Амиклах уже не было никаких ахейцев, так как еще до прихода дорийцев это поселение, как, видимо, и некоторые другие пункты на территории Лаконии, было занято «более ранней партией пастухов-воителей (Hirtenkrieger) северо-западногреческого происхождения, которые и должны считаться основными носителями лаконского ПГ стиля, а также и главными противниками дорийцев в борьбе за овладение долиной Еврота»⁴.

⁴Задолго до Шахермайра на этот парадокс обратил внимание Хоман-Ведекинг (Homann-Wedeking, 1958, 7, S. 64), объяснивший его тем, что «in der Kunst gebrauchten die dorischen Eroberer also die gleichen Formen, wie die Alteingessenen, d. h., sie ließen sich ihre Gefäße und Statuetten im achäischen Werkstätten von Leuten der vorgefundenen, verdrängten oder eroberten Bevölkerung machen». И далее (на той же странице) о лаконском геометрическом стиле: «Er ist kein Stil der Spartiaten, überhaupt kein spezifisch dorischer Stil».

Для каждого непредубежденного читателя совершенно очевидно, что стремительно разделившись с одной проблемой, Шахермайр тут же, видимо, сам того не замечая, создает другую, пожалуй, еще более сложную. Ведь, если точно следовать его логике, мы должны будем признать, основываясь на одних только археологических данных, что эти загадочные северо-западные *Hirtenkrieger* захватили не только Амиклы, но также и Спарту и, когда на берегах Еврота появились, наконец, настоящие дорийцы, им пришлось отвоевывать у своих предшественников оба эти поселения, хотя о захвате ими Спарты в традиции нет никаких упоминаний. Вообще, ясно выраженный параллелизм в развитии двух основных керамических комплексов послемикенской Лаконии: амиклейского и спартанского, ставит под сомнение саму возможность использования этого материала для реконструкции сложных этнических процессов, происходивших в этой части Пелопоннеса, как, впрочем, и на всей территории полуострова, в связи с новой волной племенных миграций. Во всяком случае, никаких признаков культурного различия этих двух поселений или следов существовавшего между ними этнического антагонизма, будь то вражда между дорийцами и ахейским населением Лаконии, засвидетельствованная античными авторами, или же постулируемое Шахермайром противостояние двух групп северных пришельцев, нам в этом материале найти, конечно, не удастся.

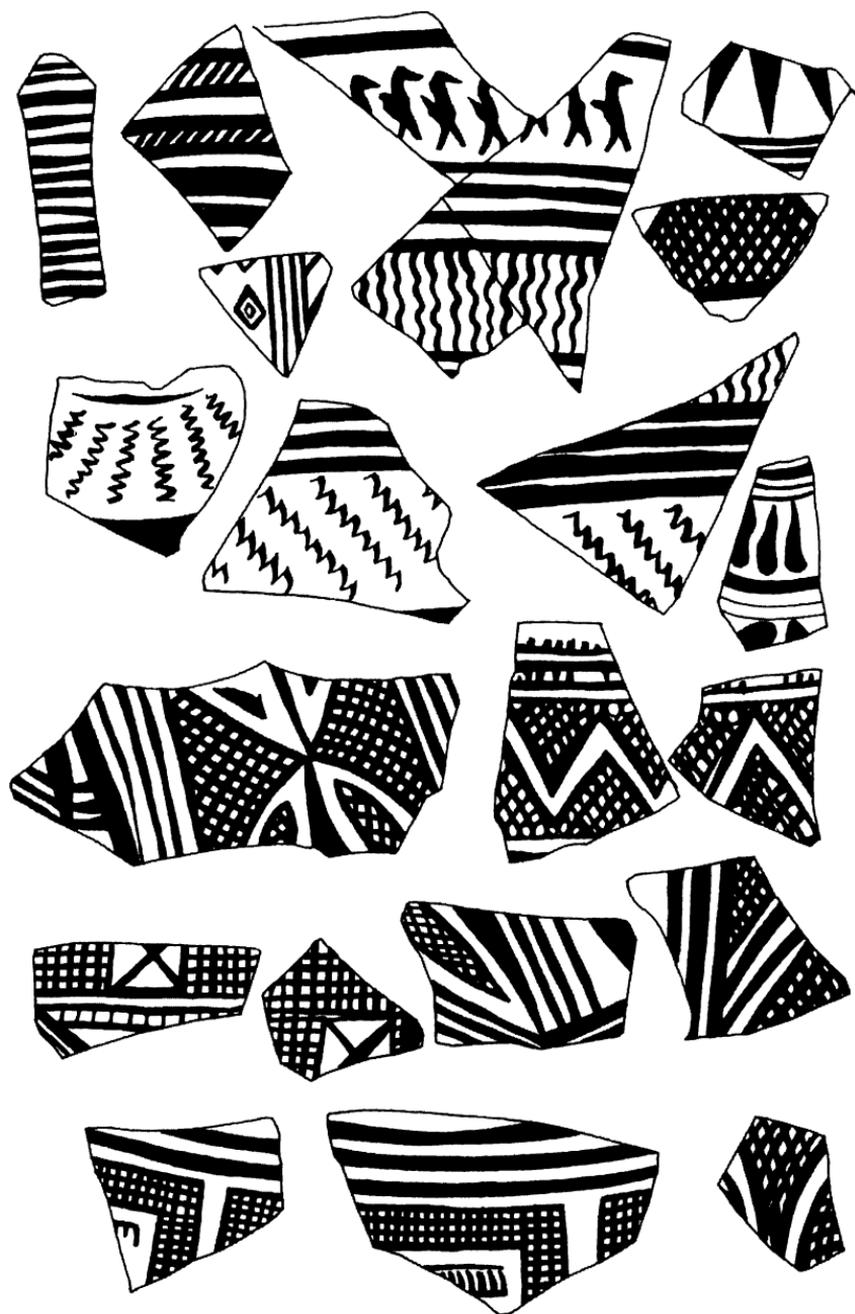
Последняя из всех известных нам попыток исторической интерпретации лаконского керамического материала была предпринята немецким историком Э. Кирстеном в его докладе на симпозиуме по проблемам истории периода темных веков в Вене (Kirsten, 1983, S. 374 ff.; 394 ff.). Свои выводы Кирстен строит в основном, опираясь на наблюдения, уже сделанные в работах его предшественников: Десборо, Картлиджа и Шахермайра. Особое значение Кирстен придает тому практически установленному уже Десборо факту, что в развитии лаконской керамики существует весьма значительный и пока еще ничем не заполненный пробел (*Hiatus*) между очень плохо представленными в этом районе образцами познемикенского и особенно субмикенского стиля вазописи и так называемым протогеометрическим материалом из Амикл и Спарты (*Amyklaion-Ware* — *ил. 40, 41*), который в действительности, если следовать датировке, предложенной тем же Десборо (Desborough, 1972, p. 242 f.), остается уже вне рамок ПГ периода («принадлежит всецело IX в.») и соответствует скорее ранней фазе в развитии общегреческого геометрического стиля. Начав с этого действительно важного момента, Кирстен довольно быстро приводит свои рассуждения к их логическому завершению. Сославшись еще раз на Десборо, который будто бы обнаружил ранние фазы (*Vorstufen*) в развитии лаконского ПГ

Ил. 40. Фрагменты протогеометрических

сосудов из Амикл (Amyklaion-Ware)

Ил. 41. Фрагменты декора протогеометрической и геометрической керамики из Амикл

стиля за пределами самой Лаконии: на Итаке, в Ахайе, в Этолии (на самом деле Десборо указывает лишь на определенные признаки сходства в элементах орнаментики между лаконской керамикой и сосудами, происходящими из этих районов, но ничего не говорит о их хронологическом отношении друг к другу — см.: Desborough, 1972, p. 246 ff., 250, 255; более определенно высказывается в этом духе Картлидж — Cartledge, 1979, p. 86, хотя и он обходит принципиально важный вопрос о сравнительной хронологии этих керамических групп), он приходит к выводу, что носителями этого стиля были племена северо-западных греков, вторгшиеся в Среднюю и Южную Лаконию еще до прихода дорийцев (Kirsten, 1983, S. 375; ср.: S. 423, Anm. 34 — последний абзац). Правда, несколько ниже (Ibid., S. 376 f.) мы находим ту же самую мысль, но выраженную уже несколько по-иному: «Появление “Amyklaion-Ware” во всей Лаконии при его уже отмеченных северо-западных отношениях свидетельствует о том, что уже в X в. в Амиклах и Гифее, так же как и в Гелосе, жили не засвидетельствованные Павсанием (Paus. III, 2, 6) ахейцы, а уже дорийцы или, во всяком случае, (какие-то) сородичи северо-западных греков и что упоминаемое в традиции спартанское завоевание Амикл означало (в действительности) только акт экспансии северолаконских дорийцев в южном направлении... первый шаг в установлении гегемонии». Однако сразу же вслед за этой, казалось бы, навечно отчеканенной сентенцией причудливо выющаяся мысль почтенного немецкого автора вновь меняет свое направление (Ibid., S. 377): «Наша характеристика дорийских групп как горных пастухов, которые просачивались... в земледельческие области (и тем самым попадали в положение скорее терпимых в качестве метеков сожителей, нежели могущественных пастухов-воителей), однако, допускает также и предположение, что в Амиклах и к югу от них дорийцы поселились уже в X в. подле недорийского господствующего слоя как носители северо-западногреческого “Amyklaion-Ware”, тогда как к северу от Магулы (ручей, разделяющий территорию Спарты и Амикл. — Ю. А.) осели с позволения Амикл другие северо-западные греки — дорийцы, которые могли, начиная с этого времени, развиваться самостоятельно».

Как мы видим, в целом Кирстен лишь несколько модифицирует уже обрисованные выше концепции Картлиджа и Шахермайра, старательно расставляя все точки над *i*, пропущенные его предшественниками. При этом он буквально на ходу перестраивает свою собственную гипотезу: сначала, как может показаться, решительно порывает со свидетельствами античной традиции, но затем все же приводит эти свидетельства к явно неудачно сбалансированному компромиссу с показаниями археологических источников. В самом деле, если после прихода дорийцев,

которых, насколько можно понять текст доклада в этой его части, Кирстен прямо отождествляет с северо-западными греками, в Амиклах и вообще в Южной Лаконии возник своеобразный симбиоз местного, по-видимому все же ахейского, населения с северными пришельцами, то само собой напрашивается неизбежный вопрос: если мы имеем теперь хотя бы приблизительное представление об археологической культуре дорийцев, поселившихся в Амиклах, которым Кирстен щедро отдает всю лаконскую ПГ или, может быть, скорее РГ керамику, то что же мы можем сказать об археологической культуре коренного населения этого района, тем более, что, по мнению Кирстена, оно сумело удержать свое положение господствующего слоя также и после прихода дорийцев, которые вынуждены были довольствоваться до поры до времени скромной ролью сожителей-метеков? Неужели ахейцы, занимавшие Амиклы и другие поселения Южной Лаконии, просто позаимствовали у новопоселенцев их более чем скромную утварь, не имея в своем распоряжении никаких иных ремесленных изделий? Ведь, казалось бы, если дорийцы до их поселения в долине Еврота действительно вели кочевую пастушескую жизнь в горах, то именно они должны были перенять у своих более культурных предшественников по крайней мере некоторые простейшие элементы их культуры. Но как склонен думать сам Кирстен, никаких следов этой культуры в Лаконии к моменту прихода дорийцев уже не оставалось.

Попытка Кирстена «задействовать» лаконский археологический материал и даже постулируемый им факт его полного отсутствия в промежутке с 1200 или по крайней мере 1100 по 900 г. до н. э. в сконструированной им схеме истории ранней Спарты (*Ibid.*, S. 394 f.), на наш взгляд, только еще более запутывает и без того чрезвычайно сложную научную проблему. По меньшей мере странным кажется само стремление германского историка во что бы то ни стало уловить некое «созвучие», или параллелизм, в эволюции лаконской вазовой живописи, с одной стороны, и развитии спартанского государства — с другой⁵.

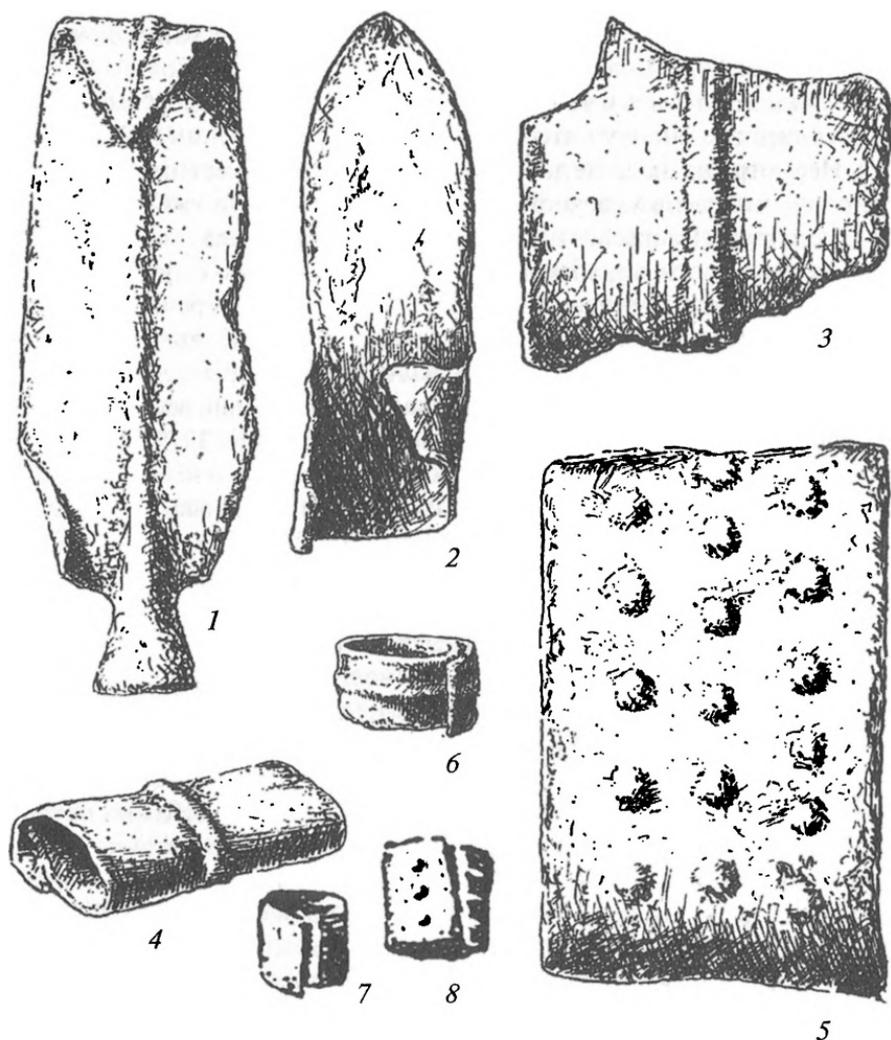
⁵ Весьма загадочно звучат, например, некоторые суждения в заключительной части доклада: «Если мы обратим в противоположную сторону соотношение дистанций между Ликуром, Гераклидами, Вторжением, тогда отсутствие в Лаконии субмикенской и протогеометрической фаз развития может служить указанием на последовательность наступлений горных пастухов, среди которых основатели Спарты обозначают только одну и как раз позднейшую фазу дорийского переселения. Ликур или создатель Ретры, которая включала урегулирование приема амиклейцев (в обы), был бы тогда так же мало отделен (если двигаться вверх через столетия) от вторжения Гераклидов, как Амуклаion-Ware отделен (если идти вниз) от развития геометрического стиля в Лаконии» (*Ibid.*, S. 395).

Кроме керамики мы располагаем также, правда, крайне немногочисленными металлическими изделиями, которые в какой-то степени позволяют дополнить и уточнить принятую сейчас в целом весьма пессимистическую оценку материальной культуры Лаконии в X–IX вв. до н. э. Несмотря на наличие довольно больших (по греческим масштабам) природных запасов железной руды, на что указывали уже поздние античные авторы (Daimachus FHGII 65 F4), настоящий железный век начался в Лаконии с некоторым опозданием по сравнению с другими, более развитыми в экономическом отношении районами греческого мира. До сих пор известны лишь две находки изделий из железа (наконечник копья из Стены вблизи Гифея и меч из Амикл), которые, судя по сопутствующему им керамическому материалу, да и то лишь весьма приблизительно могут датироваться ПГ периодом (Cartledge, 1979, p. 91).

Изделия из бронзы также немногочисленны, хотя и несколько более разнообразны. Так, в Амиклах были найдены два маленьких наконечника копий, видимо, использовавшиеся только как votivные приношения, бронзовые спирали для волос (возможно, также остатки посвящений божеству) и изготовленные из того же металла ножки от треножников (Ibid. — *ил.* 42). Эти разрозненные находки в целом подтверждают то общее впечатление отсталости и застойности лаконской материальной культуры темных веков, которое может быть вынесено из изучения одной только местной керамики (ср.: Snodgrass, 1971, p. 246).

Проецируя свидетельства археологических источников в недоступную нашему непосредственному наблюдению сферу реальных исторических событий, Картлидж приходит к следующим достаточно категорично сформулированным выводам (Cartledge, 1979, p. 92): «Во-первых, “стратиграфия” Амикл и стилистический анализ лаконской ПГ керамики демонстрируют резкий культурный разрыв между микенской и ПГ Лаконией и вместе с тем дают основание предполагать, что где-то в X в. имел место приток новопришельцев непосредственно из Западной

Следует, правда, заметить, что сам Кирстен несколько смягчает представленную им удручающую картину культурного дисконтинуитета и едва ли не абсолютного обезлюдения Лаконии в хронологическом промежутке, охватывающем XI–X вв. до н. э., упоминая в пространных примечаниях к докладу о некоторых поселениях в южной части долины Еврота, как будто переживших это смутное время. Такие поселения, основанные, по всей видимости, мигрантами из Центральной Лаконии в ПЭ IIIС периоде, существовали вплоть до появления керамики амиклейского типа в Астери-Карауси и в Апидии к востоку от Гелоса, в Мавровуни и Антохории западнее Гифея (Ibid., S. 421, Ann. 32. Ср.: Cartledge, 1979, p. 83). Известная преемственность обитания прослеживается также и в отдельных поселениях соседней Мессении, в том числе в Волимно, Пигадии и, возможно, также в Нихории (Ibid.).

Ил. 42. Амиклы. Фрагменты

Греции. С другой стороны, если взять керамические данные в их номинальной стоимости, они могут свидетельствовать также о том, что вслед за апогеем процветания в XIII в. до н. э. и явным упадком численности населения в XII и начале XI вв. Лакония фактически потеряла свое население в промежутке с 1050 по 950 г. до н. э.». Сразу вслед за этим следует, однако, важная оговорка: «По причинам, о которых будет сказано ниже, я не верю, что керамика должна быть так интерпретирована в этом отношении... Слишком много ретроспективных приговоров

бронзовых изделий ПГ периода

(downwatching) было бы, однако, неуместно. Ибо годы с 950 по 775 были также, как мы можем сказать, глядя в прошлое, периодом формирования исторической Лаконии и в особенности дорийской Спарты. Мы обязаны поэтому использовать, насколько это возможно, литературные данные и попытаться сплести некое подобие “паутины... из легенды и крайне недостоверной традиции” (Starr, 1968, p. 19), используя археологические данные как своего рода средство проверки качества непрочного продукта».

Можно было бы, конечно, несколько видоизменить это сравнение, уподобив археологию и античную традицию двум калекам, поддерживающим друг друга во время нелегкой дороги, так как оба эти главных наших источника информации, как следует из уже сказанного, оказались в данном случае не на должной высоте. Но основная трудность заключается в том, что показания полулегендарной античной традиции и археологические данные, если интерпретировать их так, как это делает Картлидж и вместе с ним некоторые другие авторы, находятся в очевидном противоречии друг с другом. Особенно ощутимой эта несовместимость двух групп источников оказывается в том случае, когда мы пытаемся более или менее наглядно представить себе ситуацию, сложившуюся в Лаконии в хронологических рамках периода, непосредственно следующего за периодом упадка и изживания микенской цивилизации, т. е. в XI–X вв. до н. э. С одной стороны, мы располагаем свидетельствами традиции, пусть поздней и ненадежной, о длительном противостоянии дорийских пришельцев и коренного ахейского населения Лаконии, об окончательной победе дорийцев, которым удалось одну часть ахейцев вытеснить за пределы страны, другую — либо поработить, либо подчинить себе, сильно ограничив в правах о выживании, и, несмотря на это, свидетельствами сохранения некоторых додорийских лаконских культов и диалектических форм, с другой же — археологическими данными, создающими впечатление, что дорийцы или, может быть, как считают Шахермайр и Кирстен, опередившие их северо-западные греки пришли в совершенно обезлюдевшую страну, в которой не оставалось более никаких живых носителей реликтов микенской культуры, а одни лишь развалины и давно заброшенные древние некрополи. От этой широкой общей проблемы отталкиваются частные, но также достаточно важные вопросы, например как объяснить ясно выраженную однотипность археологических культур Амикл и Спарты, если, по преданию, их обитатели долго между собой враждовали и вообще были народами разного происхождения и разных культурных традиций?

На наш взгляд, далеко не лучший выход из этого действительно трудного положения избирают авторы, подобно Картлиджу, предпочитающие пожертвовать традицией во имя археологии, отвергая как не заслуживающий доверия даже тот наиболее правдоподобный ее вариант, вероятно, восходящий к местным спартанским источникам, который представлен в «Описании Эллады» Павсания. Вряд ли целесообразно также произвольно видоизменять показания греческих авторов, насильственно подтягивая их к весьма скудным и далеким от полноты свидетельствам археологии, как это делают Шахермайр и Кирстен, решая парадокс, поставленный перед наукой амиклейской керамикой. Вообще, *onus*

probandi в сложившейся ситуации лежит, несомненно, на археологии, поскольку именно она в значительной мере и создала тот запутанный клубок проблем, подлинных или мнимых, в который в настоящее время превратилась древнейшая история Спарты. Имеющийся археологический материал, однако, включает в себе слишком незначительный запас информации, чтобы на его основе можно было построить сколько-нибудь полную убедительную систему доказательств. Недостаточно убедительным представляется нам, в частности, тот *argumentum ex silentio*, с помощью которого в ряде работ недавнего времени отстаивается мысль о едва ли не абсолютном запустении Лаконии в течение первых полутора или двух столетий послемикенского регресса. Полная археологическая стерильность СМ и в значительной степени также ПГ слоев в обследованных к настоящему времени крайне немногочисленных лаконских поселениях при дальнейшем более тщательном и систематичном изучении этой части Пелопоннеса вполне может оказаться всего лишь фантомом. Ведь сколько-нибудь полные стратиграфические срезы мы имеем пока что только в двух местах: амиклейском святилище Гиакинфа и спартанском святилище Артемиды Орфии, да и в этих двух случаях полнота стратиграфии вызывает сильные сомнения ввиду самого характера памятников. О причинах, которые могли вызвать в Амиклах полное «выпадение» СМ слоя, в результате которого оказались в непосредственной близости друг от друга слой ПЭ ШС периода и ПГ или даже РГ (по Кирстену), уже говорилось выше. В святилище Орфии, как и в других спартанских святилищах, кроме Менелайона, микенские слои отсутствуют, по всей видимости, потому, что территория дорийской Спарты оставалась незаселенной по крайней мере вплоть до X в. до н. э., вероятно, даже вплоть до второй его половины или самого конца. Более же поздние слои могли быть перемешаны при постройке практически на одном и том же месте двух разновременных зданий храма и двух алтарей. Вполне возможно, что новые раскопки в долине Еврота либо к северу, либо, наоборот, к югу от Спарты позволят хотя бы частично «оживить» «мертвую зону», отделяющую Лаконию микенскую от Лаконии архаической. Определенную основу для такого рода умеренно оптимистических прогнозов дают сравнительно недавние открытия в Нихории (центральная Мессения), где удалось установить последовательную преемственность археологического материала от ПЭ ШС до ПГ (Desborough, 1972, p. 253 f.; Coulson, 1975, p. 114 ff.; Schachermeyr, 1980, S. 231; Kirsten, 1983, S. 422, Anm. 34), а также эпизодические находки в Спарте и Амиклах так называемой «промежуточной керамики» (*Zwischenware*), судя по всему, представляющей западногреческий аналог СМ гончарных изделий (Schachermeyr, 1980, S. 227 f.).

Не вызывают особенного доверия также и попытки уже названных авторов установить прямую зависимость между возникновением лаконской «школы» ПГ вазописи и приходом в долину Еврота первых дорийцев или же, согласно гипотезе Шахермайра, северо-западногреческих «пастухов-воителей». Основным камнем преткновения для конструкций такого рода было и остается отсутствие сколько-нибудь точных датировок практически всех известных в настоящее время керамических комплексов, существовавших в Западной Греции и на юге Пелопоннеса в течение периода темных веков. По мнению такого авторитетного специалиста, как В. Десборо, во многом аналогичные лаконскому ПГ стилю орнаментальные системы возникли в таких областях, как Ахайя, Элида, Этолия, Мессения, примерно в одно время с ним, т. е. в IX в. до н. э. (или самое раннее в конце X в. до н. э.). Лишь на острове Итака найдена ПГ керамика, относящаяся к более раннему времени, т. е. к X в., и обнаруживающая определенную преемственность как в типах сосудов, так и в манере росписи с местной керамикой предшествующей микенской эпохи (Desborough, 1972, p. 246 f.; 249 f.; 254 ff.). Десборо находит возможным говорить об определенной художественной и технической общности, объединявшей основные локальные центры гончарного производства Западной Греции ПГ периода в некое подобие керамического койне, по ряду признаков принципиально отличного от более раннего (по времени возникновения) и в целом более развитого сообщества «школ» ПГ вазописи, сложившегося в восточной части материковой Греции и на островах. В итоге Десборо склоняется к мысли, что возникновение этого койне было каким-то образом связано с появлением в этом районе большой группы новопришельцев, вторгшихся в Ахайю и Элиду через Коринфский залив еще в первой половине XI в. до н. э. и постепенно продвигавшихся дальше на юг, вследствие чего вся эта часть Греции оставалась в состоянии брожения и нестабильности вплоть до середины следующего X в. до н. э. Однако тут же следует оговорка, что «с археологической точки зрения, все это — чистой воды гипотеза» (Ibid., p. 352, 355).

Действительно, в нашем распоряжении нет никаких данных, которые позволили бы расценивать ПГ керамику Элиды, Ахайи, Итаки, Этолии и других областей, расположенных к северу или к западу от Лаконии, как более ранние формы (по определению Кирстена, Vorstufen) лаконской ПГ керамики, из которых она развилась в процессе постепенного продвижения вдоль западного побережья Пелопоннеса обосновавшихся в долине Еврота дорийцев или же каких-то других родственных им племен. Кроме того, никто из авторов, придерживающихся этой концепции, не указывает конкретно, где именно возник первоначальный

прототип лаконской и всех других западнореческих «школ» ПГ вазовой живописи. По логике вещей, если признать, что здесь действительно имела место миграция, основным центром, из которого распространились дальше на юг все эти «школы», должна была бы быть признана Этолия, Локрида Эпикнемидская или южная часть Эпира. Однако мы не располагаем никакими фактами, которые могли бы хотя бы отчасти подтвердить эту догадку. Весьма скромные художественные открытия вазописцев Западной Греции могли, насколько позволяет судить современный уровень наших знаний по этой проблеме, с одинаковым успехом распространяться как с севера на юг, так и в обратном направлении (ср.: Kirsten, 1983). При этом зависимость такого рода заимствований от каких бы то ни было миграций остается пока ничем не доказанной. Контакты между отдельными центрами гончарного производства могли осуществляться и в абсолютно однородной и неизменной этнической среде, если исходить из того, что еще в X–IX вв. до н. э. основные районы Западного и Южного Пелопоннеса были заселены разрозненными и малочисленными остатками коренного ахейского населения, которое либо совершенно самопроизвольно, либо, восприняв какие-то идущие издалека импульсы, постепенно освоило новую, хотя еще достаточно примитивную, манеру вазовой живописи. Можно, конечно, предположить, что в общем более правдоподобно, что среда эта уже утратила в этот период свою былую однородность, что в ее составе появились новые этнические элементы, в том числе северо-западные греки, часть из которых позднее присвоила более почетное наименование «дорийцев». Однако эти перемены не обязательно должны быть напрямую связаны с радикальной перестройкой археологической культуры всей этой глухой и отсталой части греческого мира и, в частности, с появлением здесь новой манеры вазовой живописи. Логичнее было бы ожидать, что новопришельцы, только что начавшие переходить от самого примитивного пастушеского быта к оседлому образу жизни и занятиям земледелием, переняли от аборигенного оседлого населения и основы гончарного ремесла, и вместе с ними весь используемый местными гончарами репертуар орнаментальных мотивов, внеся в него, быть может, только незначительные изменения и дополнения.

Таким образом, мы снова приходим к заключению, что продвижение дорийцев через западные и южные районы Пелопоннеса, скорее всего, не оставило здесь сколько-нибудь заметных следов и не внесло сколько-нибудь значительных изменений в постепенно эволюционировавшую в течение периода темных веков археологическую культуру или культуры этих регионов. Лишь там, где пришельцы основывали свои поселения в совершенно безлюдных или по крайней мере давно покинутых

своими обитателями местах, мы можем рассчитывать, что нам удастся датировать сам момент их появления, разумеется, не претендуя на большую точность этой датировки. В Лаконии именно таким местом обычно считается Спарта.

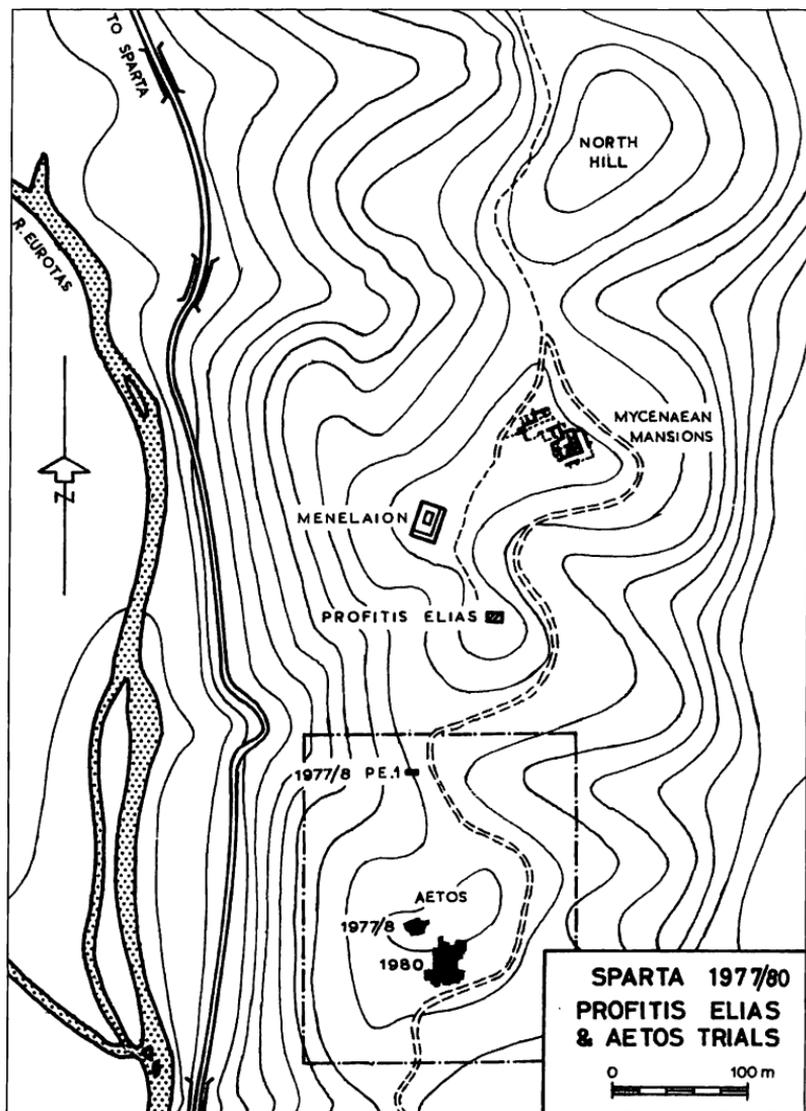
3. ВОЗВЫШЕНИЕ СПАРТЫ

Вероятно, как было уже замечено, первые дорийцы, вторгшиеся в долину Еврота, сознательно выбрали для своих поселений именно это плодородное плато, в то время не имевшее никакого постоянного населения и расположенное на известном удалении и от уже давно сожженных Терапн (их обычно помещают на левом берегу Еврота — на том же месте, где в архаическое время было воздвигнуто святилище Менелая и Елены), и от еще существовавших в то время Амикл.

Правда, около 25 микенских черепков ПЭ ПШВ периода было найдено во время английских раскопок на акрополе Спарты (Droop, 1926, p. 79). Спорадические находки микенской керамики были сделаны также и в некоторых других местах на поверхности земли (Waterhouse, Hope Simpson, 1960, p. 70; Bintliff, 1977, II, p. 393). Несколько микенских гемм удалось обнаружить среди много более позднего материала при раскопках святилища Артемиды Орфии (Dawkins, 1929). Если геммы могут быть с полным основанием отнесены к числу случайных находок, то микенская керамика на акрополе и вблизи от него, возможно, свидетельствует о том, что по крайней мере в XIII в. до н. э. здесь существовало поселение, хотя, скорее всего, очень небольшое и, вероятно, находившееся в зависимости от более крупного микенского центра, занимавшего высоты Менелайона на другом берегу Еврота (*ил. 43*; Bintliff, 1977, II, p. 393; Cartledge, 1979, p. 67). По всей видимости, это поселение было покинуто своими обитателями одновременно с гибелью «дворца», или «царской виллы», в Менелайоне, и дорийцы, появившиеся в этих местах, спустя два или даже три столетия, вероятно, действительно увидели перед собой совершенно пустую равнину, одинаково пригодную и для заселения, и для обработки.

Местоположение четырех ком, разбросанных по территории позднейшего (эллинистически-римского) города Спарты, удалось установить преимущественно с помощью сведений, содержащихся в III книге «Описания Эллады» Павсания (Paus. III; Bölte, 1929, Spl. 1265 ff.).

Однако определить их размеры, планировку и характер застройки мы пока еще не можем, не располагая необходимым для этого археологическим материалом. Отсутствие такого материала крайне затрудняет и датировку времени возникновения этих поселений. Систематические

Ил. 43. План поселений эпохи бронзы в районе Менелайона

раскопки, проливающие хотя и очень слабый, но все-таки свет на первые века истории дорийской Спарты, до сих пор проводились только в двух местах: в святилище Артемиды Орфии, находившемся вблизи от деревни Лимны на берегу Еврота, и в храме Афины Халкиойкос на акрополе. В обоих случаях раскопки были осуществлены силами английских

археологов из Британской археологической школы в Афинах, работавших в Спарте в начале XX столетия еще до I мировой войны, а также после нее в 1924–1928 гг. Материалы раскопок публиковались сначала по частям в «Ежегоднике Британской археологической школы». В 1929 г. основная масса археологического материала, найденного в святилище Орфии, была опубликована в фундаментальном издании «The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta» (Dawkins, 1929). Более или менее четкая последовательность археологических слоев, позволяющая воссоздать, конечно, лишь в самых общих и приблизительных очертаниях историю святилища, была установлена лишь при раскопках священного участка храма Артемиды Орфии (ср.: Cartledge, 1979, p. 360). В святилище Афины Халкиойкос разновременный археологический материал, включая хорошо представленную здесь ПГ керамику, был беспорядочно перемешан в результате позднейшей застройки этого места, что сделало восстановление его первоначальной стратиграфии практически невозможным.

Как показали раскопки английских археологов в святилище Орфии, его территория впервые была обнесена оградой и вымощена камнями (речной галькой) около 700 г. до н. э. (ил. 44). Тогда же в разных концах священного участка были воздвигнуты частью из камня и частью из дерева древнейший храм и алтарь. Однако следы культовой деятельности на этом месте восходят к гораздо более раннему времени. Согласно предположению Кирстена (Kirsten, 1983, S. 422, Anm. 33), еще задолго до постройки первого храма здесь стоял небольшой алтарь (Картлидж думает, что он был земляным, — Cartledge, 1979, p. 360) и, возможно, также был устроен наиск для переносной деревянной фигуры богини и эстрада, на которую подымались во время священнодействия жрицы Орфии. Начало культовой деятельности, по Кирстену (Ibid., S. 376, 422, Anm. 33), может датироваться концом X в. до н. э. или временем около 900 г. до н. э. Как думает тот же автор, учреждение святилища Орфии и основание четырех спартанских ком были практически синхронными событиями. Столь точная датировка этого весьма важного момента в истории Спарты, однако, едва ли возможна, если вспомнить, что единственной ее основой остаются найденные при раскопках святилища черепки лаконской ПГ керамики, практически почти не отличающиеся от других таких же черепков, происходящих из святилища Гиакинфа в Амиклах. Время возникновения лаконского ПГ стиля пока еще не может считаться надежно установленным. Десборо, наш главный авторитет во всех вопросах, связанных с историей греческой керамики темных веков, явно колеблется в своих окончательных выводах: с одной стороны, он склоняется к мысли, что вся керамика этого стиля, найденная в Амиклах и в Спарте, относится целиком и полностью к IX в. до н. э.,

с другой же стороны, он допускает, что этот стиль восходит к X в. до н. э., но едва ли ранее его середины (Desborough, 1972, p. 242 f.). Очевидно, приняв эту крайне приблизительную и расплывчатую датировку лаконской керамики, Картлидж (Cartledge, 1979, p. 359 f.) признает, что, «основываясь на соображениях общей вероятности, возникновение культа (Орфии. — Ю. А.) может быть отнесено только к IX в. до н. э., может быть — к первой его половине». Взятые в своей совокупности хронологические выкладки Десборо, Картлиджа и Кирстена допускают весьма значительный разрыв (продолжительностью около ста лет, если не более того) в датировке основания святилища Орфии и вместе с ним (если, конечно, предположить, что эти события действительно были взаимосвязаны) возникновения спартанских ком.

Как было уже замечено, непосредственным результатом проникновения дорийцев в Центральную Лаконию, по всей видимости, было образование гетерогенного конгломерата территориально-племенных общин — дамов, частью основанных новопришельцами в разных пунктах долины Еврота и, возможно, также за ее пределами, частью же представлявших собой случайно уцелевшие осколки микенского Лакедемона, т. е. единого дворцового государства, некогда, по-видимому, охватывавшего всю Лаконию или по крайней мере большую ее часть. Скольконибудь прочных политических связей между отдельными как дорийскими, так и ахейскими общинами в то время, скорее всего, еще не существовало, хотя некоторые из них, возможно, уже были объединены в эфемерные этнические или культовые сообщества типа позднейших западногреческих этносов. Сообщества эти возникали так же быстро, как и распадались, и в течение длительного времени ни одна из разбросанных по территории Лаконии общин не выделялась сколько-нибудь заметно среди своих соседей ни размерами, ни численностью населения, ни военным могуществом. Ни у одной из них не было достаточно сил, чтобы подчинить себе соседние общины и таким образом объединить под своей властью сколько-нибудь обширный район или округ. По крайней мере, около двух столетий (в X–IX вв. до н. э.) в этой части Пелопоннеса сохранялось состояние относительного равновесия сил. Лишь с конца IX в. до н. э. началось постепенное возвышение Спарты и установление ее господства над другими лаконскими общинами, т. е. то, что было по своей сути второй фазой дорийского завоевания южной части Пелопоннеса.

Сейчас трудно определить, каковы были те основные факторы, которые благоприятствовали усилению Спарты, позволив ей выделиться среди соседних ахейских и дорийских общин и начать борьбу за гегемонию сначала в Лаконии, а затем также в Мессении. Вероятно,

одним из таких факторов может считаться ее географическое положение на довольно большом удалении от моря, которое в те времена было постоянным источником военной угрозы из-за свирепствовавших повсюду пиратов (Thuc. I, 5), в хорошо защищенной, почти со всех сторон окруженной горами долине, богатой плодородными почвами и потому способной прокормить достаточно многочисленное население. Правда, по существу теми же преимуществами природа наделила и расположенные в непосредственном соседстве со Спартой ахейские поселения — Амиклы и Фарис, впоследствии подчиненные спартанцами. Очевидно, были и какие-то особые причины социально-экономического или политического характера, предопределившие установление спартанской гегемонии в долине Еврота (ср.: Toynbee, 1969, p. 170, 173).

Важнейшей предпосылкой политического возвышения Спарты должно быть признано слияние четырех первоначально очень слабо между собой связанных, если не совершенно обособленных, дорийских общин, существовавших на ее территории, в единое государство — полис. Как было уже сказано, в позднейших источниках эти общины и занимаемые ими поселения нередко именуется «деревнями» — «комами», хотя это наименование могло варьироваться с некоторыми другими, например с «обами» (термин, впервые появляющийся в так называемой «Большой ретре» — см.: Plut. Lys. VI, но продолжавший использоваться и в спартанских надписях еще и в римское время — см.: Tod, 1903/4), «филами» (в надписях и у лексикографов — см.: Busolt, Swoboda, 1972, II, S. 645, Anm. 2), «демами» (см.: Hdt. VII, 55 о Питане) и даже «полисами» (см.: Schol. Pind. Ol. VI, 46 также о Питане).

В источниках сохранились неясные отголоски каких-то столкновений и кровопролитных распрей, происходивших в самые отдаленные времена спартанской истории между жителями четырех ком. По словам Павсания (Paus. III, 16, 9), жители Лимн, Киносуры, Месои и Питаны начали враждовать между собой в то время, когда все они приносили жертвы Артемиде Орфии в ее святилище. При этом многие были убиты и умерли прямо у алтаря, другие же погибли от болезни. Павсаний ясно дает понять, что эта междоусобная вражда так же, как и болезнь, были прямым следствием гнева богини, привыкшей, чтобы ее чтили человеческими жертвоприношениями. Чтобы умиловить божество, спартанцам пришлось на первых порах так и поступить, умерщвляя у алтаря Орфии человека, обреченного в жертву по жребию. Однако позже они по совету Ликурга заменили эти жертвоприношения бичеванием эфебов, что давало возможность орошать человеческой кровью алтарь свирепой богини, избегая при этом прямых человеческих жертв.

Предание, сохраненное Павсанием, носит явно этиологический характер и по этой причине едва ли может расцениваться как прямой отголосок реальной вражды между обитателями четырех первоначальных спартанских ком (ср.: Chrimes, 1952, p. 249; Kiechle, 1963, S. 53). Более вероятно, что вражда эта была либо просто придумана, чтобы каким-то образом объяснить происхождение поражавшего других греков своей жестокостью обычая бичевания эфебов у алтаря Орфии, либо с самого начала была своеобразной имитацией настоящей вражды, ритуальной «игрой», в которой принимали участие члены дорийских общин, группировавшихся вокруг святилища кровожадной богини. Изначальное ритуальное единство четырех ком, на которое намекает эта легенда, однако, не обязательно должно означать, что эти общины уже тогда составляли единый политический организм, резко обособленный от всего остального населения Лаконии, с которым он находился исключительно во враждебных отношениях, уже тогда ставя своей главной целью его политическое подчинение и даже порабощение.

Примерно так представляют себе древнейшую Спарту многие авторы, убежденные в том, что дорийцы, вторгшиеся в Лаконию, создали в самом ее сердце некое подобие постоянного военного лагеря (Standlager — см.: Kirsten, 1983, S. 383 ff. о его местоположении по отношению к четырем комам; ср.: Isocr. Archid., 81), из которого они совершали в различных направлениях завоевательные походы и просто грабительские набеги (см., например, Busolt, Swoboda, 1972, II, S. 633, 644). Изложенная выше общая концепция дорийского переселения, согласно которой северные пришельцы постепенно «просачивались» в Лаконию, так же как и в другие районы Пелопоннеса, небольшими, по-видимому, очень слабо между собой связанными или вообще не связанными группами, находится в явном противоречии с этой гипотезой. Связь четырех сельских общин — ком, или об, основанных дорийцами на территории Спарты, со святилищем Орфии, как и существовавшие между ними особого рода ритуальные отношения, позволяет рассматривать все это гнездо деревень как некое подобие амфиктионии (Kirsten, 1983, S. 370), но едва ли как уже сложившееся государство хотя бы в примитивной форме гомеровского демоса.

Как произошла трансформация этого аморфного и, по всей видимости, не отличавшегося особенной внутренней прочностью сообщества в полис, претендовавший на установление своей гегемонии над всей долиной Еврота, если не над Лаконией в целом?

В научной литературе уже не раз высказывалось предположение, согласно которому возникновению спартанского полиса, так же как афинского и многих других греческих полисов, предшествовал так на-

зываемый синойкизм (Toynbee, 1969, p. 171 ff.; Busolt, Swoboda, 1972, II, S. 643 ff. со ссылками на более раннюю литературу). В датировке этого события, так же как и в оценке его характера, существуют весьма значительные расхождения между различными авторами, касавшимися этой проблемы. Некоторые из них относят синойкизм, что в общем вполне логично, к периоду, предшествовавшему началу спартанской военной экспансии в Северной и Южной Лаконии. Так, Тойнби (Toynbee, 1969, p. 172 f.) считает наиболее вероятной датой конец IX в. до н. э., основывая свои хронологические выкладки на сообщении Павсания (Paus. III, 2, 5) о захвате спартанцами Эгитиды (Эгиса) — области на границе Лаконии с Аркадией. Поскольку в этом предприятии впервые, если следовать тому же Павсанию, участвовали одновременно представители двух царских домов Спарты: Агиадов и Еврипонтидов, — цари Агесилай I и Харилай, Тойнби склонен думать, что обе царские династии соединили свои силы где-то незадолго перед этим походом, который, согласно его расчетам (конечно, в высшей степени приблизительным, так как они базируются только на дошедших до нас списках спартанских царей), должен был происходить где-то в начале VIII в. до н. э. В понимании Тойнби, объединение двух царских династий, каждая из которых держала под своим контролем по крайней мере по одной из четырех спартанских ком или же, что более вероятно, сразу по две, собственно говоря, и было первым симптомом образования единого спартанского государства (см. также Cartledge, 1979, p. 106).

Из других авторов, признающих спартанский синойкизм историческим фактом, Бузольт в своем широко известном справочном издании «Griechische Staatskunde» (Busolt, Swoboda, 1972, II, S. 647) датирует это событие серединой VIII в. до н. э., прямо связывая его с провозглашением так называемой «Большой ретры». По его мнению, в образовании спартанского полиса принимали участие пять ком, или территориальных фил, а не четыре, как считают Тойнби и некоторые другие авторы. Пятой комой Бузольт (Ibid., S. 645, Anm. 2, 3) считает местечко под названием Дима, единственное упоминание о котором сохранилось в словаре Гезихия (Hesych. Δύμη ἐν Σπάρτῃ φυλῆ καὶ τόπος), хотя, наверное, естественней было бы связать этот топоним с названием одной из трех дорийских фил — Диманы. Концепция Бузольта находится в известном противоречии с его же собственной гипотезой об основании дорийцами, вторгшимися в долину Еврота, постоянного военного лагеря, что было бы едва ли возможно, если бы пришельцы уже до этого не были бы политически объединены и не составляли бы того примитивного сообщества, которое немецкие историки обычно обозначают термином Stammstaat. Но если такое сообщество уже существовало в Спарте в IX — первой половине

VIII в. до н. э., то в чем в этом случае должен был заключаться смысл синойкизма, осуществленного, как склонен думать Бузольт, лишь где-то около середины VIII в., т. е. уже после того, как спартанцы подчинили своей власти большую часть Лаконии и готовы были приступить к завоеванию Мессении? «Большая ретра» действительно расценивается многими как учредительный акт, заложивший основы спартанского государственного устройства, и как таковой, вероятно, и в самом деле может иметь какое-то отношение к синойкизму, хотя такая интерпретация «Ретры» отнюдь не является единственно возможной, а ее датировка практически до сих пор остается неустановленной.

Нельзя не заметить, что само признание спартанского синойкизма историческим фактом находится в очевидном противоречии с известными словами Фукидида (Thuc. I, 10, 2) о том, что Спарта еще и в его время, т. е. в последней четверти V в. до н. э. оставалась «несинойкизированным полисом» (οὔτε συνοικισθείσης πόλεως). Правда, из контекста этого места (упоминание о деревенском образе жизни спартанцев) явно следует, что в данном случае историк подразумевал под синойкизмом совсем не то, что он имел в виду, рассказывая во II книге свой «Истории» (Thuc. II, 15) об объединении Аттики вокруг Афин при Тесее. Так называемый «Тесеев синойкизм» заключался, по Фукидиду, лишь в превращении Афин в главный политический центр всей страны и предполагал лишь сосредоточение в одном месте всех основных органов государственной власти и культов, отнюдь не переселение в Афины жителей других аттических городков, которые и после этого (историк ясно дает это понять) продолжали жить по своим демам. Тем не менее, категорически подчеркивая, что Спарта за всю свою историю так и не прошла через стадию синойкизма, Фукидид явно намекает на то, что в дошедших до него преданиях не сохранилось никаких упоминаний об объединении четырех спартанских ком в полис с общим названием Спарта.

Некоторые авторы склонны видеть отголосок такого предания в другом сообщении того же Фукидида (Thuc. I, 18, 1), по словам которого, за поселением дорийцев в Спарте последовал долгий период смут и политического неурядиства, завершившийся установлением «благозакона» (видимо, при Ликурге) за «четыреста с небольшим лет до окончания этой войны», т. е. где-то около то ли 821, то ли 804 г. до н. э. (Rubinsohn, 1975, p. 126). Но в этом случае опять-таки встает вопрос, имеем ли мы право на прямое отождествление гипотетического спартанского синойкизма или, может быть, скорее, симполитии с более или менее надежно засвидетельствованным античной исторической традицией законодательством Ликурга, или хотя бы со считавшейся наиболее важной его частью «Большой ретрою». Ведь никто из греческих авторов, так

или иначе касавшихся деятельности Ликурга, не называет его прямо основателем государства, уподобляя Тесею или какому-нибудь другому герою — ойкисту. А сами смуты, о которых говорит Фукидид и вслед за ним некоторые другие историки, могли происходить внутри, по крайней мере, формально уже считавшегося существующим спартанского полиса. Ведь, в понимании автора «Истории Пелопонесской войны», Спарта была полисом, хотя вопреки обыкновению не знала синойкизма. А в такой его форме полис мог сложиться где-то вскоре после прихода дорийцев в Лаконию и основания ими четырех деревень в средней части долины Еврота.

С вопросом о синойкизме самым непосредственным образом связан другой не менее важный вопрос о происхождении спартанской диархии. Как правило, двойная царская власть обособляется в античной традиции от всех других политических и социальных институтов спартанского государства как единственное учреждение, существовавшее еще до Ликургова законодательства. Такую схему истории спартанской политики мы находим, например, в «Законах» Платона (Plato. Leges III, 691de), который ставит на первом месте по времени возникновения диархию, на втором — герусию и на третьем — эфорат. Другие авторы принимают факт существования диархии в период, предшествующий деятельности Ликурга, как некий постулат или аксиому, включая самого законодателя в состав одной из двух царствовавших династий в качестве царского опекуна и регента. В древности, однако, не было полного единства мнений в отношении времени возникновения двойной царской власти. Одни считали, что дорийцы принесли ее с собой в Спарту в уже готовом виде, другие думали, что она появилась только после их прихода в Лаконию. Согласно Геродоту (Hdt. VI, 52), этой последней точки зрения придерживались сами спартанцы, полагавшие «вопреки утверждениям всех поэтов», что их привел в Лаконию правнук Гилла царь Аристодем, а вовсе не его сыновья — братья-близнецы Еврисфен и Прокл, родоначальники двух царских династий. Далее в этой же главе излагается известный анекдот о рождении близнецов, объясняющий читателю, каким образом в Спарте возникло двоецарствие и почему из двух царских династий большим почетом пользовались Агиады, считавшиеся «старшими» (ср.: Plato. Leges III, 682e–683e; Ephor. 70 Frg. 121 (j.); Apollod. II, 8). Обе версии предания, противопоставляемые Геродотом, восходят в сущности к одной и той же «посылке»: родоначальниками двух царских династий были братья-близнецы, родившиеся то ли еще до прихода дорийцев в Спарту, то ли уже после этого события. Тем не менее версия, которую Геродот заимствовал из каких-то спартанских источников, несомненно, заслуживает предпочтения не только по причине

ее близости к местной, вероятно, более аутентичной традиции, но еще и потому, что сама по себе она более логична и композиционно лучше сбалансирована, чем другая версия, разделяемая «всеми поэтами» (к сожалению, осталось неизвестным, кого конкретно Геродот имел в виду в данном случае). Смерть Аристодема еще до вторжения дорийцев на Пелопоннес в этой версии в общем никак не мотивирована. Скорее всего, она понадобилась авторам этого варианта традиции лишь для того, чтобы таким образом расчистить место для родоначальников династий Агиадов и Еврипонтидов и связать между собой две различающиеся по своему характеру и происхождению легенды: о возвращении Гераклидов и о происхождении двойной царской власти в Спарте.

Совершенно особое место в дошедшей до нас античной традиции занимает любопытная версия, сохраненная таким поздним автором, как Полиен (Polyaen. I, 10). В, очевидно, выхваченной из своего первоначального контекста и потому плохо понятной фразе он сообщает буквально следующее: «Гераклиды Прокл и Темен вели войну (или, может быть, враждовали — ἐπολέμουν) с занимавшими Спарту Еврисфенидами». Буквально все в этом коротком предложении вызывает недоумение. В самом деле, почему Прокл отделен здесь от своего брата Еврисфена и вкуче с Теменом, старшим представителем третьего поколения Гераклидов, ведет против него войну, нападая на Спарту, вероятно, из Аргоса? Еврисфен и его потомство здесь явно отлучены от рода Гераклидов и образуют какой-то особый клан. Поскольку предыстория события, о котором рассказывает Полиен, а также и его последствия нам неизвестны, можно строить различные предположения и догадки о происхождении этого странного предания. Скорее всего, автор «Стратегикона» или его источник просто попытался здесь историзировать полуанекдотические сообщения более ранних греческих писателей, и прежде всего того же Геродота, об исконной вражде сыновей Аристодема и их потомков и придумал войну, о которой ничего не знает вся остальная легендарная традиция. Во всяком случае, использовать этот странный фрагмент для реконструкции подлинных событий, будто бы происходивших в Спарте вскоре после заселения ее дорийцами, было бы неосторожно⁶.

⁶ На этих словах данная глава обрывается (Л. III.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологический материал, восходящий к XII—X вв. до н. э., т. е. к наиболее вероятному времени прихода дорийцев на Пелопоннес и близлежащие острова Эгейды, явно не «вписывается» в восходящую к античной исторической традиции картину массированного вторжения в Южную Грецию большой «орды» северных варваров из Эпира, Македонии или Фессалии. Гораздо лучше он согласуется с отстаиваемым в последнее время некоторыми авторами (Хэммонд, Кирстен и др.) представлением о постепенном просачивании на Пелопоннес сравнительно небольших кочевых групп пришельцев и постепенном же их оседании в местах, наиболее благоприятных для поселения. Уже очень большой разрыв во времени, разделяющий возникновение первых поселений в двух главных опорных пунктах дорийского влияния на Пелопоннесе — Аргосе и Спарте, говорит в пользу этой гипотезы.

Обращает на себя внимание также и то, что этнические пертурбации, отчасти сопутствовавшие крушению микенской культуры, отчасти за ним последовавшие, не привели к образованию в Южной Греции какой-то зоны, или ареала, с более или менее единообразной археологической культурой. Можно с уверенностью утверждать, что этническая специфика дорийцев, если, конечно, допустить, что она уже так или иначе определилась в этот период, никак не проявила себя в археологическом материале. Все предпринимавшиеся до сих пор попытки определить хотя бы общие контуры дорийской материальной культуры, подводя под это понятие разного рода инновации, появившиеся в Греции в хронологических рамках темных веков, как правило, терпели неудачу, а само «дорийское завоевание» с некоторых пор стало рассматриваться как еще один вариант так называемого невидимого вторжения.

Как показали в своих исследованиях Десборо, Шахермайр и др., зона предполагаемого расселения дорийцев на территории Пелопоннеса может быть разделена по крайней мере на две довольно сильно различающиеся между собой археологические «провинции»: северо-восточную (Арголида и Приистмийская область) и южную (Лакония с Мессенией). Если первая из этих двух провинций в целом явно тяготела к Аттике и, таким образом, ее развитие шло более или менее в унисон

с этим в то время наиболее передовым районом всего греческого (эгейского) мира, то вторая, напротив, в течение целого ряда столетий (с XI по IX в. до н. э.) пребывала, по всей видимости, в состоянии глухой изоляции и очень сильно отставала от Аттики, Арголиды и других районов циркумэгейской зоны, в то время (по крайней мере, с X в. до н. э.) уже составлявшей известного рода культурную общность, ареал с несколько смещенным к западу центром. Правда, археологический материал, прежде всего, конечно, керамика XI–IX вв. до н. э., происходящий с территории Лаконии и Мессении, по своим формальным признакам почти неотличим от аналогичного материала из северо-западных районов Пелопоннеса (Элиды, Ахайи) и лежащих дальше к северу районов Средней Греции (Этолия, Локрида, Фокида и т. д.). В этот комплекс входят в основном различные виды примитивно сформированной и декорированной керамики, которые Шахермайр обозначает одним общим термином — *Zwischenware*, *Zwischenkeramik*. С известными оговорками эта общность наиболее массовых видов археологических находок на всем пространстве от южных отрогов Пинда до мысов Тенар и Малей может восприниматься как свидетельство этнической общности населявших эту территорию племен. Эта догадка в значительной степени подтверждается позднейшими по преимуществу эпиграфическими данными о распространении так называемых северо-западногреческих диалектов, среди которых дорийский диалект как будто так и не удалось до сих пор вычленить как особое ответвление. Ситуация, сложившаяся в этой части Пелопоннеса и Средней Греции в период послемикенского регресса, вероятно, характеризовалась постепенным продвижением к югу большого этнического массива, первоначально населявшего наиболее отдаленные периферийные области Микенской Греции на севере и северо-западе Балканского полуострова (Македония, Фессалия, Эпир). Основная часть этих северных кочевников расселилась на территории, где микенское население либо с самого начала было незначительным (Ахайя, Элида, Аркадия, Локрида, Этолия, Фокида), либо очень сильно сократилось в числе после великих катастроф, обрушившихся на Грецию в конце эпохи бронзы (XIII–XII вв. до н. э.), — Лакония и Мессения. Однако отдельные группы пришельцев проникли в те области, где концентрация автохтонного (микенского, или микенско-минойского) населения все еще оставалась довольно значительной, несмотря на все пережитые им бедствия и потрясения. Такими областями могут, по всей видимости, считаться Арголида с районом Коринфа и Мегары, Крит, Родос и некоторые другие не столь крупные острова Южной Эгеиды. Особое место среди этих областей занимает Арголида с Коринфом, поскольку именно в этой части Пелопоннеса должно было происходить особенно активное взаимодействие примитивной пастушеской культуры

пришельцев с сильно деградировавшей, но все же более высокой культурой местного ахейского населения и где вместе с тем возникла наиболее напряженная конфронтация этих двух этнических групп, особенно обострившаяся после возникновения на территории соседней Аттики мощного очага сопротивления коренного населения дорийской экспансии. Этим очагом, безусловно, должны были стать Афины, объединившие вокруг себя если не всю, то большую часть Аттики, давшие на своей территории убежище многочисленным эмигрантам из других опустошенных войной и социальными катаклизмами областей Микенской Греции и организовавшие их переселение на азиатское побережье Эгейского моря. В Афинах раньше, чем где бы то ни было в Греции, сформировалось примитивное государство полисного типа (так называемый Тезеев синойкизм) и была создана искусственно сбалансированная трибальная организация, ставшая структурной основой этого государственного образования.

В идеологической сфере эти важные политические перемены нашли свое косвенное отражение в возникновении новой манеры вазовой росписи — геометрического стиля, фундаментальными эстетическими принципами которого могут, безусловно, считаться идеи математически выверенной гармонии и жестко фиксированного порядка, противостоящего изначальному хаосу первобытного родоплеменного мира (ср. концепцию Шахермайра о геометрическом стиле как порождении врожденного чувства дисциплины и порядка — *Straffheit*, свойственного из всех греков более всего дорийцам). Все эти афинские «изобретения» и новшества были, конечно, в разной степени и всегда применительно к местным условиям усвоены и переняты, с одной стороны, их соплеменниками — другими ионийскими греками, с другой — их ближайшими врагами — дорийцами Истма и Арголиды. Именно в этом районе раньше, чем где бы то ни было на Пелопоннесе, распространилась геометрическая вазопись, в художественном отношении мало уступающая аттической и широко использующая свойственный ей репертуар орнаментальных мотивов. В Арголиде и Коринфии же, вероятно, сложились и первые дорийские полисы, и специфически дорийская форма трибальной организации. Весьма возможно, что именно отсюда эта форма трибальной организации, а вместе с ней и самоназвание дорийцев была заимствована некоторыми другими пелопоннесскими и внепелопоннесскими общинами, созданными носителями северо-западногреческих диалектов на захваченной ими территории. Первой среди этих общин, по всей видимости, была Спарта, по крайней мере, начиная с IX в. до н. э. вступившая в ожесточенное соперничество с Аргосом и одновременно испытывавшая на себе его все усиливающееся культурное и политическое влияние.

ЛИТЕРАТУРА

- Akurgal E.* Early period and Golden Age of Ionia // *AJA*. 1962. Vol. 66. 4.
- Alin P.* Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland // *SIMA*. Lund, 1962.
- Andronikos M.* Ἡ «δωρική εισβολή» καὶ τὰ ἀρχαιολογικὰ εὐρήματα // *Hellenika*. 1954. T. 13.
- Andronikos M.* Totenkult // *Archaeologia HomERICA*. Bd. 3. Kap. W. Göttingen, 1968.
- Andronikos M.* The «Dorian Invasion» and the archaeological evidence // *Actes du VIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. T. 2. Prague, 1971.
- Bartoněk A.* Classification of the West Greek Dialects at the Time about 350 B. C. Prague, 1972.
- Bartoněk A.* The place of the Dorians in the Late Helladic world // *BAMA*. 1973.
- Beloch J.* Die dorische Wanderung. Straßburg, 1890.
- Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. I, Abt. 2. Straßburg, 1913.
- Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1965; 1969.
- Betancourt P. P.* The End of Greek Bronze Age // *Antiquity*. 1976. 50.
- Bintliff J.* Environment and Settlement in Prehistoric Greece. 2. Oxford, 1977 (*BAR*. Supp. 28).
- Blegen C. W.* The Mycenaean age, The Trojan war, the Dorian invasion and other problems // *Lectures in memory of Louise Taft Semple*. Ser. I. Princeton, 1967.
- Bölte F.* Sparta // *RE*. IIIA. Stuttgart, 1929.
- Bourguet E.* Le Dialecte laconien. Paris, 1927.
- Bouzek J.* Homerisches Griechenland. Praha, 1969.
- Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millenium B. C. Praha, 1985.
- Broneer O.* The Cyclopean wall on the Isthmus of Corinth and its bearing on late bronze age chronology // *Hesperia*. 1966. Vol. 35.
- Broneer O.* The Cyclopean wall on the Isthmus of Corinth. Addendum // *Hesperia*. 1968. Vol. 37.
- Bryson R. A., Lamb H. H., Donley D. L.* Drought and the Decline of Mycenae // *Antiquity*. 1974. 48.
- Buck C. D.* The Language Situation in and about Greece in the Second Millenium B. C. // *Classical Philology*. 1926. Vol. 21.
- Buck R. J.* The Mycenaean time of troubles // *Historia*. 1969. № 48.3.

- Buschor E., von Massow W.* Vom Amyklaion // AM. 1927. Bd. 52.
- Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1893.
- Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920.
- Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. II. München, 1926; 1972.
- Carpenter R.* Discontinuity in Greek Civilization. Cambridge, 1966.
- Cartledge P. A.* Sparta and Laconia. London, 1972.
- Cartledge P. A.* Sparta and Laconia. A Regional History 1300–362 B. C. London, 1979.
- Cassola F.* La Ionie nel mondo miceneo. Naples, 1957.
- Catling H. W.* Late Minoan vases and bronzes in Oxford // BSA. 1968. № 63.
- Catling H. W. and E. A.* «Barbarian» Pottery from the Mycenaean Settlement at the Menelaion, Sparta // BSA. 1981. № 76.
- Chadwick J.* The Mycenaean World. Cambridge, 1976 (1976a).
- Chadwick J.* Who were the Dorians? // PP. 1976. 31 (1976b).
- Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. Manchester, 1952.
- Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. A Survey of Ten Local Styles and their Chronology. London, 1968.
- Coldstream J. N.* Geometric Greece. London, 1977.
- Cook J. M.* Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor // CAH. Vol. II. Pt. 2. Cambridge, 1975.
- Coulson W. D. E.* The Dark Age Pottery // W. A. McDonald et al. Excavations at Nichoria in Messenia: 1972–1973 / Hesperia. 1975. Vol. 44. 1.
- Daniel J. F., Broneer O., Wade-Gery H. T.* The Dorian Invasion // AJA. 1948. Vol. 52.
- Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. Excavated and described by members of the British School at Athens. London, 1929.
- De Sanctis G.* Storia dei Greci dalle origini alla fine del secolo V. Firenze, 1939.
- Deger-Jalkotzy S.* Fremde Zuwanderer im späthykenischen Griechenland. Wien, 1977.
- Deger-Jalkotzy S.* Das Problem der «Handmade Burnished Ware» // Griechenland, die Ägäis und Levante während der «Dark Ages» vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. Wien, 1983.
- Demargne P.* Naissance de l'art Grec. Paris, 1964.
- Desborough V. R. d'A.* Protogeometric Pottery. Oxford, 1952.
- Desborough V. R. d'A.* The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxford, 1964.
- Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. London, 1972.
- Desborough V. R. d'A.* The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age. (a) The Archaeological Background // CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVI. Cambridge, 1975.
- Deshayes J.* Argos. Les fouilles de la Deiras (Études Péloponnésiques IV). Paris, 1966.
- Dickinson O. T. P. K.* The definition of Late Helladic I // BSA. 1974. № 69.
- Dickinson O. T. P. K.* The Origins of Mycenaean Civilization. Göteborg, 1977.
- Dietrich B. C.* The Dorian Hyacinthia: a survival from the Bronze Age // Kadmos. 1975.

Dietrich B. C. Tradition in Greek Religion. Brl.; N. Y., 1986.

Droop J. P. The Native Pottery from Acropolis // BSA. 1926—1927. № 28.

Ehrenberg V. Sparta // RE. Hbd. VI. 1929.

Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Zürich; Stuttgart, 1965.

Finley M. I. The Mycenaean tablets and economic history // EHR, 1957. 10.

Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. London, 1970, 1981.

Finley M. I. Sparta: The Use and Abuse of History. N. Y., 1975.

Forrest W. G. A History of Sparta. 950—192 B. C. N. Y., 1969.

Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Hague, 1965.

Grumach E. The coming of the Greeks. I // Bulletin of the J. Rylands Library. 1968. Vol. 50.

Hafner G. Geschichte der griechischen Kunst. Zürich, 1961.

Häfner U. Das Kunstschaffen Lakoniens in archaischer Zeit. Münster, 1965.

Hägg R. Die Gräber der Argolis. Bd. I. Uppsala, 1974.

Hägg R. Zur Stadtwerdung der dorischen Argos // Palast und Hütte. Mainz ^a/R, 1982.

Hammond N. G. L. Prehistoric Epirus and the Dorian Invasion // BSA. 1931/32. № 32. 1934.

Hammond N. G. L. Epirus. Oxford, 1967.

Hammond N. G. L. Grave Circles in Albania and Macedonia // BAMA. 1973.

Hammond N. G. L. The End of the Mycenaean Civilization and the Dark Age. (b) The Literary Tradition for the Migrations // CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVI. Cambridge, 1975.

Hammond N. G. L. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, 1976.

Hampl Fr. Die Chronologie der Einwanderung der griechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur // MH. 1960. 17.

Hanfmann G. M. A. Ionia, Leader or Follower? // Harvard Studies in Classical Philology. 1953. 61.

Hasebroeck J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Persezeit. Tübingen, 1931.

Heurtley W. A. A Prehistoric Site in Western Macedonia and the Dorian Invasion // BSA. 1926/27. № 28; 1927/28. № 29.

Heurtley W. A., Skeat T. C. Report on the cemetery at Marmariani // BSA. 1930/31. № 31.

Heurtley W. A. Prehistoric Macedonia. Cambridge, 1939.

Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969.

Hiesel G. Grabungen und Forschungen in Tiryns // Antike Welt. 1975. 6. Jg. Hf. 2.

Homann-Wedeking E. Von spartanischer Art und Kunst // Antike und Abendland. 1958. Bd. 7.

- Hood S.* Buckelkeramik at Mycenae? // Europa. Festschrift Grumach. 1967.
- Hooker J. T.* Mycenaean Greece. London, 1976; 1980.
- Hooker J. T.* New Reflexions on the Dorian Invasion // Klio. 1979. Bd. 61. Hf. 2.
- Hooker J. T.* The Ancient Spartans. London, 1980.
- Hutchinson J. S.* Mycenaean kingdoms and mediaeval estates (an analogical approach to the history of LH III) // Historia. 1977. № 26.
- Huxley G. M.* Early Sparta. London, 1962.
- Huxley G. M.* Early Ionias. London, 1966.
- Iakovidis Sp.* Vormykenische und Mykenische Wehrbauten // Archaeologia Home-rica. E. Göttingen, 1977.
- Iakovidis Sp. E.* Late Helladic citadels on Mainland Greece. Leiden, 1983.
- Iakovidis S. E.* Perati, eine Nekropole der ausklingenden Bronzezeit in Attika // Ägäische Bronzezeit / Hrsg. Buchholz H.-G. Darmstadt, 1987.
- Jacoby F.* Rhianos von Bene (Kreta) // FG rHist. IIIa, Kommentar zu № 262–296. Leiden, 1943.
- Jeffery L. H.* The Local Scripts of Archaic Greece: a Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B. C. Oxford, 1961.
- Kahrstedt U.* Griechisches Staatsrecht. Bd. I. Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922.
- Karo G. H.* Mykenische Kultur // RE. Suppl. Bd. VI. 1935.
- Kiechle F.* Lakonien und Sparta. Untersuchungen zur ethnischen Struktur und zur politischen Entwicklung Lakoniens und Spartas bis zum Ende der archaischen Zeit. München, 1963.
- Kiechle F.* Die Ausprägung der Sage von der Rückkehr der Herakliden // Helikon. 1966. № 6.
- Kilian Kl.* Ausgrabungen in Tiryns 1981 // AA. 1983, Heft. 3.
- Kimmig W.* Seevölkerbewegungen und die Urnenfelder-Kultur // Studien aus Alt Europa. T. I. Graz, 1964.
- Kirsten E.* Gebirgshirtenentum und Seßhaftigkeit — die Bedeutung der Dark Ages für griechischen Staatenwelt: Doris und Sparta // S. Deger-Jalkotzy (Hrsg.) Griechenland, die Ägäis und Levante während der «Dark Ages» / SAWW. 1983. 418.
- Krahe H.* Ortsnamen als Geschichtsquelle // Vorträge und Studien zur indogermanischen Sprachwiss., Namensforschung und Altertumskunde. Heidelberg, 1949.
- Kraiker W.* Nordische Einwanderungen in Griechenland // Die Antike. 1939. 15.
- Kraiker W., Kübler K.* Kerameikos. Bd. I. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. Berlin, 1939.
- Lang M. L.* The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. II. The Frescoes. Princeton, 1969.
- Latte K.* Phratric // RE. Hbd. 39. Stuttgart, 1941.
- Leaf W.* Homer and History. London, 1915.

- Matz F.** Griechische Vorgeschichte // Das neue Bild der Antike. Bd. I. Frankfurt ^a/M., 1942.
- Matz Fr.** Geschichte der griechischen Kunst. Bd. I. Frankfurt ^a/M., 1950.
- McDonald W. A., Hope Simpson R. H.** Further explorations in Southwestern Peloponnese, 1964 / 1968 // AJA. 1969. Vol. 73.
- McDonald W. A., Rapp. G. R. J. (eds.)** The Minnesota Messenia Expedition. Reconstructing a Bronze Age Regional Environment. Minneapolis, 1972.
- Meyer Ed.** Geschichte des Altertums. Bd. 2. Stuttgart, 1893, 1928. Bd. 3. Stuttgart, 1937.
- Milojčić V.** Die dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen // AA. 1948/49.
- Müller K. O.** Die Dorier. 2 Bd. Breslau, 1824.
- Müller-Karpe H.** Metallgegenstände der Keramikos-Gräber // JdI. 1962. Bd. 77.
- Müller-Karpe H.** Zur spätbronzezeitlichen Bewaffung in Mitteleuropa und Griechenland // Germania. 1962. 40. 2. Hlb.
- Müller-Karpe H.** Handbuch der Vorgeschichte. III. Kupferzeit. München, 1974. IV. Bronzezeit. München, 1980.
- Mylonas G.** Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966.
- Mylonas G. E.** Mycenae's last century of Greatness. Sydney; London, 1969.
- Myres J. L.** Who were the Greeks? Berkeley, 1930.
- Niese B.** Neue Beitrage zur Geschichte und Landeskunde Lakedaemons. Die lakedaemonischen Perioeken // Goettingische Gelehrte Nachrichten, 1906.
- Niese B.** Der homerische Schiffskatalog als historische Quelle betrachtet. Kiel, 1873.
- Nilsson M. P.** Griechische Feste. Lpz., 1906.
- Nilsson M. P.** Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1976.
- Norvin W.** Zur Geschichte der spartanischen Eunomia. I. Dorier und Achaier // Classica et Mediaevalia. 1939. № 2.
- Oliva P.** Sparta and her Social Problems. Prague, 1971.
- Pendlebury J. D. S.** Lasithi in ancient times // BSA. 1936–1937. № 37.
- Pendlebury H. W. and J. D. S., Money-Coutts M.** Excavations in the plain of Lasithi. III. Karphi // BSA. 1937–1938. № 38.
- Pöhlmann R. von.** Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Bd. I–II. München, 1912. Bd. I. Munich, 1925.
- Renard L.** Notes d'architecture protogéométrique et géométrique en Crète // L'Antiquité Classique. 1967. 36.
- Renfrew A. C.** The Emergence of Civilisation: the Cyclades and the Aegean in the Third Millenium B. C. London, 1972.
- Roebuck C.** Tribal Organization in Ionia // Trans. Amer. Philos. Soc. 1961. 92.
- Roebuck C.** Some aspects of urbanization in Corinth // Hesperia. 1972. Vol. 41.
- Roussel D.** Triba et Cite. Paris, 1976.
- Rubinsohn Z.** The Dorian Invasion again // PP. 1975. 30.

Rutter J. B. Ceramic Evidence for Northern Intruders in southern Greece at the beginning of the LH IIIC period // *AJA*. 1975. Vol. 79. 1.

Sakellariou M. B. La Migration Grècque en Ionie. Athènes, 1958.

Sandars N. The last Mycenaean and the European late bronze age // *Antiquity*. 1964. 38.

Sandars N. The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean. London, 1978.

Sarkady J. Heortologische Bemerkungen zur dorischen Urgeschichte // *Acta Classica Universitatis Scientiarum Debrecen*. 1969. 5.

Sarkady J. Outlines of the Development of Greek Society in the Period between 12th and 8th Cent. B. C. // *Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar*. 1975. 23. 1–2.

Schachermeyr Fr. Die etruskische Frühgeschichte. Wien, 1929.

Schachermeyr Fr. Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960.

Schachermeyr Fr. Die Ägäische Frühzeit. Bd. 4: Griechenland im Zeitalter der Wanderungen vom Ende der mykenischen Ära bis auf die Dorier. Wien, 1980.

Schachermeyr Fr. Die Zeit der Wanderungen im Spiegel ihrer Keramik // Griechenland, die Ägäis und Levante während der «Dark Ages» / Hrgs. von S. Deger-Jalkotzy. Wien, 1983.

Schachermeyr Fr. Griechische Frühgeschichte. Wien, 1984.

Schmitt R. Einführung in die griechischen Dialekte. Darmstadt, 1977.

Schweitzer B. Die geometrische Kunst Griechenlands. Köln, 1969.

Severyns A. Grèce et Proche-Orient avant Homère. Bruxelles, 1960.

Skeat T. C. The Dorians in Archaeology. London, 1934.

Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971.

Snodgrass A. M. Metalwork as Evidence for Immigration in the Late Bronze Age // Bronze Age Migrations in the Aegean / ed. by R. A. Grossland and A. Birchall. London, 1973.

Solmsen F. Vordorisches in Lakonien // *RhM*. 1907. 62.

Starr C. G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B. C. N. Y., 1961.

Starr C. G. The Credibility of Early Spartan History // *Historia*. 1965. № 14.

Starr C. G. The Awakening of the Greek Historical Spirit. N. Y., 1968.

Starr C. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C. N. Y., 1977.

Stubbings Fr. H. The Recession of Mycenaean Civilization // *CAH*. II, 2. Ch. XXVII. Cambridge, 1975.

Styrenius O. G. The vases from the Submycenaean cemetery on Salamis // *Opuscula Atheniensia*. 1962. T. IV.

Styrenius O. G. Submycenaean Studies. Lund, 1967.

Szanto E. Die griechischen Phylen // *Sitzungsber. Akad. Wiss. Wien*, 1901. CXLIV.

Szanto E. Die griechischen Phylen // *Ausgewählte Abhandlungen*. Tübingen, 1906.

Thomas C. Found: The Dorians. Archaeology and Greek Linguistics at the End of the Late Bronze Age // *Expedition*. 1977–78. 20. № 3 (1978a).

Thomas C. G. A Dorian Invasion? The Early Literary Evidence // *SMEA*. 1978. 19 (1978b).

Thomas C. G. The Celts. A Model for the Dorian Invasion? // *SMEA*. 1980. 21.

- Thompson H. A.* Buildings on the west side of the Agora // *Hesperia*. 1937. Vol. 6. 1.
Thompson H. A. The Athenian Agora, 1954 // *AA*. 1954.
Thomson G. Studies in Ancient Greek Society. I. Prehistoric Aegean. London, 1954.
Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. I. Stockholm, 1965.
Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2 ed. Vol. 1–2. Oxford, 1946–1948.
Tomlinson R. A. Argos and the Argolid from the end of the bronze age to the Roman occupation. London, 1972.
Toynbee A. J. Some Problems of Greek History. Oxford, 1969.
Tritsch F. J. The «Sackers of Cities» and the «movement of populations» // *BAMA*. London, 1973.
- Vermeule E.* The Fall of the Mycenaean Empire // *Archaeology*. 1960. Vol. 13. 1.
Vermeule E. T. Greece in the Bronze Age. Chicago; London, 1964, 1966.
Vitalis G. Die Entwicklung der Sage von der Rueckkehr der Herakliden, untersucht im Zusammenhang mit der politischen Geschichte des Peloponnes bis auf den ersten Messenischen Krieg. Greifswald, 1930.
- Wade-Gery H. T.* The Dorians // *CAH*. II. 1924.
Wade-Gery H. T. The Growth of the Dorian States // *CAH*. III. 1925.
Wade-Gery H. T. The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus, VI // *CQ*. 1943. 37. 1944. 38.
Waldbaum J. C. From Bronze Age to Iron: The Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978.
Waterhouse H., Hope Simpson R. Prehistoric Laconia I // *BSA*. 1960. № 55.
Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Lief. 1–4. Tübingen, 1921–1922.
Weber Max. Wirtschaftsgeschichte. Abriß der universellen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. München; Leipzig, 1923.
Wilamowitz-Moellendorff U. von. Euripides. Heracles. Berlin, 1909.
Willetts R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete. London, 1955.
Winter F. H. An Historically derived Model for the Dorian Invasion // Symposium on the Dark Ages in Greece / ed. by E. N. Davis. N. Y., 1977.
- Zervos Chr.* La civilisation hellénique. T. I. Paris, 1969.
- Бартошек А.* Златообильные Микены. М., 1991.
Вебер М. Аграрная история древнего мира / Пер. с нем. Е. С. Петрушевской. М., 1925.
Георгиев Вл. История Эгейского мира во II тыс. до н. э. в свете минойских надписей // *ВДИ*. 1950. № 4.
Колобова К. М. Греция XI–IX вв. до н. э. Л., 1956.
Лурье С. Я. История Греции. Ч. I. Л., 1940.
Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.
Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису // *Античная Греция* / Под ред. Е. С. Голубцовой и др. М., 1983.

Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический и Эгейский мир / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой и В. С. Соколова. М., 1958.

Дополнительно рекомендуем следующие издания

(— В. С. Б. и Л. Ш.)

Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — нач. I тыс. до н. э.). СПб., 2002. Особенно о раскопках в Лефканди.

Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze-zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus. Ergebnisse eines Kolloquiums in Regensburg 28–30 Oktober 1992. Bonn, 1994.

Boardman J. Early Greek vase painting 11th–6th centuries B. C. A handbook. London, 1998.

Bouzek J. Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered, 1997.

Cosmopoulos M. B. The Political Landscape of Mycenaean States //AJA. 2006. Vol. 110.

Everson T. Warfare in Ancient Greece: Arms and Armour from the Heroes of Homer to Alexander the Great. Sutton Publishing, 2004.

Heinrich Schlimmanns Sammlung Trojanischer Altertümer- Neuvorlage / Hrsg. von M. Wemhoff, D. Hertel und A. Hänsel. Staatliche Museen zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. Berlin, 2008.

Griechenland und das Meer. Beiträge eines Symposions in Frankfurt im Dezember 1996 // Peleus. Bd. 4 / Hrsg. von E. Chrysos. Möhnese, 1999.

Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontus // Eurasia Antiqua. 2008. Bd. 14.

Lemos I. S. The Protogeometric Aegean: the Archaeology of the Late Eleventh and Tenth Centuries B. C. Oxford, 2002.

The Mycenaean World. Five centuries of Early Greek Culture 1600–1100 B. C. National Archaeological Museum 15/XII 1988 — 31/III 1989. Athens, 1988.

Der Neue Pauly. Bd. 3. Stuttgart; Weimer, 1997.

Papadopoulos Th. I. Zum Stand der Bronzezeitforschung in Epeiros // Ägäische Bronzezeit / Hrsg. von H.-G. Buchholz. Darmstadt, 1987.

Pavúk P., Horejs B. Mittel- und spätbronzezeitliche Keramik Griechenlands. Wien, 2012.

Wanzek B. Ein Gußmodell für einen Dolch mykenischen Typs von der unteren Donau // ZfA. 1991. 25.

Zeit der Helden. Die «dunklen Jahrhunderte» Griechenlands 1200–700 v. Chr. Ausstellung 2008–2009. Karlsruhe, Badisches Landesmuseum, 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
AA — Archäologischer Anzeiger
AJA — American Journal of Archaeology
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AR — Archäological Reports
BAMA — Bronze Age Migration in the Aegean. Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory / Eds. R. A. Crossland and A. Birchall. London, 1973
BAR — British Archaeological Reports
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BSA — Annual of the British School of Archaeology at Athens
CAH — Cambridge Ancient History
CQ — Classical Quarterly
EHR — Economic History Review
FA — Fasti Archaeologici
FHG — Müller C. (ed.). Fragmenta historicorum graecorum. I–V. Paris, 1874–1883
FGrHist — Jacoby F. (Hrsg.). Die Fragmente der griechischen Historiker. Leiden; Berlin, 1926–1958
JdI — Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
MH — Museum Helveticum
NP — Der Neue Pauly. Bd. 3. Stuttgart; Weimer, 1997
OpAth — Opuscula Atheniensiа
PP — La Parola del Passato
RE — Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–1978
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
SAWW — Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien
SIMA — Studies in Mediterranean Archaeology
SMEA — Studi micenei ed egeo-anatolici
ZfA — Zeitschrift für Archäologie

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Ил. 1.* Акрополь Пилоса с дворцом Нестора. План поселения. *Lang M. L. The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. II. Frescoes. Princeton, 1969.* План 32
- Ил. 2.* Микены. Дворец. План главной части. *Iakovidis Sp. E. Late Helladic citadels on Mainland Greece. Leiden, 1983. P. 55* 33
- Ил. 3.1.* План цитадели Тиринфа и примыкающего к нему «нижнего города» 34
- Ил. 3.2.* Тиринф. Цитадель. *Zeit der Helden. Die «dunklen Jahrhunderte» Griechenlands 1200–700 v. Chr. Ausstellung 2008–2009. Karlsruhe, Badisches Landesmuseum, 2008. S. 65, 66* 35
- Ил. 4.1.* Гла. План цитадели 36
- Ил. 4.2.* Гла. Аэрофотосъемка и зубчатый фортификационный вал цитадели. *Iakovidis Sp. E. Late Helladic citadels on Mainland Greece. Leiden, 1983. Pl. 17, 58, 59* 37
- Ил. 5.* Образцы мечей типа Па по Sprockhoff'у: 1 — найденные на Балканах; 2 — найденный Шлиманом в Микенах в 1876 г.; 3 — из Энкоми, Кипр. SK III (XII в. до н. э.). *Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millenium B. C. Praha, 1985. Fig. 58; Zeit der Helden... S. 80, 94.* 44
- Ил. 6.* Мечи, найденные в могилах А и В в Мулиане, Крит: 1 — тип F; 3–5 — тип Па по Sprockhoff'у. *Müller-Karpe H. Zur spätbronzezeitlichen Bewaffung in Mitteleuropa und Griechenland // Germania. 1962. 40. 2. Hlb. Abb. 5* 45
- Ил. 7.* Кинжал, ножи, наконечники копий и фибулы центральноевропейских типов, найденные на территории Греции. ПЭ ППВ–С периоды. *Milojčić V. Die dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen // AA. 1948/49. Abb. 1; Iakovidis S. E. Perati, eine Nekropole der ausklingenden Bronzezeit in Attika // Ägäische Bronzezeit / Hrsg. Buchholz H.-G. Darmstadt, 1987. S. 467.* 46
- Ил. 8.* Фибулы ПЭ ППС периода: 1 — смычковая фибула из Микен, рубеж XIII–XII вв. до н. э.; 2 — смычковая фибула из Тейхос Димайон,

- Ахайя, конец XII в. до н. э.; 3 — фибула, распространенная в Европе (Босния, Венгрия, Германия), из Диакаты, Кефаления; 4 — фибула из Алонаки, Локры, тип, характерный для Центральной Греции, XII в. до н. э. *The Mycenaean World. Five centuries of Early Greek Culture 1600—1100 B. C.* National Archaeological Museum 15/XII 1988 — 31/III 1989. Athens, 1988. P. 244, 245, 262. 47
- Ил. 9.* Ваза воинов. Микенский акрополь. Рубеж XIII—XII вв. до н. э. Афины. Национальный музей. *Demargne P. Naissance de l'art Grec.* Paris, 1964. P. 239. 51
- Ил. 10.* Вооружение греческого воина. ПЭ IIIВ—С периоды. *Müller-Karpe H. Zur spätbronzezeitlichen Bewaffung...* S. 283 52
- Ил. 11.* Вооружение воинов Подунавья. ПЭ IIIВ—С периоды. Там же. S. 282 53
- Ил. 12.* 1—3. «Варварская» керамика ПЭ IIIС периода: 12.1 — из Трои; 12.2—3 — из окрестностей Менелайона, Спарта. *Heinrich Schlimanns Sammlung Trojanischer Altertümer-Neuvorlage / Hrsg. von M. Wemhoff et al. Brl., 2008. S. 89; Catling H. W. and E. A. «Barbarian» Pottery from the Mycenaean Settlement at the Menelaion, Sparta // BSA. 1981. № 76. P. 76, 77. 59—61*
- Ил. 13.* Олинф. Характерные типы сосудов и жаровен (3) эпохи поздней бронзы в Македонии. *Pavúk P., Horejs B. Mittel- und spätbronzezeitliche Keramik Griechenlands.* Wien, 2012. S. 138 62
- Ил. 14.* Сцена сражения на корабле. Фрагмент кратера ПЭ IIIС периода (XII в. до н. э.). Ламия. Археологический музей. *Griechenland und das Meer. Beiträge eines Symposions in Frankfurt im Dezember 1996 // Peleus. Bd. 4 / Hrsg. von E. Chrysos. Möhnesee, 1999. Abb. 30. 65*
- Ил. 15.* Керамика «тесного стиля» (close style): 1 — ваза из Микен; 2 — крышечки от пиксид из Перати; 3 — скифос из Кораку. *Iakovidis S. E. Perati, eine Nekropole... S. 453; Schachermeyr Fr. Die Ägäische Frühzeit. Bd. 4: Griechenland im Zeitalter der Wanderungen vom Ende der mykenischen Ära bis auf die Dorer. Wien, 1980. Taf. 7. S. 107 69*
- Ил. 16.* Сцена сражения на фреске из дворца Пилоса. *Lang M. L. The Palace of Nestor at Pylos... Pl. 124 74*
- Ил. 17.* Изделия из бронзы ПЭ IIIВ—С периодов: 1 — меч типа F из Иксалофоса, Фессалия; 2—3 — украшения, найденные на территории Эпира (кольцо из Элафотопоса и браслет из Центральной Европы); 4 — кольцо из Перати. *Mycenaean World... № 75; Papadopoulou Th. I. Zum Stand der Bronzezeitforschung in Epeiros // Ägäische Bronzezeit... S. 367; Iakovidis S. E. Perati, eine Nekropole... S. 459. 78*
- Ил. 18.* Керамика из Трои с роговидными выступами (Buckel-Keramik). *Heinrich Schlimanns Sammlung... S. 63, 86. 79*

- Ил. 19.* Вергина. Местная лепная керамика. *Schachermeyr Fr. Griechenland im Zeitalter der Wanderungen...* S. 297 87
- Ил. 20.* Табличка линейного *Б* письма (Та 641), обнаруженная в июне 1952 г. при раскопках Пилоса и впервые прочитанная К. Блегеном весной 1953 г. *Бартошек А.* Златообильные Микены. М., 1991. С. 74 89
- Ил. 21.* Женские вотивные фигурки из Микен, Перати, Просимны и Тиринфа. *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bd. IV. Bronzezeit. München, 1980. Taf. 244, 255 97
- Ил. 22.* Микенская керамика ПЭ ПИВ–С периодов: 1 — из Просимны; 2 — из Перати. *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bd. IV. Taf. 249, 253 100
- Ил. 23.* Керамика и фибулы СМ периода: 1–8 — Керамик, Афины; 9–10 — Лэфканда, Эретрия; 11–12 — Саламин. *Müller-Karpe H.* Metallbeigaben der früheisenzeitlichen Kerameikos-Gräber // JdI. 1962. Bd. 77. S. 88; *Schachermeyr Fr.* Griechenland im Zeitalter der Wanderungen... Taf. 43 101
- Ил. 24.* Протогеометрическая керамика из Афин (Керамик) и кратер из героона Лэфканди. *Müller-Karpe H.* Metallbeigaben der früheisenzeitlichen Kerameikos-Gräber... Сборная: S. 94–98; *Boardman J.* Early Greek vase painting 11th–6th centuries B. C. A handbook. L., 1998. P. 20 102
- Ил. 25.* Предметы вооружения и украшений СМ–ПГ периодов. *Milojčić V.* Die dorische Wanderung... Abb. 2. 105
- Ил. 26.* 1–3. Изделия из керамики, бронзы и железа СМ–ПГ периодов: 26.1 — из Вергины; 26.2 — вотивное колесо из Аргоса; 26.3 — из Тиринфа. *Müller-Karpe H.* Handbuch. Bd. IV. Taf. 244, 254, 258 107–108
- Ил. 27.* Керамика типа Бубусти (1) и ее орнаментальные мотивы (2). *Heurtley W. A.* Prehistoric Macedonia and the Dorian Invasion // BSA. 1926/7. P. 175 f.; *Schachermeyr Fr.* Griechenland... S. 280 f. 118–119
- Ил. 28.* Керамика типа Бубусти из одноименного округа. *Schachermeyr Fr.* Griechenland... S. 287 120
- Ил. 29.* 1–3. Мармариани: 29.1 — керамика, декорированная в стиле Бубусти; 29.2 — образцы орнамента лепной керамики; 29.3 — мотивы орнамента керамики, изготовленной на гончарном круге. *Schachermeyr Fr.* Griechenland... S. 312–314 121
- Ил. 30.* Аттические протогеометрические идолы (1–4 — Керамик) и их балканские параллели. *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millenium B. C. Praha, 1985. P. 199 124
- Ил. 31.* «Промежуточная» керамика: 1–8 — из Этолии; 9–12 — с Итаки. *Schachermeyr Fr.* Griechenland... Сборная: S. 245 f., 252 126

<i>Ил. 32.</i> Северо-западная группа «промежуточной» керамики из Иолка, Фессалия. Там же. Taf. 61	127
<i>Ил. 33.</i> «Промежуточная» керамика: 1 — из Дельф; 2 — Ахайи. Там же. S. 263. Taf. 53	128
<i>Ил. 34.</i> Субмикенские погребения в Арголиде. <i>Hügg R. Die Gräber der Argolis. Bd. I. Uppsala, 1974. S. 14</i>	140
<i>Ил. 35.</i> Протогеометрические погребения в Арголиде. Там же. S. 15	141
<i>Ил. 36.</i> Образцы керамики Арголиды периода темных веков: 1, 3, 4 — «промежуточная» с южного кладбища Аргоса; 2 — крышка вазы в виде иглы, там же; 5—7 — субмикенская, там же; 8, 9 — «промежуточная» из Азины; 10—13 — протогеометрическая, там же. <i>Schachermeyr Fr. Griechenland... S. 215. Taf. 46</i>	142
<i>Ил. 37.</i> «Варварская» керамика из Менелайона. <i>Catling H. W. and E. A. «Barbarian» Pottery... Pl. 8.</i>	161
<i>Ил. 38.</i> Пелопоннесская «варварская» керамика: 1—14 — Тиринф; 15, 16, 20—23, 26, 27 — Эгира; 17—19, 25 — Кораку; 24 — Афины, Агора. <i>Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe... P. 182</i>	162
<i>Ил. 39.</i> Лаконская протогеометрическая (1—4) и геометрическая (5) керамика из: 1—2 — Амикл; 3—4 — Стены, близ Гитиона; 5 — Артемиды Орфии, Спарта. <i>Cartledge P. A. Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. London, 1979. P. 85.</i>	166
<i>Ил. 40.</i> Фрагменты протогеометрических сосудов из Амикл (Amyklaion-Ware). <i>Buschor E., von Massow W. Vom Amyklaion // AM. 1927. Bd. 52. Taf. II, III</i>	170—171
<i>Ил. 41.</i> Фрагменты декора протогеометрической и геометрической керамики из Амикл. <i>Schachermeyr Fr. Griechenland... S. 227</i>	172
<i>Ил. 42.</i> Амиклы. Фрагменты бронзовых изделий ПГ периода. <i>Buschor E., von Massow W. Vom Amyklaion. S. 35. Beilage VIII.</i>	176—177
<i>Ил. 43.</i> План поселений эпохи бронзы в районе Менелайона. <i>Catling H. W. and E. A. «Barbarian» Pottery... P. 73</i>	183
<i>Ил. 44.</i> План святилища Артемиды Орфии // BSA. 1908—1909. № XV. Pl. I	185

Карты

<i>Карта 1.</i> Греция в XIII в. до н. э. <i>Iakovidis S. P. 1983. Pl. 1</i>	30
<i>Карта 2.</i> Дорийское переселение. NP. 1997. S. 790	41
<i>Карта 3.</i> Распространение мечей и кинжалов микенских типов в Карпато-Балканском регионе. <i>Wanžek B. 1991. S. 15</i>	42

<i>Карта 4.</i> Распространение смычковой фибулы в XIII—IX вв. до н. э. (по М. Кашуба). <i>Kašuba M.</i> 2008. S. 209	48—49
<i>Карта 5.</i> Распространение жаровен со встроенным вовнутрь сосудом и скругленной крышкой в эпоху бронзы. <i>Pavúk P., Horejs B.</i> 2012. S. 140.	63
<i>Карта 6.</i> Основные археологические памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Западной Македонии: 1 — Малик; 2 — Трен; 3 — Бубусти; 4 — Патели; 5 — Эйане; 6 — Вергина; 7 — Килиндир; 8 — Вардаровца; 9 — Вардина; 10 — Кастанас. <i>Schachermeyr Fr.</i> 1980. Abb. 82	76
<i>Карта 7.</i> Микенский мир Средней Греции и Северо-Восточного Пелопоннеса. <i>Demargne P.</i> 1964. P. 287	83
<i>Карта 8.</i> Греция и Эгеида в период темных веков (XII—IX вв. до н. э.). <i>NP.</i> 1997. S. 839	93
<i>Карта 9.</i> Распространение керамики типа Бубусти в бассейне рек Галиакмон и Вардар. <i>Schachermeyr Fr.</i> 1980. S. 277.	115
<i>Карта 10.</i> Распространение «промежуточной» керамики (<i>Zwischenware</i>) — 1 и СМ стиля и его керамики — 2. <i>Schachermeyr Fr.</i> 1980. S. 389	125
<i>Карта 11.</i> Распространение дорийско-северо-западногреческих диалектов. <i>NP.</i> 1997. S. 782	144
<i>Карта 12.</i> Южный Пелопоннес. <i>Cartledge P. A.</i> 1979. P. 132.	149
<i>Карта 13.</i> Локализация спартанских ком. <i>Cartledge P. A.</i> 1979. Fig. 12.	152
<i>Карта 14.</i> Лакония ПЭ IIIB периода. <i>Cartledge P. A.</i> 1979. Fig. 7	158
<i>Карта 15.</i> Лакония ПЭ IIIC периода. <i>Cartledge P. A.</i> 1979. Fig. 8	159
<i>Карта 16.</i> Лакония протогеометрического периода. <i>Cartledge P. A.</i> 1979. Fig. 9	163

УКАЗАТЕЛИ

1. Имена исследователей

А

Akurgal 136
Alin (Алин) 29, 59, 64, 67, 88
Andronikos (Андроникос) 70, 97, 110

В

Bartoněk 27, 145
Beloch (Белох) 13, 14, 18, 26, 27, 135
Bengtson (Бенгтсон) 13, 18, 29, 136
Betancourt 66
Bintliff 154, 157, 182
Blegen 29
Bölte 182
Bourguet 155
Bouzek (Боузек) 14, 29, 31, 37, 38, 40, 43,
51, 57, 58, 61, 63, 71, 73–75, 81, 89, 91,
92, 96, 97, 103, 104, 113, 116, 117, 123,
132, 160
Broneer 29, 72
Bryson 70
Buck (Бак) 14, 27, 31, 39, 70, 73, 131
Buschor 163, 164
Busolt (Бузольт) 12, 133, 136, 137, 151,
187–190

С

Carpenter (Керпентер) 70
Cartledge 18, 38, 110, 111, 132, 151, 154,
155, 157, 160, 164, 167, 173, 175, 182,
184, 186, 189
Cassola 95
Catling (Кэтлинг) 56, 160
Chadwick (Чедвик) 14, 27–29, 64, 70, 86
Chrimes 188
Coldstream 125, 165, 167

Cook (Кук) 95
Coulson 179

Д

Daniel 29
Dawkins 182, 184
Deger-Jalkotzy (Дегер-Ялкотци) 40, 51,
56, 61, 72, 91
De Sanctis (де Санктис) 13
Desborough (Десборо) 14, 29, 31, 37, 38,
59, 63, 67, 68, 70–73, 88, 89, 92, 94–98,
100, 102–104, 113, 123, 125, 131, 132,
160, 164, 165, 167, 169, 173, 179, 180,
184, 186, 193
Deschayes (Дешайе) 104
Dickinson 88, 106
Donley 70
Droop 182

Е

Ehrenberg 136

Ф

Finley 38, 110

Г

Gimbutas 40
Grumach 38

Н

Hafner 109
Hägg 40, 95, 96, 132
Hammond (Хэммонд) 14, 18, 23, 31, 39,
65, 71, 72, 77, 81, 84, 85, 89, 94, 96,
104, 111, 130, 136, 146, 193
Hampl 38
Hanfmann 95

- Hasebroeck 136
 Heurtley 114
 Heuss 136
 Hiesel 64
 Homann-Wedeking 104, 168
 Hood 38
 Hooker (Хукер) 14, 18, 22, 27, 63, 64, 67,
 68, 72, 85, 104, 110, 167
 Hope Simpson (Хоуп Симпсон) 31, 92,
 182
 Hutchinson 66
 Huxley 95, 150
- I**
 Iakovidis (Яковидис) 66, 70, 103
- J**
 Jacoby 150
- K**
 Kahrstedt (Карштедт) 13
 Kiechle 16, 155, 156, 188
 Kilian 89
 Kimmig 40, 43, 51, 104
 Kirsten 24, 65, 85, 94, 110, 111, 132, 136,
 151, 156, 168, 169, 173, 179, 184,
 188
 Krahe (Краэ) 40
 Kraiker 96, 109
 Kübler 96
- L**
 Lamb 70
 Lang (Лэнг) 73
 Latte 133, 137, 138
 Leaf (Лиф) 145–147
- M**
 Massow von 163
 Matz (Мац) 40, 109
 McDonald (Мак дональд) 31, 92
 Meyer (Мейер) 12, 14, 16, 18, 20, 40,
 133
 Milošić (Милойич) 40, 43, 57, 58, 103,
 104, 113
 Money-Coutts 94
 Mylonas 38, 67, 70, 72, 130
 Myres (Майрз) 114, 117, 130
- Müller (Мюллер) 13
 Müller-Karpe (Мюллер-Карпе) 54, 57, 98,
 103, 104
- N**
 Niese (Низе) 13
 Nilsson 133
 Norvin 139
- O**
 Oliva 13, 38, 155
- P**
 Pendlebery 94, 99
 Pöhlmann (Пёльман) 14
- R**
 Renard 94
 Renfrew 70
 Roebuck 95
 Roussel (Руссель) 136, 137
 Rubinsohn (Рубинзон) 14, 21, 38–40, 43,
 131, 132, 139, 190
 Rutter 61
- S**
 Sakellariou 95
 Sandars (Сэндарс) 18, 22, 54–56, 58, 61,
 65–67, 70, 72, 104, 110
 Sarkady 18, 24, 33, 58, 110, 133
 Schachermeyr (Шахермайр) 6, 7, 14, 18,
 20, 24, 29, 31, 37, 38, 40, 42, 50, 54, 59,
 61, 63, 64, 67, 68, 74, 75, 88, 89, 91, 98,
 103, 104, 109, 111, 113–117, 123, 125,
 127, 129, 131–135, 138, 167–169, 173,
 178–180, 193–195
 Schmitt 144
 Schweitzer 104
 Severyns 99
 Skeat 99
 Snodgrass (Снодграс) 14, 27, 29, 38, 39,
 54, 55, 63, 67, 70, 88–90, 92, 94, 95, 97,
 98, 103, 104, 106, 109, 111–113, 132,
 160, 175
 Solmsen 155
 Starr (Старр) 14, 29, 71, 72, 94, 99, 136,
 150, 177
 Stubbings 29

Styrenius 96, 97, 104
Swoboda 137, 187–189
Szanto 133

Т

Thomas (Томас) 18, 24, 28, 111
Thompson (Томпсон) 94, 117
Tigerstedt (Тигерстедт) 16, 18
Tod 187
Tomlinson (Томлинсон) 18, 37, 40, 83,
131, 135, 146, 147
Toynbee (Тойнби) 24, 26, 38, 40, 79, 111,
135, 136, 138, 143, 145, 146, 151, 155,
156, 187, 189
Tritsch (Трич) 65, 66

V

Vermeule (Вермьюл) 38, 70, 99, 106, 110,
130
Vitalis 12, 16, 18–20, 130, 133

W

Wade-Gery 18, 19, 29, 99
Waldbaum 104
Waterhouse 182
Weber (Вебер) 136
Wilamowitz-Moellendorff von (Виламо-
виц) 14, 26
Willetts 133, 137
Winter 111

Z

Zervos 99

Георгиев 38
Колобова 99
Лурье 154
Полякова 38, 39, 66, 68, 71, 86, 146
Томсон 133

2. Указатель античных имен, исторических и мифологических

А

Агамемнон 21, 156
Агесилай I 189

Агиады 150, 154, 189, 191, 192
Агис 150
Агис I 154
Алкамен 154
Аполлодор 12, 17, 19–22, 38, 149
Аполлон 21, 160, 163
Аристомед 18, 19, 148, 191, 192
Аристомах 17
Архелай 154

Г

Галлиен 31
Гелланик Лесбосский 5, 11, 154
Гера 15, 98
Геракл 11, 13, 16, 17, 19–21, 38, 139,
149
Гераклиды 6, 11–24, 26, 28, 29, 39, 70,
133, 137–139, 146, 149, 150, 174,
192
Геродот 5, 11, 16–18, 21, 24, 38, 134, 156,
191, 192
Гесиод 11, 19, 134
Гиакинф 98, 156, 160, 163, 164, 179,
184
Гилл 17, 19–21, 191
Гомер 21, 26, 28, 134
Гра 153

Д

Диман 19, 20, 135, 189
Диодор Сицилийский 12, 21, 38
Дурис Самосский 12

Е

Еврипид 21
Еврипontiды 150, 189, 192
Еврисфей 17, 21
Еврисфен 18, 148, 150, 191, 192
Евсевий 12

И

Исократ 149

К

Кресфонт 18, 19, 139

Л

Ликург 174, 187, 190, 191

- М**
Менелай 21, 156, 157, 182
- Н**
Нелеиды 11
Нестор 21, 31, 73, 88, 157
- О**
Оксил 17, 18
Орест 17, 22, 153, 156
- П**
Павсаний 21, 150, 153, 154, 178, 182, 187, 188, 189
Памфил 19, 20, 134
Патрокл 29
Пелопиды 11, 29
Персеиды 11, 29
Пиндар 15, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 149
Платон 149, 191
Посейдон 155
Прокл 18, 148, 150, 191, 192
- С**
Страбон 150
- Т**
Темен 17, 18, 19, 21, 138, 192
Темениды 139
Тесей 190, 191
Тиндариды 22
Тиртей 15, 16, 18, 24, 25
Тисамен 17, 18, 22, 150
- Ф**
Филоном 150
Фукидид 12, 18, 23, 38, 70, 151, 190, 191
- Х**
Харилай 189
- Э**
Эакиды 11
Эгимий 16, 19, 20, 21
Эллин 134
Эратосфен 12
Эфор 38, 149, 150, 151, 153, 154
- 3. Указатель понятий и терминов**
- А**
ахейские
-ое владычество 23
ванакты (династы) 22, 25, 31, 65, 73, 80
государства 27, 38
- Б**
Большая ретра 187, 189, 190
- В**
вазовая живопись (вазопись) 89, 98, 99, 102, 106, 113, 114, 116, 117, 123, 165, 167, 174, 180, 181, 195
стиль вазовой живописи 99, 100, 104, 116, 117, 129, 135, 169
варвары (северные) 13, 50, 55, 56, 58, 67, 82, 84, 129, 193
Великое переселение народов 40, 43, 65, 67, 88, 146
возвращение Гераклидов 15
войны
гражданские 70
медоусобные 70–72, 84
- Г**
гентильные объединения 137, 138
Геометрический период 96, 116
-ое искусство 99, 103, 110, 113–116, 123, 168, 169, 195
герусия 191
государство
лакедемское 148, 154, 155
полисного типа 136, 195
централизованное 150
греческий язык 28, 143
дорийская ветвь 27, 133, 143
ионийская ветвь 133, 143
эолийская, или ахейско-эолийская ветвь 133, 143
- Д**
дворцовая цивилизация 12, 22, 84, 88
декор 113, 125
Дельфийский оракул 17

демографические процессы 88, 147
-ий спад 33, 112, 153
демы 187, 190
диалект(ы) 26, 147
дорийский диалект 27, 135, 143–145, 194
северо-западногреческие диалекты 27, 99, 143, 144, 155, 157, 194, 195
диархия 191
дорийское завоевание (вторжение) 5, 6, 9, 11, 13, 14, 16, 18, 25, 27, 29, 38, 40, 99, 111, 130, 145–148, 153, 155, 193
-ая культура 9, 27, 103, 106, 110, 112, 113, 117, 129
-ий этнос 133–135, 138, 143, 157

И

илоты (спартанские) 86, 150, 151, 153–155
ионийская колонизация 95

К

Каталог кораблей 16, 21, 26, 29, 80
колония(и) 95, 124, 135, 136, 139, 153
ахейские 153
вывод кол. (колонисты) 28, 95, 153, 154
дорийские 153
кома (деревня) 151, 182, 184, 186–190
Дима 189
Киносура 151, 187
Лимны 151, 183, 187
Месоа 151, 187
Питана 151, 187
кочевой (полукочевой образ жизни) 75, 82, 86, 94, 112, 131, 157
кремация 103, 110
обычай кремации 57, 97
культ(ы) (празднества) 143
Гиакинфа 98, 156, 164
Диоскуров 156
догреческие (додорийские) 156, 178
Карней 133
культура (зона) полей погребальных урн 43, 50, 54, 55, 73, 77

Л

Ликургово законодательство 190, 191
линейное (слоговое) письмо Б 28, 89

М

Мессенская война
I 148
II 16
миграции (период миграций) 7, 22, 42, 86, 113, 130, 131, 146, 153, 181
племенные 6, 18, 23, 40, 55, 81, 109, 111, 150, 157, 169
микенская культура 13, 57, 68, 80, 86, 88, 90, 91, 99, 129, 178, 193
цивилизация 6, 9, 12, 13, 18, 27, 29, 38, 39, 57, 62, 65, 66, 70, 80, 82, 88, 92, 96, 106, 109, 112, 157, 178
микенские ванакты
государства 67
поселения 8

Н

надписи (эпиграфические тексты) 56, 137, 143, 155, 187
народы моря 40, 56, 65–68, 74, 86
население
автохтонное 15, 26, 64, 70, 109, 129, 194
ахейское 10, 38, 87, 112, 113, 129, 148, 153, 155, 156, 160, 168, 174, 178, 181, 195
кочевое 85, 86
микенское 85, 91, 94, 95, 103, 129, 130, 194
оседлое 85, 86, 181
некрополь 92, 95, 96, 103, 106, 178
финский Керамик 96, 103, 123
о-ва Саламин 96, 103
нордическая теория 13, 99, 109

О

оба 174, 187, 188
община 61, 135, 139, 155, 186, 195
ахейская 151, 156, 186
дорийская 112, 186, 187, 188
племенная 186
территориальная 137, 186

- оракул
 Аполлона 21
 Дельфийский 17, 21
 оседлость (оседлый образ жизни) 75, 82,
 84–87, 94, 111, 112, 123, 131, 133, 137,
 138, 146, 181
 отток (убыль) населения 85, 92, 95, 153,
 157
- П**
 переки 150, 151, 153–155
 племя(-на) 24, 25, 31, 42, 50, 54, 56, 61,
 67, 73–75, 77, 78, 80–83, 94, 110, 133,
 134, 145, 173, 180, 194
 грекоязычные 88, 109, 123, 131
 дорийское 38, 139
 пастушеские (кочевые, полукочевые)
 25, 75, 81, 82, 84–88, 90, 122, 127,
 130, 133, 134, 138, 157
 передвижения племен 11, 12, 42, 65,
 146
 погребальная практика (-ые обычаи) 96,
 103
 погребения 90–92, 96, 98, 106, 109, 110
 Позднеэлладский III В–С период(ы) 9,
 31, 38, 39, 64, 67, 68, 96, 98, 114, 127,
 157, 164, 179, 182
 полис(ы) 139, 141, 155, 187, 188, 190
 дорийские 16, 21, 133, 135, 136, 143,
 147, 195
 критские 137, 138
 спартанский 151, 188–191
 полисная организация 26
 Протогеометрический период (ПГ) 85,
 91, 92, 96, 97, 102, 103, 106, 112, 116,
 131, 132, 160, 164, 169, 175, 179, 180
- Р**
 родоплеменной строй (мир) 137, 195
- С**
 святилища 98, 155
 Аполлона и Гиакинфа 160, 163, 164,
 179, 184
 Артемиды Орфии 160, 165, 179, 182–
 184, 186–188
 Афины Халкиойкос 165, 184
 Менелая и Елены 156, 157, 182
- синойкизм 10, 189–191, 195
 спартиаты 150, 151, 156
 Среднеэлладский период (СЭ) 106, 114
 Субмикенский период (СМ) 91, 92, 96,
 97, 103, 106, 129, 131, 132, 160, 164,
 179
- Т**
 Темные века 9, 85, 91, 95, 96, 98, 99, 106,
 112, 114, 123, 129, 132, 153, 160, 163,
 169, 175, 180, 181, 184, 193
 трибальная организация (дорийская) 133,
 135, 136, 138, 143, 195
 Троянская война 12, 21, 23, 24, 26, 39,
 70
- Ф**
 филы дорийские
 Гиллеев 133, 135, 137, 138
 Диманов 133, 135, 137, 138
 Памфилов 133, 135, 137, 138
 филы недорийские
 Эталева 138
 фратрии 137
- Ц**
 цисты (ящичные могилы) 96, 103, 104,
 106, 110
 цитадель(и) 8, 23, 29, 31, 33, 39, 40, 50,
 65–68, 71, 72, 74, 84, 85, 88, 89, 92,
 109, 157
- Э**
 элладский ренессанс 109
 эмигранты (эмиграция) 94, 129, 153, 160,
 195
 этникон 134, 136, 154
 этнос 80, 186
 дорийский 134, 135, 138, 143, 157
 эфор(ы) 20
 эфорат 191
- 4. Предметный указатель**
- А**
 артефакты 43, 57, 104, 112
 северобалканского происхождения
 43, 57, 113

центральноевропейского происхождения 43, 57, 106, 113

Б

бронза (изделия из бронзы) 43, 54, 55, 92, 175

кинжал 43, 50, 73

кубки 56, 165

меч 77

меч, типа Sprockhoff IIa, Naue II 43, 55, 56, 73

наконечники копий 43, 50, 58, 104, 175

нож 38, 43, 50

украшения 9, 54, 57, 61, 77

браслеты 57, 77

булавки 96, 104, 106, 110, 113

диадемы 57

перстни (кольца) 77, 96, 104, 106

подвески 57

спирали 57, 77, 175

фибулы 43, 50, 55, 58, 96, 104

В

ваза воинов 50

вооружение

защитное (оборонительное) 50, 56, 73

панцирь 50, 56, 73

поножи 50, 56, 73

щит 50, 73, 77, 104

наступательное 50, 55, 56

копье 43, 50, 58, 104, 175

меч 43, 50, 56–58, 73, 77, 104

рапира 50

Ж

железо (изделия из железа) 92, 99, 104, 110, 175

меч 175

наконечник копья 175

И

идолы (куклы) 113, 123

К

керамика

Амыклаион-Вар 169, 173

аттическая 116, 132, 168, 195

Бубусти 116, 117

геометрического (Г) стиля (раннегеометрического, позднегеометрического) 99, 104, 113, 116, 117, 123–125, 129, 131, 164, 165, 195

лаконская ПГ стиля 165, 167–169, 173–175, 180, 181, 184, 186

лепная (Barbarian ware, варварская керамика, посуда) 9, 58, 61, 62, 67, 86, 90, 104, 106, 123, 160

микенская ПЭ ПС периода (стиля) 56, 57, 59, 86, 117

промежуточная керамика (Zwischenware) 125, 129, 179

протогеометрическая (ПГ) 95, 98, 99, 102, 104, 109, 117, 123, 129, 131, 139, 160, 165, 167, 168, 175, 180, 184

субмикенская (СМ) 95, 98, 109, 139, 169

темных веков 131, 139

тесного стиля (close style) 68, 114

шишечная (роговидная) 77

керамическое койне 54, 180

коропластика 164

О

орнаментальные мотивы вазовой живописи 77, 122, 168, 181, 195

Т

ткани 117, 122

Ф

фреска 73, 74, 77

5. Этногеографический указатель

А

Адриатика (Адриатическое море) 43, 50, 56, 61, 72, 77, 81

Азина 142

Акарнания 75, 145

акарнаны 137, 143

Албания 9, 61

албанцы 84, 130

Амиклы 15, 22, 24, 98, 148–151, 155, 156,
160, 163–165, 168, 169, 173–175, 178,
179, 182, 184, 187

Анатолия 43, 56

Аппенинский п-ов 40

Аргонида 8, 11, 31, 39, 40, 92, 100, 104,
112, 116, 123, 129, 131, 132, 137–139,
145, 154, 168, 193–195

Аргос 13, 16, 18, 19, 21, 29, 39, 95, 106,
129, 132, 136–139, 145, 147, 149, 192,
193, 195

Аркадия 27, 124, 139, 148, 154, 189,
194

аркадяне 28

Аттика 10, 17, 25, 31, 58, 80, 82, 92, 94,
97, 99, 103, 104, 113, 114, 116, 123,
129, 131, 137, 190, 193–195

Афины 6, 10, 64, 72, 88, 92, 95, 113, 117,
129, 165, 168, 184, 190, 195

афиняне 17, 28

Ахайя 31, 61, 73, 94, 100, 124, 139, 141,
143, 145, 153, 165, 167, 173, 180, 194

ахейская Греция 75, 88

ахейцы 26, 27, 38, 72, 73, 82, 109, 112,
138, 149, 154, 168, 173, 174, 178

Б

Балканский п-ов (Балканы) 25, 38, 42,
50, 54, 55, 58, 80, 106, 113, 194

беотийцы 23, 42, 146

Беотия 23, 25, 31, 64, 80, 82, 88, 92, 97,
117, 123

Болгария 9, 61

бриги 81

Бубусти 75, 114–116, 135

В

Вардар 115

Венгрия 73, 77, 205

Вергина 76, 87, 107

влахи 117, 130

Воло 64

Г

Галиакмон 75, 114, 116

Галлия 31

Гелос 148, 150, 154–156, 173, 175

Гитион 166

Гифей 173, 175

Гла 31, 64, 82, 88

Горгина 138

Греция 5, 6, 8–11, 15, 17, 22, 23, 25, 26,
28, 29, 31, 33, 38, 39, 42, 43, 50, 54–58,
61, 62, 65–68, 70–72, 75, 77, 78, 81, 82,
84–86, 88, 90–92, 94–96, 99, 102–104,
106, 109–113, 129–131, 133, 134, 137,
146, 156, 157, 160, 165, 167, 176, 180,
181, 193–195

Северная 13, 14, 23, 24, 29, 72, 82, 99,
124, 127, 133–135, 137

Средняя 16, 23–25, 29, 31, 61, 72, 73,
86, 90, 95, 99, 111, 114, 123, 124,
127, 133–136, 138, 194

Южная 5, 8, 9, 11, 13, 14, 26, 31, 39,
59, 138, 193

Д

Делос 98

Дельфы 21, 98

Диаката 47, 206

Додеканез 124

Дорида (Дриопида) 15, 16, 24, 25, 73, 85,
86, 134–136, 139

дорийцы 6, 8, 11–16, 19–29, 38–40, 42,
70, 86–88, 90, 94, 99, 100, 103, 104,
106, 109, 110–113, 115–117, 123, 127,
129–140, 143, 145–151, 153, 156, 157,
168, 169, 173, 174, 178, 180–182, 186,
188–193, 195

Драва 43

Дрер 138

Дунай 43, 50

Е

Еврот 22, 139, 148, 150, 151, 153, 154,
156, 157, 168, 169, 174, 175, 179, 180,
182, 183, 186–189, 191

Египет 6, 8, 40, 43, 56, 57, 66, 74

Ж

Жуто Брдо 123

И

Иксалофос 78

иллирийцы (протоиллирийцы) 78

Иолк 64, 88, 127

ионийцы 26, 38, 138
Ионический архипелаг 31, 86, 90, 94
Ионическое море 72, 73
Истм 25, 72, 73, 75, 81, 82, 86, 123, 135,
139, 145, 195
Итака 73, 165, 167, 173, 180
Италия 7, 31, 43, 54, 55, 58, 61, 86

К

Карпаты 67
Керинея 153
Кефаления 58, 73
кимвры 31
Кипр 27, 43, 56, 68, 74, 95, 153
Кносс 138
Колофон 103
Кораку 69, 162
Коринф 104, 123, 129, 139, 145, 147, 168,
194
Коринфский залив (перешеек) 17, 25, 73,
75, 82, 135, 180
Кос 136
Крит 6, 26, 27, 50, 58, 65, 68, 94, 97, 98,
103, 104, 116, 124, 132, 135, 137–139,
145–147, 153, 194

Л

Лакедемон 18, 21, 151, 186
Лакедемон на Кипре 153
Лакония 8, 11, 22, 24, 31, 39, 92, 100, 104,
112, 124, 129, 132, 139, 145, 148–151,
153, 155–157, 160, 163–165, 167–
169, 173–180, 182, 186, 188–191, 193,
194
Лапаф 153
Лефканди 94, 95, 99, 123
Литт (Ликт) 153
Локрида Озольская 73, 75
Локрида Эпикнеидская 181
локры 143

М

македны 25, 134
Македония 11, 27, 29, 61, 75, 77, 78, 80,
81, 114, 134, 135, 146, 193, 194
македоняне 137
Малая Азия 26, 51, 57, 68, 74, 81, 95, 103,
111, 124

Малея 148, 165, 194
Малик 75
Марафон 17
Мармариани 121, 122
Мегаарида 123
Мегарос 139, 145, 194
Мелос 153
Менелайон 31, 156, 157, 160, 179, 182
Мессения 8, 11, 16, 18, 19, 24, 31, 39, 92,
100, 104, 124, 129, 139, 141, 145, 149,
165, 167, 175, 179, 180, 186, 190, 193,
194
Микенская Греция 8, 9, 43, 58
микенские греки 50, 56, 61, 67, 82, 86,
129, 145
Микены 8, 21, 28, 50, 72
дворец 31, 64, 67
цитадель 33, 39, 50, 64, 70, 88, 157
Милет 103
мини 156
Мулиана 45

Н

Навакт 17, 25, 135
Нил 42, 50, 56
Нихория 167, 175, 179

О

Олимп 134
Олинф 62
Орхомен 64
Осса 134
Охрид 75

П

Палестина 6, 40, 43, 51, 56, 57, 68
Патели 75
Патры 153
Пелопоннес 6, 9, 11–18, 20–30, 38–40,
42, 50, 58, 61, 62, 64, 70, 72–75, 80, 86,
87, 90, 92, 95, 99, 104, 109, 111, 112,
114, 116, 117, 123, 124, 127, 129–140,
143, 145–150, 153–156, 160, 169, 179–
181, 186, 188, 192–195
Пеней 80
Перати 103
Передняя Азия 8, 42, 90
Пилос 8, 21, 28, 31, 64, 67, 73, 88, 157

Пинд 22, 24, 82, 113, 134, 194
 Плеврон 73
 Подунавье (Придунайская равнина) 7,
 42, 43, 50, 55–58, 67, 74, 77, 80, 103
 Преспа 75
 Просимна 97, 100

Р

Родос 28, 103, 136, 146, 194
 Румыния 9, 61

С

Сава 43
 Самос 98
 северо-западные греки 23, 24, 42, 83, 87,
 102, 117, 123, 130, 131, 133, 135, 138,
 140, 146, 173, 174, 178, 181
 Сербия 8, 123
 Сикион 139
 Сирия 40, 43, 51, 66, 74
 Скандинавия 43
 Словакия 57, 73
 Спарта 6, 13, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 24,
 29, 31, 39, 85, 132, 136, 139, 145,
 147–151, 155–157, 160, 163, 165, 168,
 169, 173, 174, 177–179, 182–184, 186–
 193, 195
 спартанцы 15, 19, 22, 139, 141, 148, 151,
 154, 187, 189, 190, 191
 Сперхей 80
 Средиземноморье 6, 7, 9, 40, 50, 54–57,
 66, 67, 90
 Стена 175

Т

Тайгет 113, 148, 156
 тевтоны 31
 Тейхос Димайон 39, 64, 205
 Тенар 148, 155, 194
 Терапны 153, 182
 Тиринф 8, 31, 33, 50, 64, 67, 72, 88, 157
 Тисса 43
 Трен 75
 Трифилия 141
 Троя 12, 21, 26, 40, 58, 70, 85

Ф

Фарис 187

Фера 153, 156
 Фессалия 11, 19, 23–25, 30, 75, 80, 82, 95,
 100, 103, 117, 125, 131, 134, 146, 193,
 194
 Фивы 64, 88
 фокейцы 143
 Фокида 25, 31, 73, 82, 100, 117, 124, 145,
 167, 194
 фригийцы (протофригийцы) 78, 81
 Фтиотида 134
 Фурии 155

Х

Хеттское царство 40

Ц

Центральная Европа 7, 40, 42, 43, 50, 54,
 56–58, 77, 103

Э

Эвбея 31, 58, 73, 94, 95, 99, 103, 116, 123,
 131
 Эгейда 9, 15, 54, 56, 65, 66, 68, 73, 94,
 95, 114, 124, 131, 132, 145, 165, 193,
 194
 Эгейское море 11, 27, 72, 73, 95, 103, 124,
 136, 195
 Эгина 20, 139
 Эгира 61
 Эгис 154, 189
 Элафотопос 78
 элейцы (эпейцы) 112
 Элида 31, 73, 100, 124, 139, 141, 143, 145,
 165, 180, 194
 Эллада 28, 150, 151, 178, 182
 Энкоми 44
 Эолида 153
 эолийцы 26
 Эпир 24, 27, 29, 75, 77, 78, 80, 81, 86, 103,
 125, 130, 131, 135, 146, 181, 193, 194
 эпироты 137, 143
 Эриней 15, 24
 этолийцы 42, 112, 137, 143, 145
 Этолия 73, 75, 80, 86, 131, 132, 145, 146,
 165, 167, 173, 180, 181, 194

Ю

Югославия 61, 73

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. С. Бочкарёв. Предисловие</i>	5
Вместо введения	11
Глава I	
Легенда о «возвращении Гераклидов», или о дорийском завоевании Пелопоннеса	15
1. Античная традиция о «возвращении Гераклидов»	15
2. Гибель микенской цивилизации: археологическая картина конца XIII — начала XII в. до н. э.	29
3. Начальная фаза темных веков	91
4. Дорийский этнос	133
Глава II	
Дорийцы в Лаконии. Первые поселения на месте Спарты (в свете письменной традиции и археологических данных)	148
1. Предание о дорийском завоевании Лаконии	148
2. Археологические свидетельства	156
3. Возвышение Спарты	182
Заключение	193
Литература	196
Список сокращений	204
Список иллюстраций (составитель Л. В. Шадричева)	205
Указатели (составитель Л. В. Шадричева)	210
1. Имена исследователей	210
2. Указатель античных имен, исторических и мифологических	212
3. Указатель понятий и терминов	213
4. Предметный указатель	215
5. Этногеографический указатель	216

CONTENTS

<i>Vadim S. Bochkaryov</i> . Preface	5
Instead of an introduction	11
Chapter I	
The legend on the «return of the Heracleidae», or on the Dorian invasion of the Peloponnesus	15
1. The Classical tradition on the «return of the Heracleidae»	15
2. The downfall of the Mycenaean civilization: an archaeological picture of the late 13th – early 12th centuries BC	29
3. The initial phase of the «Dark Ages»	91
4. The Dorian ethnos	133
Chapter II	
The Dorians in Laconia. The earliest settlements within the site of Sparta (in light of the written tradition and archaeological data)	148
1. The legend on the Dorian invasion of Laconia	148
2. The archaeological evidence	156
3. The rise of Sparta.	182
Conclusion	193
Literature	196
List of abbreviations	204
List of illustrations (compiled by Lyudmila V. Shadricheva)	205
Indexes (compiled by Lyudmila V. Shadricheva)	210
1. Names of researchers	210
2. Index of antique names, both historical and mythological	212
3. Index of concepts and terms	213
4. Subject index	215
5. Ethno-geographical index	216

Научное издание

Андреев Юрий Викторович
ДОРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ
Историческая проблема в свете археологии

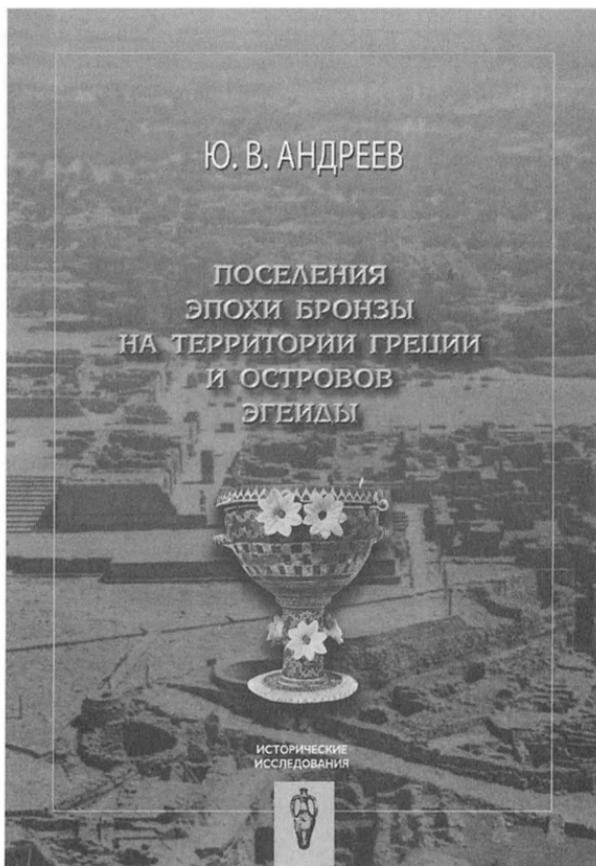
Под редакцией В. С. Бочкарёва
Подготовка издания Л. В. Шадричевой

Выпускающий редактор *Е. П. Чебучева*
Корректор *Н. Ю. Сулейманова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 04.08.2015. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 14. Заказ № 391.

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7,
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А.

Ю. В. Андреев
ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ГРЕЦИИ И ОСТРОВОВ ЭГЕИДЫ

Под ред. В. С. Бочкарёва; подгот. к изд. Л. В. Шадричевой

Настоящая монография — единственное в отечественной науке исследование проблемы происхождения раннегреческого города. В ней детально рассматриваются типы поселений, сформировавшихся на островах и в прибрежных районах Эгеиды, а также в материковой Греции (на Пелопоннесе) в III–II тыс. до н. э., и их эволюция от укрепленных поселений квазигородского типа до протогородов в крито-пелопоннесском и кикладском вариантах. Первый в основе своей соответствовал структуре дворцового государства, второй социологически и морфологически во многом предвосхитил классический греческий полис I тыс. до н. э.

Книга предназначена не только для специалистов в области истории Древней Греции и археологии бронзового века, но и для всех тех, кто интересуется проблемой зарождения европейского города.

2013 г. Объем 360 с., формат 70 × 100 1/16.

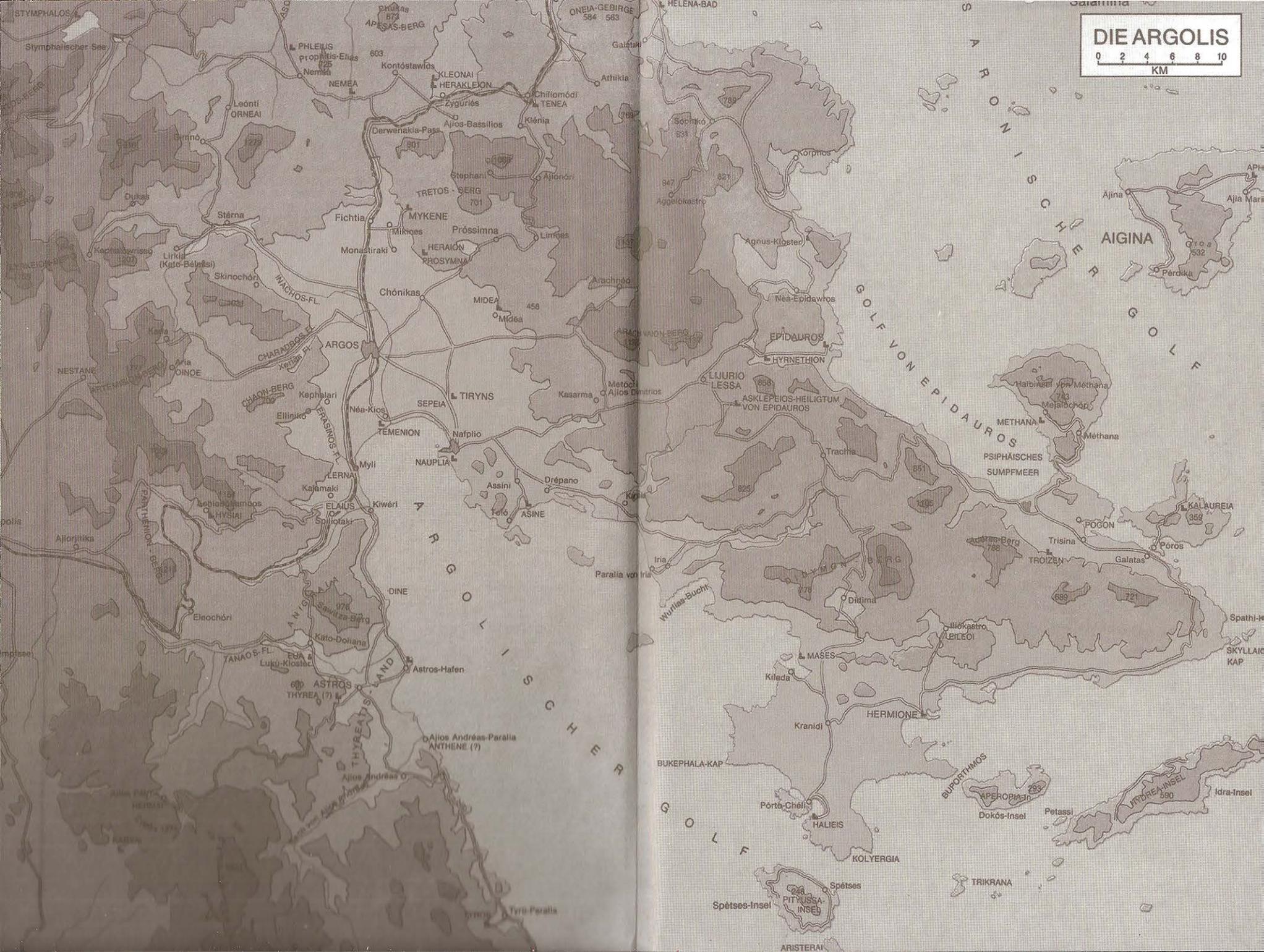

Ю. В. Андреев
СПАРТАНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ:
ОБЩЕСТВО И АРМИЯ СПАРТЫ

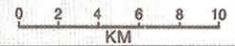
Под ред. В. П. Никонорова; подгот. к изд. Л. В. Шадричевой

Книга посвящена узловым вопросам истории Спарты — одного из самых загадочных и своеобразных государств античного мира. Автор проанализировал факторы, приведшие к образованию столь специфического для древнегреческого мира полиса, и детально рассмотрел государственный строй Спарты и его законодательную основу, а также особенности устройства гражданской общины и весь круг вопросов, связанных с организацией и функционированием армии — самой сильной в Элладе, являвшейся важнейшим инструментом реализации спартанским руководством целей в области не только внешней, но и внутренней политики. Особое внимание автор уделит критическому разбору дошедших до нас сведений о Спарте в античной письменной традиции и наиболее ярким и хорошо освещенным в источниках событиям ее политической истории.

2014 г. Объем 304 с., формат 60 × 90 1/16

DIE ARGOLIS

Symphalischer See

PHLEIUS Propylis-Elias Nemsea
NEMEA
Kontostawids
KLEONAI
HERAKLEON
Chilimodi
TENEIA
Athikia
Galatiki
Helena-Bad
HELENA-BAD
Sociko
Korinos
Aggelokastro
Agnus-Kloster
Nea-Epidawros
HYRNETHION
EPIDAUROS
LJURIO LESSA
ASKLEPEIOS-HEILIGTUM VON EPIDAUROS
Trachia
Methana
Methana
Methana
Methana
KALAUREIA
POGON
Trisina
Galatas
Troizen
Ditima
Mases
Kilada
Kranidi
HERMIONE
BUKEPHALA-KAP
Porte-Cheli
HALIEIS
KOLYERGIA
Spetses
Spetses-Insel
PITUSSA-INSEL
ARISTERAI
TRIKRANA
Idra-Insel

Leonti ORNEAI

Simno

Dukas

Kachalawrisso

Lirida (Kato-Belassi)

Skinochori

Sterna

Argos

603

873

357

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

603

873

357

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

603

873

357

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

603

873

357

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

603

873

357

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

603

873

357

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

701

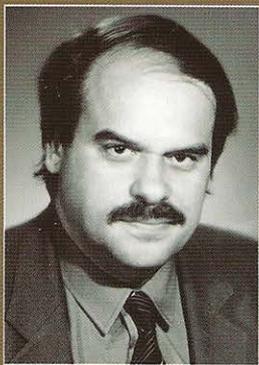
701

701

701

701

Ю. В. Андреев

Yuriy V. Andreev

THE DORIAN
INVASION:
A HISTORICAL
PROBLEM IN
LIGHT OF
ARCHAEOLOGY

ISBN 978-5-4469-0652-9

9 785446 906529

ДОРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Историческая проблема
в свете археологии

Юрий Викторович Андреев (03.03.1937–17.02.1998) — один из крупнейших отечественных антиковедов. Родился в г. Ленинграде. В 1959 г. с отличием закончил кафедру истории Древней Греции и Рима исторического факультета Ленинградского государственного университета. После завершения аспирантуры работал на этой же кафедре, пройдя путь от ассистента до профессора. В 1967 г. защитил кандидатскую, а в 1979 г. докторскую диссертации. Не порывая с университетом, с 1982 г. работал ведущим научным сотрудником в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН), где с 1986 г. являлся заведующим Группой античной археологии и заместителем председателя ученого совета по защите диссертаций. Состоял членом оргбюро Всесоюзной ассоциации антиковедов и редколлегии журнала «Вестник древней истории». Его научными интересами были по преимуществу история и культура Древней Греции от крито-микенской до классической эпох. Памяти Юрия Викторовича посвящены сборники статей «ΣΥΣΤΗΑ» (СПб., 2000) и «Фидития» (СПб., 2013). Из написанного им изданы следующие книги: «Раннегреческий полис (гомеровский период)» (Л., 1976; новое, дополненное несколькими статьями, изд.: СПб., 2003); «Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы» (Л., 1989); «Поэзия мифа и проза истории» (Л., 1990); «Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации» (СПб., 1998; 1999); «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.)» (СПб., 2002; на англ. яз.: Peeters, 2013); «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)» (СПб., 2004); «Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э.» (СПб., 2004); «Архаическая Спарта. Искусство и политика» (СПб., 2008); «В ожидании "греческого чуда". Из записных книжек» (СПб., 2010); «Поселения эпохи бронзы на территории Греции и островов Эгеиды» (СПб., 2013).

Ю. В. Андреев

ДОРИЙСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЕ